

К. Фалькенгорст

Танганайский лев

ННП

Библіотека Романовъ
[Приключенія на сушѣ и на морѣ]

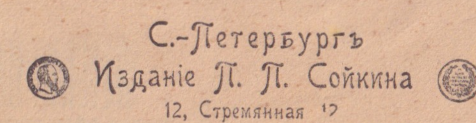
Соч. К. Фалькенгорста

Африканскій Кожаный Чулокъ

въ трехъ томахъ

Томъ II

Танганайскій Левъ

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная 12

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Декабря 1899 года.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.

I. Симба.

Заливъ Лувулунгу. — Укрѣпленные замки въ скалахъ. — Обломки судна „Утка".—Попытка мятежа.—Гребецъ Инкази. — Лѣсные грабители и разбойники Ндэре. — Ночные звуки. — У крѣпостныхъ воротъ.

— Судно! Судно! Ура! Сузи возвращается!—кричали въ одинъ голосъ гребцы на каноэ, разсѣкавшемъ тихія воды оз. Танганайка, направляясь къ устью Лувулунгу.

При этихъ словахъ своихъ чернокожихъ слугъ, бѣлый, молодой еще человѣкъ, правившій рулемъ, быстро поднялся на ноги и устремилъ вдаль, на сѣверъ, пытливый взоръ. Дѣйствительно, на самомъ краю горизонта виднѣлась какая-то темная точка надъ обширной, ярко освѣщенной вечернимъ солнцемъ водяной поверхностью. Негры подняли весла и, оживленно жестикулируя, указывали на темный предметъ. Они прикладывали руки ко лбу, и нѣкоторыя снова воскликнули:

— Да, да, это судно! большое судно! очень большое. Безъ сомнѣнія, это—Сузи!

Между тѣмъ бѣлый, вооружившись бывшей при немъ зрительной трубой, внимательно вглядывался въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ показавшееся вдали судно. Гребцы притихли и съ тревожнымъ ожиданіемъ смотрѣли на своего господина. Но напрасно старались они прочесть радостное удивленіе въ мужественныхъ, красивыхъ чертахъ своего повелителя.

— Господинъ,—осмѣлился, наконецъ, выговорить одинъ изъ нихъ,—вѣдь, это арабское судно! Ты узнаешь Сузи? Пора

ему вернуться! Ужъ десять дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ отправился въ Удшидши. А водой путь свободенъ, ничто не могло задержать его; бури за это время не было; водяные духи безмолвствуютъ!

— Да, да, конечно!—вмѣшался другой,—нанять судно въ Удшидши не такъ трудно, чтобы на это потребовалось много времени, а принять грузъ на судно онъ могъ и въ одинъ день!

— Безъ сомнѣнія, это—Сузи, который вытащитъ насъ изъ этого глухого угла,—вымолвилъ третій—да и пора ужъ намъ выбраться отсюда: Руга—Руга уже пронюхали про насъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что никто, какъ злой духъ, прибилъ именно сюда нашу бѣдную „Утку", потому что на всемъ свѣтѣ нѣтъ другого такого страшнаго, непривѣтливаго мѣста.

Теперь ихъ „господинъ" медленно опустилъ свою зрительную трубу, и взглядъ его скользнулъ по окрестнымъ берегамъ озера. Какъ могли эти люди назвать „страшными и непривѣтливыми" эти мѣста? Впрочемъ, для такихъ дикарей, какъ они, не понятны красоты природы.

Въ этотъ моментъ лодка остановилась у входа въ глубокую бухту, далеко врѣзавшуюся въ берегъ. На заднемъ планѣ, точно выростая изъ воды, вырисовывались крутыя высокія горы. Подножье ихъ было скалистое, размытое и прорванное мѣстами водой. Эти вѣковые гиганты, отражавшіеся въ водахъ прозрачнаго озера, носили густо-зеленые покровы: мѣстами ихъ опоясывали темные лѣса, мѣстами украшали роскошные луга съ высокими, нѣжными травами. Даже и самыя вершины ихъ не были вполнѣ обнаженными и между темными зубчатыми скалами весело выдѣлялась свѣжая яркая зелень травъ и кустовъ. Казалось, эти громадныя горы дышали могучею, жизненной силой; повсюду изъ нѣдръ ихъ выбивались веселые обильные ключи,—бурные горные потоки и длинными, извилистыми серебристыми струйками устремлялись въ широко раскрытыя для нихъ объятія голубого озера. А лѣсные великаны-гиганты древеснаго царства неподвижно стояли по берегу, точно погруженные въ тихую,

глубокую думу. Уже много вѣковъ, съ ранней молодости своей, стоятъ они здѣсь и прислушиваются къ вѣчному немолчному шуму бурныхъ потоковъ, и, вѣрно, знаютъ, что близокъ тотъ часъ, когда они, теперь уже старые и дряхлые, подъ напоромъ могучихъ порывовъ сердитаго вѣтра, должны будутъ рухнуть и скатиться въ глубокія волны, плещущія теперь у ихъ ногъ.

Только шумные горные потоки оставались вѣчно юными и неизмѣнно веселыми, оживляя угрюмыя скалы и придавая ландшафту ту чарующую прелесть, которая невольно приковываетъ взглядъ и волнуетъ душу каждаго, сколько-нибудь впечатлительнаго человѣка.

Эта живописная бухта Танганайскаго озера была не менѣе величественна, чѣмъ норвежскіе фіорды, и не менѣе прекрасна, чѣмъ знаменитѣйшія горныя озера Швейцаріи, роскошный уборъ богатой тропической растительности дѣлалъ ее еще болѣе привлекательной и романтичной, чѣмъ ея сѣверныя сестры.

Тѣмъ не менѣе эти прекрасныя мѣста казались гребцамъ неграмъ „страшными и непривѣтливыми“, и, быть можетъ, они были правы, потому что самый чудный ландшафтъ кажется намъ мертвымъ и безжизненнымъ, если мы не встрѣчаемъ въ немъ признаковъ человѣческаго присутствія. Рыбачій челнъ оживляетъ прекрасный фіордъ, затерянная хижинка альпійскаго охотника придаетъ жизнь снѣжнымъ вершинамъ Альпъ. Но здѣсь глазъ напрасно бы искалъ отрадныхъ признаковъ близости человѣка. Лишь на самыхъ вершинахъ, на недосягаемой, какъ казалось, высотѣ, ютились, прячась въ расщелинахъ скалъ, едва замѣтныя человѣческія жилища. Но послѣднія далеко не придавали мѣстности уютнаго и привѣтливаго характера, а на оборотъ, скорѣе возбуждали недовѣріе и опасенія. При видѣ этихъ жилищъ невольно являлся вопросъ, почему эти люди бѣгутъ изъ прекрасной долины, селятся тамъ, на этихъ недоступныхъ высотахъ, гдѣ гнѣздятся однѣ только хищныя птицы?

Казалось, что надъ этой прекрасной живописной мѣстностью тяготѣетъ какое-то проклятіе.

И это тяжелое впечатлѣніе отразилось и на лицѣ бѣлаго, который медленно перевелъ свой взглядъ, сіявшій восхищеніемъ при видѣ пѣнящихся водъ горныхъ потоковъ и теперь озабоченно остановился на одной изъ зубчатыхъ вершинъ, гдѣ высилась къ небу грязная и неприступная маленькая крѣпость на высокой, голой скалѣ.

— Такъ это не Сузи?—нетерпѣливо прервалъ одинъ изъ негровъ тягостное для всѣхъ молчаніе.

— Нѣтъ—коротко отвѣтилъ бѣлый, — это лишь маленькая лодочка, которая при свѣтѣ вечерней зари кажется вамъ довольно крупнымъ судномъ. Какъ видно, вамъ еще придется потерпѣть, хотя я, право, не вижу, чѣмъ вамъ худо здѣсь. Вѣдь, въ крѣпости Мудима спится хорошо и спокойно; тамъ вамъ не грозитъ никакой опасности; туда не осмѣлится подступить ни одинъ Руга-Руга!

Негры молча взялись за весла, и лодка быстро понеслась по гладкой поверхности тихаго озера. Никто не проронилъ болѣе ни слова до того момента, пока киль маленькаго судна не врѣзался въ мокрый береговой песокъ.

Все маленькое общество высадилось на берегъ, неподалеку отъ устья горнаго потока Лувулунгу, который, пѣнясь и бурля, перескакивалъ широкимъ каскадомъ съ одной каменной глыбы на другую, бѣшено устремляясь въ тихія воды Танганайки. Въ какихъ-нибудь тридцати шагахъ отъ того мѣста, гдѣ пристала лодка, виднѣлись на берегу обломки злополучнаго судна „Утка“.

— Проклятая „Утка“!—воскликнулъ одинъ изъ негровъ, грозя кулакомъ по направленію разбившагося судна, — ей одной мы обязаны своимъ пребываніемъ въ этой проклятой разбойничьей норѣ!

— Будь проклятъ и этотъ арабъ Магометъ, который навязалъ нашему господину „Лѣнивую“! — вымолвилъ другой и при этомъ разразился цѣлымъ потокомъ ругательствъ по

адресу бѣдной „Утки“, точно та была живое и разумное существо.

Негръ, изливавшій такимъ образомъ свою тщетно сдерживаемую досаду, былъ одѣтъ въ полосатую бѣлую съ краснымъ рубашку и бѣлую феску, а за спиной у него было закинуто ружье. Остальные четыре негра носили тотъ-же форменный костюмъ, по которому не трудно было узнать, что всѣ они состояли на службѣ при какой-нибудь экспедиціи. Кромѣ бѣлаго и его пяти негровъ, въ лодкѣ находился еще одинъ негръ, не имѣвшій на себѣ никакого другого одѣянія, кромѣ пояса изъ козлиной шкуры, и не носившій при себѣ ружья, которое ему замѣняли лукъ и копье. Но наружность его была болѣе внушительной и мужественной, а въ лицѣ было больше благородства и достоинства, чѣмъ въ лицахъ тѣхъ пяти пестро-одѣтыхъ негровъ, которые, столпившись въ кучу, злобно проклинали злосчастную „Утку“.

Сойдя на берегъ вмѣстѣ съ остальными, этотъ шестой негръ оставался вблизи бѣлаго, который въ первую минуту окинулъ грустнымъ взглядомъ обломки разбившагося судна, затѣмъ, сдвинувъ брови, сталъ наблюдать за пестрой группой негровъ.

— Вытащите лодку на сушу, Фераджи! — крикнулъ онъ тому изъ группы, который кричалъ и ругался громче всѣхъ,— да поторапливайтесь, чтобы намъ успѣть еще до захода солнца пуститься въ путь.

Но ни одинъ изъ негровъ не пошевельнулся, словно не спѣша, исполнить приказаніе своего господина.

— Поняли вы меня?—крикнулъ имъ бѣлый, и жилы на высокомъ лбу его налились кровью.

— Господинъ!—вымолвилъ тогда Фераджи,—не прогнѣвайтесь на насъ, если мы осмѣлимся высказать вамъ свое мнѣніе! Мы обязались, за извѣстное возгнажденіе, слѣдовать за вами и служить вамъ... Но о томъ, что мы должны остаться въ горахъ Кунгве, не было рѣчи, иначе ни одинъ изъ насъ не согласился бы поступить къ вамъ на службу.

Вѣдь, вы сами знаете, что влѣво безчинствуютъ разбойники Ндэрее, вправо засѣлъ грозный Муриро, а всѣ окрестные лѣса кишатъ безчисленными Руга-Руга. Правда, въ крѣпости Мудима можно спать спокойно, но путь туда далекій, гора крутая, лѣсъ темный, и на всемъ пути никто не можетъ поручиться за свою жизнь. Вотъ уже десять дней, какъ мы безпрестанно витаемъ между жизнью и смертію. Конечно, всѣ мы знаемъ, что вы носите имя Симба, т. е. Левъ, но Руга-Руга нисколько не боятся спутниковъ Льва. Имъ прекрасно извѣстно, что насъ, всего на всего, девять человѣкъ и потому не станутъ много церемониться съ нами и не задумаются отнять у насъ ружья и рубашки, хотя подступиться къ бѣлому Льву они не такъ-то скоро осмѣлятся! Вотъ почему мы хотѣли предложить вамъ слѣдующее: мы въ пятеромъ отправимся теперь же въ Удшидши, чтобы узнать, почему Сузи не возвращается, и непремѣнно захватимъ съ собою остальную часть вашего каравана, которую привеземъ сюда на вновь нанятомъ нами для васъ суднѣ. Такимъ путемъ всѣ мы будемъ выручены изъ бѣды; вѣдь, какъ знать, не случилось-ли съ Сузи какого-либо несчастія... Тогда намъ долго придется его ожидать, а вы, господинъ, останетесь не одни: вѣдь въ крѣпости Мудима находятся еще четверо вашихъ слугъ!

Имя Левъ было вполнѣ заслуженнымъ прозвищемъ для того бѣлаго человѣка, который носилъ его. Его мощная, сильная фигура, рельефно выдѣлявшаяся въ этотъ моментъ, когда онъ неподвижно стоялъ, опершись на свое ружье и выпрямясь во весь ростъ, производила по истинѣ сильное впечатлѣніе. Густые волосы его спадали, подобно львиной гривѣ, на его сильную шею и широкія богатырскія плечи. Густая борода обрамляла кругомъ его лицо, дышавшее энергіей и вмѣстѣ кротостью. Человѣкъ этотъ казался еще молодымъ; глаза его свѣтились юношеской отвагой; на высокомъ лбу не было ни одной морщинки. Ему могло быть около тридцати лѣтъ, хотя на видъ онъ казался старше этого возраста, потому что густыя кудри были сѣды также, какъ и борода.

Симба, какъ звали его и туземцы и арабы въ Удшидши, спокойно выслушалъ рѣчь негра. Презрительная улыбка мелькнула на его устахъ и, когда Фераджи кончилъ, онъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Итакъ, вы хотите вернуться въ Удшидши? Но скажите, какимъ путемъ? Черезъ лѣса, которые кишатъ Руга-Руга, или-же берегомъ, мимо самой разбойничьей деревни Ндэрее?

— О, нѣтъ! мы отправимся озеромъ Танганайка, на этой самой лодкѣ!—поспѣшно отвѣтилъ Фераджи.

— На этой лодкѣ?—медленно переспросилъ бѣлый,—да развѣ она ваша? Что ты на это скажешь, Инкази?—обратился онъ къ молодому туземцу вооруженному лукомъ и копьемъ и стоявшему за его спиной.—Согласенъ ты одолжить этимъ людямъ свою лодку?

— Я не смѣю этого сдѣлать, не спросясь у отца!—отвѣтилъ юноша.

Саркастическій шопотъ послышался изъ группы негровъ экспедиціи.

— Я отлично понимаю васъ, ребята,—спокойно продолжалъ бѣлый,—вы разсчитываете, конечно, на то, что васъ пятеро противъ одного. Прекрасно! Но скажи мнѣ, Инкази, что-же ты сдѣлаешь въ томъ случаѣ, если эти люди не захотятъ дожидаться разрѣшенія твоего отца, а сейчасъ-же съ мѣста возьмутся за весла и отчалятъ?

— Пусть только попробуютъ!—вызывающе воскликнулъ Инкази, поставивъ лѣвую ногу на край лодки и угрожающимъ движеніемъ поднявъ кверху свое копье.

— Что-же, Фераджи,—продолжалъ бѣлый,—не хочешь-ли сразиться съ сыномъ нашего гостепріимнаго хозяина, пріютившаго насъ у себя, за обладаніе этой лодкой? Въ такомъ случаѣ ты ничѣмъ не лучше какого-нибудь Руга-Руга, и пуля изъ моего ружья мигомъ уложитъ тебя на мѣстѣ!

Фераджи молчалъ, а его товарищи стояли, опустивъ головы. Послѣ минутнаго молчанія, бѣлый продолжалъ:

— Какъ видно, вамъ ничего болѣе не остается, какъ еще разъ взобраться вмѣстѣ съ нами на гору, къ Мудима, и попросить его одолжить вамъ лодку. Я-же охотно отпускаю васъ, потому что въ трусахъ, подобныхъ вамъ, не нуждаюсь, и когда захочу, лучше отправлюсь вдвоемъ съ Инкази въ Удшидши, чѣмъ съ вами, на которыхъ не могу положиться!

Тѣмъ временемъ Инкази вытащилъ лодку на берегъ, взвалилъ себѣ на плечи сѣть, наполненную рыбою, и поравнялся съ бѣлымъ, который крупными шагами пошелъ впередъ по крутому подъему горы. Экспедиціонные негры издали слѣдовали за ними. Они оживленно жестикулировали и съ большимъ воодушевленіемъ переговаривались о чемъ-то между собой. Слово „Руга-Руга“ особенно часто повторялось въ ихъ разговорѣ.

Когда все это маленькое общество вступило подъ прикрытіе лѣса, наступали ужъ сумерки. Возбужденные голоса негровъ постепенно смолкали, и глаза всѣхъ старались проникнуть таинственный сумракъ обступавшей ихъ со всѣхъ сторонъ лѣсной чащи, а слухъ жадно ловилъ каждый подозрительный звукъ. Каждый невольно крѣпче сжималъ въ рукѣ свое ружье, какъ будто за каждымъ кустомъ лежалъ въ засадѣ какой-нибудь невидимый во мракѣ врагъ.

Съ заходомъ солнца невозмутимая тишина, царившая на берегу залива, смѣнилась множествомъ разнообразныхъ звуковъ.

Прежде всего путнику могло показаться, что тамъ, на берегу, какой-нибудь кузнецъ принялся весело ковать кусокъ желѣза. Симба, такъ мы, вмѣстѣ съ туземцами, будемъ называть бѣлаго, на минуту пріостановился и сталъ прислушиваться къ этимъ звукамъ, затѣмъ, весело улыбаясь, зашагалъ дальше: вѣдь, этотъ шумъ издавна былъ знакомъ ему; это—лягушки озера Танганайка затянули свой ночной концертъ.

Между тѣмъ шумъ этотъ разростался, а къ стуку куз-

нецовъ присоединился сильный храпъ нѣсколькихъ сотенъ храпуновъ и пильщиковъ и какой протяжный свистъ на самыхъ высокихъ тонахъ. И все это сливалось въ такой странный концертъ, что путникъ невольно начиналъ думать, что находится вблизи громадной корабельной верфи. Чѣмъ выше наши путники подымались въ гору, тѣмъ глуше доносился до нихъ этотъ шумъ. Постепенно усиливавшійся западный вѣтеръ качалъ верхушки деревьевъ, и даже самый боръ завелъ свою глухую заунывную пѣсню. Ночныя птицы и животныя просыпались повсюду; а по временамъ до слуха нашихъ путниковъ доносился то крикъ дикой птицы, то ревъ какого-нибудь хищнаго звѣря.

Не доставало только могучаго бассоваго аккорда въ этомъ ночномъ концертѣ самыхъ разнохарактерныхъ звуковъ. Но вотъ пронесся въ воздухѣ глухой раскатъ, подобный отдаленному раскату грома и съ равномѣрными перерывами повторялся во всѣхъ горахъ и ущельяхъ. То былъ прибой Танганайки, разбивавшійся съ глухимъ ревомъ и стономъ о прибрежныя скалы и рифы мыса Кабого: озеро бушевало и бурлило, какъ море.

Вся природа какъ-будто ожила и пробудилась къ новой жизни: воды и горы заговорили; звѣри и птицы вели между собой для нихъ однихъ понятный разговоръ, а мѣсяцъ, медленно выплывъ изъ-за горъ, освѣтилъ таинственнымъ, сказочнымъ свѣтомъ этотъ ночной ландшафтъ и плылъ точно крошечный серебряный челнокъ, надъ зубчатыми вершинами горъ Кунгве. Здѣсь, близь экватора, онъ лежитъ горизонтально, и подобно легкому челноку, плыветъ по небосклону.

Симба и его спутники медленно подымались въ гору по крутой тропинкѣ. Инкази служилъ имъ путеводителемъ. Беззвучно, какъ тѣнь, скользилъ онъ между кустами и деревьями темнаго лѣса сквозь чащу тростниковъ и высокихъ густыхъ зарослей легкой, увѣренной, эластичной походкой. Такъ пробирались они болѣе часа, подымаясь все выше и выше въ гору. Вдругъ стройная фигура проводника явст-

веннѣе выдѣлилась на какъ-бы посвѣтлѣвшемъ фонѣ горизонта,—и блѣдный серебряный свѣтъ луны освѣтилъ его голову и лицо. Онъ пріостановился на минуту и, вытянувъ шею, сталъ вглядываться въ даль пытливымъ взглядомъ, точно выслѣживая и выглядывая что-то; затѣмъ, утвердительно кивнувъ головою, онъ бодро пошелъ впередъ, сдѣлавъ знакъ остальнымъ слѣдовать за нимъ. „Путь свободенъ“ казалось, говорилъ имъ этотъ жестъ.

Теперь Симба и его спутники вышли на возвышенную прогалину, оставивъ позади себя темную чащу лѣса, передъ ними разстилался громадный косогоръ, покрытый обработанными полями; а влѣво зіяла бездонная пропасть, въ глубокой расщелинѣ темныхъ скалъ.

Сюда-то именно и направился Инкази. Этотъ страшный, опасный путь велъ къ жилищу его отца Мудима. По ту и по другую сторону узкой тропы громоздились высокія, неприступныя отвѣсныя скалы,—и горе тому, кто осмѣлился-бы спуститься на дно этой лощины или ущелья, если тамъ, вверху, на скалахъ, караулилъ врагъ. Эти громадные обломки скалъ нагромоздила на самомъ краю обрыва не природа, а человѣческія руки, которыя всегда были на готовѣ въ неприступной крѣпости Мудима, по первому его слову, скатить эти громадныя каменныя глыбы въ пропасть, въ случаѣ, если-бы кто-нибудь осмѣлился, противъ воли Мудима, ступить на узкую и тѣсную тропу на днѣ ущелья.

Ущелье это дѣлало два рѣзкихъ поворота и крутымъ подъемомъ шло въ гору. Только послѣ довольно продолжительнаго, крайно опаснаго и утомительнаго перехода, наши путники прибыли, наконецъ, къ крѣпкимъ и сильно огражденнымъ воротамъ крѣпости Мудима, которые съ готовностью распахнулись передъ ними.

II. Крѣпость Мудима.

Мудима, мрачный и Коко.—Курочка.—Счастливая невѣста негритянка.—Легенда Танганайки.—Заколдованный колодезь. — Разгнѣванный водяной.—Преслѣдуемое племя.—Надежды и предчувствія.

Войдя въ ворота, Симба и его спутники очутились посреди довольно обширнаго тэмбе, т. е. негритянскаго селенія. Въ сущности говоря, это тембе слѣдовало назвать негритянской крѣпостью, такъ какъ весь этотъ поселокъ былъ съ трехъ сторонъ обнесенъ высокими плетнями и заборами, наглухо запертыми со всѣхъ сторонъ, точно стѣны настоящей крѣпости. Къ этой-то оградѣ прислонились мазанки слугъ и рабовъ, стойла, конюшни и хлѣва, загоны для скота и всякаго рода строенія. Только со стороны, обращенной къ озеру не было ограды; но здѣсь сама природа позаботилась преградить доступъ, каждому, даже самому отчаянному смѣльчаку, такъ какъ здѣсь скала спускалась отвѣсно въ пропасть прямой, гладкой стѣной на нѣсколько сотъ футъ. Какъ разъ надъ этою отвѣсной стѣной скалъ, лицомъ къ разстилавшемуся далеко внизу озеру, стояла самая большая и приглядная хижина, жилище самого владѣльца этой своеобразной крѣпости, этого африканскаго укрѣпленнаго замка,—стараго Мудима.

Самъ онъ лично отворилъ ворота вновь прибывшимъ и привѣтствовалъ ихъ ласково, но сдерженно и съ достоинствомъ. Въ противуположность ему, молодая дѣвушка, стоявшая рядомъ съ нимъ, особенно шумно выражала свою радость гостямъ.

— Поздно-же ты возвращаешься, Инкази! — воскликнула она,—мы уже соскучились по васъ—Бѣлаго намъ очень недоставало. А, да вотъ и ты, Симба!—продолжала она,—смотри, видишь, я сдѣлала себѣ запястье изъ тѣхъ бусъ, что ты подарилъ мнѣ!

— Да, Коко, поздно мы вернулись,—твоя правда, но за

то съ добрыми вѣстями: поджидай завтра большого каравана, который приведетъ козъ, овецъ, сукна и бусы, но захочетъ кого-то увезти съ собой. Знаешь-ли ты кого? - проговорилъ улыбаясь Инкази.

— Эге, да развѣ вы были тамъ, внизу, въ долинѣ, у Лугери?!—воскликнула молодая негритянка.

— Ты угадала, Кòко! Ну, а теперь свари намъ еще разъ вкусный ужинъ, вѣдь скоро намъ придется подыскивать новую стряпуху. Сестра, вотъ возьми рыбу, да смотри, сѣть тяжела!—Съ этими словами онъ передалъ ей свою ношу.

— Милый, добрый Инкази!—воскликнула Кòко,—я изжарю для васъ жаркое въ самомъ лучшемъ маслѣ, я ужъ постараюсь угодить тебѣ и Симбѣ!—добавила она и упорхнула по направленію къ одной изъ маленькихъ хижинокъ, надъ которой клубилось легкое облачко дыма.

Симба съ видимымъ удовольствіемъ посмотрѣлъ во слѣдъ удалившейся дѣвушки. Счастливая невѣста негритянка—это такое рѣдкое явленіе. Въ сотняхъ различныхъ деревень тамъ, въ долинѣ, насмотрѣлся Симба на то, какъ негры добываютъ себѣ женъ; совершается торгъ, какъ на любую вещь или скотину, и этимъ дѣло кончается. Но тутъ, очевидно, говорило и молодое чувство дѣвушки; ея миловидное черное личико сіяло счастьемъ и любовью, при одномъ напоминаніи объ ея женихѣ.

Даже и угрюмый Мудима съ улыбкой посмотрѣлъ во слѣдъ дочери. Волосы его были уже убѣлены серебристой сѣдиной; лицо, мрачное и строгое, пересѣкали глубокія морщины, но тѣломъ онъ былъ крѣпокъ, какъ юноша, сильные, выдающіеся мускулы и теперь еще обличали въ немъ атлетическую силу. Съ улыбкой на лицѣ проводилъ онъ глазами Кòко, но улыбка эта не долго удержалась у него, смѣнившись озабоченнымъ, почти грустнымъ выраженіемъ. — Это, право, чистое чудо, что вы добрались сюда сегодня безъ бѣды, — сказалъ онъ, обращаясь къ Инкази и Симбѣ.—Сегодня Руга—Руга цѣлый день шатались по лѣсу!

— Это ничуть не чудо, Мудима—возразилъ Симба—эти

Руга—Руга отъявленные трусы они — гіены, нападающія лишь на слабаго и безсильнаго, но избѣгающіе сильнаго, смѣлаго льва! Впрочемъ, не станемъ болѣе думать о нихъ. Подумай лучше, добрѣйшій Мудима, что путь къ твоему горному гнѣзду не изъ удобныхъ и пріятныхъ, и что у насъ нѣтъ крыльевъ за спиной, а ноги наши устали и болятъ отъ крутаго подъема въ гору, да и желудокъ заявляетъ о своихъ правахъ.

— Рыба, блины, лепешки и пальмовое вино ожидаютъ васъ,—отвѣтилъ Мудима и пошелъ впередъ къ своему дому.

Симба и Инкази послѣдовали за нимъ, а негры направились къ хижинамъ слугъ и рабовъ.

Ужинъ продолжался не долго. Полъ часа спустя Симба, Мудима и Инкази сидѣли уже на каменной террасѣ предъ домомъ Мудима, съ которой открывался великолѣпный видъ на озеро, горы по ту сторону Танганайки и безконечныя террасы скалъ, громоздящихъ надъ озеромъ съ южной и сѣверной стороны. Такого грандіознаго зрѣлища нельзя встрѣтить нигдѣ въ Европѣ: посеребренная луною громадная площадь озера раскинулась на пространствѣ многихъ тысячъ квадратныхъ километровъ.

Сидя на природной каменной террасѣ, представлявшей собою высокую и большую площадку на вершинѣ громадной выдающейся скалы, мужчины мирно курили свои трубки. Въ тропикахъ ночи длинны и пріятно прохладны и африканцы любятъ поболтать сидя у порога своихъ хижинъ, въ первые часы этой длинной ночи и даже вплоть до полуночи. Мудима также не былъ исключеніемъ изъ общаго правила и потому не долго прислушивался къ мощному шуму прибоя, доносившему даже и сюда, на эту недосягаемую высоту.

— Симба,—сказалъ онъ,—на протяженіи пяти дней пути слышно повсюду голосъ Муциму, когда по его волѣ волны Танганайки ударяются въ скалы и ущелья Кабого. Я знаю, что вы, бѣлые, чародѣи и колдуны и что у васъ есть сильные и могучіе духи, но Муциму еще сильнѣе и могучѣе васъ!

— Не онъ ли создалъ міръ?—спросилъ Симба.

— Нѣтъ, но онъ создалъ это озеро, и власть его простирается надъ всѣми водами — возразилъ Мудима, — если хочешь, я передамъ тебѣ разсказъ, который изъ рода въ родъ передаютъ другъ другу люди изъ племени Вавенди объ озерѣ Танганайка.

— Охотно буду слушать тебя Мудима—отвѣтилъ бѣлый,— происхожденіе этой громадной площади водъ должно быть чѣмъ-то величественнымъ и необычайнымъ!

Мудима сильно затянулся изъ своей трубки, выпустилъ струю дыма и нѣкоторое время задумчиво слѣдилъ за его голубоватыми кольцами, медленно расплывавшимися въ тихомъ ночномъ воздухѣ.

То было много, много лѣтъ тому назадъ,—началъ онъ,— безчисленное множество поколѣній народилось и вымерло съ тѣхъ поръ. Въ то время, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулось наше озеро, вовсе не было воды. Изъ конца въ конецъ, отъ однихъ горъ до другихъ, разстилалась громадная цвѣтущая равнина, населенная множествомъ различныхъ племенъ и народовъ, владѣвшихъ громадными стадами воловъ и овецъ. Въ этой большой долинѣ стоялъ прекрасный городъ, обнесенный крѣпкими неприступными стѣнами, изгородями и бревенчатыми заборами. Кромѣ того, по обычаю того времени, жители городовъ обносили свои дома высокими частоколами и плетнями изъ тростника, въ оградѣ которыхъ находились обширные дворы, служившіе мѣстомъ загона для скота. Въ этихъ дворахъ скотъ былъ въ полнѣйшей безопасности отъ дикихъ звѣрей и разбойниковъ. Вотъ въ одномъ-то изъ такихъ домовъ жилъ нѣкій человѣкъ со своей женой и дочерью, которая была самой красивой дѣвушкой во всей странѣ. За нее сватался главный вождь и предводитель самаго могущественнаго и богатаго племени. Въ ихъ оградѣ былъ глубокій колодезь. Изъ него ключемъ била вода, образуя большой свѣтлый ручей, изъ котораго утоляли жажду всѣ сосѣди и весь скотъ ихъ.

Это былъ не простой колодезь; въ немъ находилось без-

численное множество рыбъ, которыя доставляли этой семьѣ все, что только было необходимо для ихъ существованія, въ большомъ избыткѣ. Но такъ какъ она могла пользоваться всѣми этими благами лишь до тѣхъ поръ, пока тайна существованія въ ихъ дворѣ чудеснаго колодца была неизвѣстна другимъ, то никто не подозрѣвалъ даже о существованіи этого колодца. Ужъ много поколѣній подъ рядъ передавалось изъ рода въ родъ въ этой семьѣ преданіе, что въ тотъ день, когда кто-либо изъ членовъ семьи покажетъ чужому человѣку чудесный колодецъ или разскажетъ кому нибудь постороннему о немъ, вся семья погибнетъ и будетъ стерта съ лица земли.

— Случилось такъ, что эта молодая дѣвушка, которую родители предназначали для вождя, отдала свое сердце одному юношѣ изъ своего племени, но открыться въ этой любви родителямъ не рѣшилась. Любовь эта крѣпла въ ней съ каждымъ днемъ, и не было такой вещи, которой-бы она не сдѣлала для своего возлюбленнаго. Она же не разъ крадучись носила ему отвѣдать превосходныхъ рыбокъ изъ чудеснаго колодца. Это блюдо показалось молодому человѣку столь лакомымъ и вкуснымъ, что онъ сталъ добиваться отъ нея, откуда и какимъ путемъ она достаетъ эти рыбы. Однако, страхъ передъ ужасными послѣдствіями ея нескромности долго удерживалъ ее; не скоро рѣшилась она уступить его настояніямъ, но въ концѣ концовъ, несмотря на свой безпредѣльный страхъ передъ духами колодца и родительскимъ гнѣвомъ, все-же обѣщала открыть возлюбленному свою тайну.

— Однажды родителямъ ея пришлось предпринять довольно продолжительное путешествіе въ Увинца. Передъ отъѣздомъ они призвали свою дочь и приказали ей строго-на-строго смотрѣть въ ихъ отсутствіи за всемъ ихъ добромъ, караулить домъ и скотъ, строго хранить тайну чудеснаго колодца и ни подъ какимъ видомъ не впускать въ ограду никого посторонняго. Дочь, понятно, обѣщала послѣдовать въ точности всѣмъ этимъ наставленіямъ, но едва

успѣли удалиться ея родители, какъ она тотчасъ-же поспѣшила къ своему возлюбленному и сказала:

— Родители мои уѣхали въ Увинда и пробудутъ въ отсутствіи долгое время. Ты часто настаивалъ, чтобы я сказала тебѣ, откуда у насъ берутся тѣ прекрасныя рыбки, которыми мы съ тобой иногда лакомимся, такъ пойдемъ-же со мной: я покажу тебѣ.

— Тотъ съ радостью послѣдовалъ за ней. Они вошли въ домъ, и молодая дѣвушка принялась угощать своего возлюбленнаго всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ.

— Когда они попили и поѣли вдоволь, молодой человѣкъ сказалъ:

— Вотъ мы теперь попили и поѣли, сыты и довольны. Покажи-же мнѣ, откуда у тебя берутся эти вкусныя рыбки!

— Ужъ такъ и быть, я тебѣ покажу, такъ какъ люблю тебя больше всего въ жизни и ни въ чемъ не могу отказать тебѣ — отвѣчала дѣвушка, — но знай, что это важная тайна и родители мои строго запретили мнѣ говорить кому-бы то ни было объ этомъ. Поэтому прошу тебя никому не открывать этой тайны, чтобы всѣхъ насъ не постигло какое-нибудь „ужасное несчастіе“.

— Будь спокойна, моя дорогая, - замѣтилъ юноша,—отъ меня тебѣ опасаться нечего; уста мои будутъ замкнуты, а языкъ прикованъ гортани.

— Тогда, взявъ его за руку, дѣвушка повела во дворъ, гдѣ, обнесенный со всѣхъ сторонъ высокимъ плетнемъ изъ тростника, возвышался колодецъ. Отперевъ калиточку, продѣланную въ этомъ плетнѣ, она впустила въ ограду своего возлюбленнаго и указала ему на маленькій круглый прудокъ, повидимому, страшно глубокій, въ которомъ вода была чиста и прозрачна, какъ кристалъ.

— Смотри,—сказала она,—вотъ это нашъ чудесный колодецъ или ключъ! Неправда-ли, какъ онъ хорошъ? Вотъ въ немъ-то и водятся тѣ вкусныя рыбки, о которыхъ ты спрашивалъ.

— Молодой человѣкъ еще ни разу въ своей жизни не ви-

дѣлъ ничего подобнаго, такъ какъ въ окрестностяхъ нигдѣ не было рѣкъ, кромѣ того большого ручья, который вытекалъ изъ этого родника. Восхищенію его не было границъ: онъ присѣлъ и сталъ любоваться рыбками, которыя то плескались и играли на поверхности, то вдругъ ныряли въ глубь и снова всплывали. Никогда еще онъ не испытывалъ такого удовольствія. Но въ тотъ моментъ, когда одна изъ особенно смѣлыхъ рыбокъ подплыла совсѣмъ близко къ нему, онъ вдругъ опустилъ руку въ воду съ намѣреніемъ схватить ее. И вотъ всему насталъ разомъ конецъ! Духъ колодца Муциму, разгнѣванный такимъ поступкомъ, потрясъ всю землю, весь міръ,—и вся роскошная, плодородная, цвѣтущая долина стала опускаться все ниже и ниже, а колодецъ переполнился водою, которая стала заливать все кругомъ На мѣстѣ громадной равнины образовалась глубокая впадина, которая заполнилась водой,—и вотъ теперь вы видите передъ собою не равнину, а громадное озеро—нашу Танганайку!

Всѣ люди, населявшіе ту равнину, погибли въ его волнахъ; весь ихъ скотъ, сады, дома и весь громадный богатый городъ, — все это поглотило озеро. Между тѣмъ родители дѣвушки, покончивъ со своими дѣлами въ Увинда, пустились въ обратный путь и вдругъ наткнулись на громадныя горы, которыхъ раньше никогда не видали.

Взойдя на вершину одной изъ горъ, они остановились въ недоумѣніи: передъ ними раскинулось на всемъ протяженіи ихъ родной равнины громадное бурливое озеро. И вдругъ имъ стало ясно, что дочь ихъ выдала кому-нибудь тайну чудеснаго колодца и что за ея грѣхъ все живущее здѣсь погибло безвозвратно.

Мудима смолкъ и задумался, окутавъ себя цѣлымъ облакомъ легкаго табачнаго дыма.

Симба не сталъ безпокоить его ненужными разспросами: онъ уже раньше читалъ гдѣ-то эту легенду про Танганайку, но тогда она не произвела такого впечатлѣнія, какъ теперь, когда онъ слышалъ ее изъ устъ туземца, надъ самымъ озе-

ромъ. И ему невольно припомнились старыя сказки и преданья его далекой родины, слышанныя имъ дѣтствѣ.

Между тѣмъ Мудима сердито покачалъ головой и сказалъ.

— И по сейчасъ еще „духъ колодца“ (водяной) гнѣвается на насъ, такъ какъ вода въ озерѣ прибываетъ съ каждымъ годомъ и поглощаетъ все большее и большее пространство земли. Скоро она поглотитъ весь берегъ. Кромѣ того, вѣчныя войны и разбои безпрерывно опустошаютъ несчастную страну Кавенди!

— Отецъ,—вмѣшался Инкази,—настанетъ время, когда озеро перестанетъ рости и шириться; тогда миръ и спокойствіе водворятся снова въ странѣ!

— И я когда-то также надѣялся и утѣшалъ себя такою мыслью, Инкази,—проговорилъ старикъ,—но тогда я былъ молодъ, какъ ты. Теперь-же годы и опытъ лишили меня этой сладкой вѣры въ будущее и надежды на что-то лучшее. Я былъ еще ребенкомъ, когда на сѣверѣ и югѣ хозяйничали Ватута и только одна Кавенди сопротивлялась имъ. Только наши поля красовались въ полномъ уборѣ; только мы наслаждались плодами отъ своихъ трудовъ; только наши стада паслись спокойно на зеленыхъ лугахъ и только въ нашихъ деревняхъ и селеньяхъ слышались звуки веселыхъ пѣсенъ, и слышался бубенъ и барабанъ. Мы были тогда сильнѣе и смѣлѣе воиновъ Ватута, а наши копья острѣе ихъ и стрѣлы—мѣтче.

— Но вотъ пришли арабы съ востока съ своими безконечными караванами. Они явились скупать рабовъ и предлагали взамѣнъ сукна, бусы и жемчугъ. У нихъ было также громовое огнестрѣльное оружіе, которое они вложили въ руки воиновъ Ватута. И вотъ началась эта страшная травля на насъ (войной этого никакъ нельзя было назвать). Сотни изъ нашихъ падали подъ градомъ пуль, сотни уводились въ рабство. Наши села и деревни стояли опустѣлыя и покинутыя или сожженныя до тла, а Ватута рыскали по всей странѣ, но не воздѣлывали полей, не разводили скота, а

укрывались въ лѣсахъ и грабили окрестность. Мы прозвали ихъ Руга-Руга, т. е. лѣсные грабители.

— Руга-Руга вытѣснили насъ изъ долины, и мы искали убѣжища въ этихъ неприступныхъ горахъ. Отецъ мой, умирая, думалъ, что оставляетъ мнѣ въ наслѣдство могучій, сильный родъ и что я стану послѣ него княземъ надъ племенемъ Кавенди, но прострѣленнный нѣсколькими ружейными пулями онъ палъ у порога своего дома, а сынъ его бѣжалъ въ горы и, какъ хищный орелъ, свилъ себѣ гнѣздо на неприступныхъ высотахъ этихъ грозныхъ скалъ!

— Да, отецъ! То были страшныя, ужасныя времена, но на Востокѣ уже занимается новая заря: тотъ бѣлый человѣкъ съ длинной бѣлою бородой *) говорилъ людямъ, что уже не долго здѣсь будутъ свирѣпствовать огонь и мечь; что угнетенные люди вскорѣ вздохнутъ опять полною грудью, потому что сильные и могучіе народы тамъ, за дальними морями, не хотятъ болѣе терпѣть, чтобы насъ продавали въ рабство, не хотятъ терпѣть, чтобы на свѣтѣ были люди-рабы. Занзибарскій султанъ также присталъ къ нимъ, — и когда арабы будутъ пріѣзжать сюда только съ тѣмъ, чтобы скупать у насъ слоновую кость, несчастная страна Кавенди станетъ цвѣтущей и богатой какъ прежде!—восторженно проговорилъ Инкази.

— Не глупи, сынъ мой! — наставительно проговорилъ старикъ,—бѣлые люди пріѣзжаютъ, и уѣзжаютъ, но они не въ силахъ ничего измѣнить. Развѣ ты самъ не знаешь, что они должны уплатить дань вождямъ, чтобы получить разрѣшеніе проѣхать черезъ эту страну, что они должны имѣть убѣжище въ горахъ въ домѣ послѣдняго Кавенди?

— Отецъ!—воскликнулъ юноша,—люди были правы, когда назвали тебя Мудима, т. е. мрачный: ты видишь только зло и невзгоды и умышленно закрываешь глаза на то, чего намъ уже удалось достигнуть въ послѣднее время. Ты не хочешь видѣть, что съ горныхъ вершинъ сыны Кавенди снова на-

*) Ливингстонъ.

чинаютъ спускаться въ долину, и вновь строятъ свои деревни и селенья на прекрасномъ берегу Танганайки. Молодой Лугери положилъ уже начало; тэмбе его обширна и богата и надежно ограждена высокой, неприступной стѣной отъ нападенiй врага, а люди его вооружены множествомъ ружей, сильны, отважны и смѣлы. Онъ не боится Руга-Руга, возьметъ надъ ними верхъ и побѣдитъ ихъ и тебѣ слѣдовало-бы радоваться вмѣстѣ съ нами этому торжеству Кавенди, тѣмъ болѣе, что завтра Лугери явится сюда, чтобъ увезти себѣ въ жены нашу милую Коко.

— Вотъ именно эта-то ваша самоувѣренность, вашъ молодой задоръ и смущаютъ меня,—горестнымъ тономъ произнесъ старикъ, — вы забываете, что на разстоянiи всего одного дня пути отъ тэмбе Лугери раскинулся грозный лагерь Муриро. Люди, быть можетъ, были дѣйствительно, правы, прозвавъ меня „мрачнымъ“, но они не менѣе были правы, давъ этому Муриро его прозвище—Муриро, что значитъ „огонь“. Каждое селенье или деревня, вблизи которыхъ онъ появится, неминуемо становятся жертвой огня, т. е. пожара, а лютый песъ Индша, этотъ извѣстный разбойничiй атаманъ, тоже живетъ въ ближайшемъ селеньѣ, Ндерее. Знай, Инкази, что только здѣсь, въ глубокихъ ущельяхъ, на вершинахъ неприступныхъ скалъ, да на гладкой поверхности Танганайки мы можемъ считать жизнь свою внѣ опасности, потому что какъ тутъ, такъ и тамъ насъ охраняютъ наши древнiи боги, боги Кавенди. А духи равнинъ и долинъ враждебны намъ! И будь Лугери какой хочешь быстроногiй, какъ гласитъ его имя, все-же я очень того опасаюсь, стая собакъ можетъ загнать даже самую быстроногую антилопу, я боюсь, что Коко, наша бѣдная „курочка“, избрала себѣ весьма ненадежную участь. Но всѣ вы молоды и вамъ хочется попытать счастье; вы не хотите слушать умудреннаго горькимъ опытомъ старца. Я не хочу вамъ мѣшать! И дай то Муциму (Богъ), чтобы на этотъ разъ свѣтлыя надежды и отвага молодости взяли верхъ и восторжествовали надъ осторожностью и мудростiю старости!

— Да! Муциму дастъ восторжествовать намъ!—воскликнукъ юноша съ сіяющимъ взоромъ.

Оба Кавенди встали, намѣреваясь отойти ко сну и только теперь снова вспомнили о своемъ гостѣ. Въ пылу заботъ и надеждъ о будущности своего родного народа, они совершенно забыли о немъ. Но онъ съ грустнымъ участіемъ внималъ ихъ разговору, потому что, то, что развертывалось теперь передъ его мысленнымъ окомъ, было лишь небольшой отрывокъ изъ исторіи Африки,—этой жалкой, несчастной страны.

III. Арабы.

Сонъ Симбы.—Возвращеніе Сузи.—Какъ уплатили плату за наемъ.— „Змѣя" и ея господа. — Старые знакомые. — Тайные замыслы. — Міровой порядокъ арабовъ. — Измѣнникъ. — Прошлое Ферaджи. — Тайный наблюдатель.

Надъ вершинами Куигве давно уже взошло солнце, и лучи его съ любопытствомъ проникали сквозь щели и трещины высокихъ тростниковыхъ стѣнокъ одной изъ хижинъ Мудимова тэмбе. Они падали прямо на голову спящаго Симба, дрожали на шелковистыхъ отливахъ его густыхъ, вьющихся волосъ, играли на его сомкнутыхъ вѣкахъ и слегка разгорѣвшихся щекахъ, какъ-бы желая разбудить этого соню. Но онъ не пробуждался. Его занималъ длинный сонъ.

Сонъ этотъ былъ совершенно чуждъ всякаго рода лживыхъ, обманчивыхъ картинъ и образовъ, и жизненной правдой было все то, что постепенно развертывалось и какъ-бы выплывало изъ мглы прошедшаго передъ его мысленнымъ окомъ. Сонъ этотъ былъ ничто иное, какъ внезапно ожившее въ душѣ его воспоминаніе объ его бурно прожитой жизни.

Какъ быстро и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ явственно проходили передъ нимъ долгіе года его ранняго дѣтства, его юности и первой поры возмужалости!

Онъ увидѣлъ родительскій домъ, а себя самого молодымъ лѣсничимъ, бродящимъ по лѣсамъ и полямъ, затѣмъ странствующимъ по бѣлу свѣту, по чужимъ землямъ и мо-

рямъ. Много лѣтъ тому назадъ онъ впервые отправился въ Африку и проплылъ вверхъ по священному Нилу въ самое сердцѣ „чернаго“ материка. Много приходилось ему тогда бороться и много пришлось и выстрадать, и пережить въ ту пору, не даромъ же темные кудри его посѣдѣли въ самые молодые годы. Онъ былъ свидѣтелемъ ужасныхъ злодѣяній и покинулъ тогда Египетскій Суданъ съ исключительной цѣлью созвать мстителей за оскорбленныя права человѣчества и стать въ ряды тѣхъ, кто всѣми силами старались побороть торгъ рабами и стремились къ окончательному искорененію рабства.

Однако, все вышло иначе, чѣмъ онъ желалъ и надѣялся. Оказалось, что въ то время въ Каирѣ отнюдь не спѣшили набирать спасительную армію для облегченія участи истязуемыхъ негровъ. Его тотчасъ-же съ большой готовностью приняли и зачислили въ ряды египетской арміи, но муштровка турокъ не было дѣломъ, которое было-бы ему по душѣ. Отчислившись изъ египетской арміи, онъ снова ухватился, какъ истый охотникъ, за ружье, ставъ еще разъ охотникомъ и торговцемъ. Теперь онъ уже на свой собственный счетъ, странствовалъ по слѣдамъ Ливингстона, Спика и Буртона. Подобно имъ, онъ предпринялъ это дальнее путешествіе съ цѣлью открытій, но только не рѣкъ и озеръ, а хотя-бы маленькаго клочка земли на всемъ этомъ громадномъ материкѣ, гдѣ бы царили миръ, тишина и спокойствіе, гдѣ бы бѣдные люди не стонали, не дрожали за свою жизнь, за своихъ братьевъ и отцовъ, сыновей и мужей, гдѣ бы онъ могъ спокойно поселиться среди чернокожихъ и преподать имъ первые начатки культуры. Тѣ бѣлые, которыхъ онъ встрѣчалъ и съ которыми дѣлился своимъ намѣреніемъ, называли его въ глаза мечтателемъ, а за глаза смѣялись надъ нимъ. Но это не смущало его; онъ былъ вполнѣ проникнутъ своей идеей; въ его жилахъ, въ его крови былъ тотъ-же священный свѣточъ любви къ человѣчеству, какой воодушевлялъ испоконъ вѣка всѣхъ миссіонеровъ, заставляя ихъ смѣло идти и къ дикарямъ, и къ людоѣдамъ.

И вотъ, послѣ продолжительныхъ странствованій, онъ полагалъ, что нашелъ, наконецъ, то, чего искалъ.

Угнетенные и преслѣдуемые коренные обитатели Кавенди были именно того сорта люди, какіе ему были нужны для его цѣлей. Люди съ душой болѣе возвышенной и благородной, чѣмъ сосѣднія племена, люди трудолюбивые и смѣлые, они, казалось, какъ нельзя лучше, были способны основать у себя государственную жизнь, которая отличалась-бы отъ жизни другихъ племенъ извѣстнымъ строемъ и порядкомъ, способствующемъ благосостоянію всего племени. Они уже начинали спускаться съ высоты неприступныхъ горъ въ прибрежную долину Танганайки; они опять собрались съ духомъ; въ нихъ снова пробудилась смѣлость и вернулась надежда. — А смѣлымъ Богъ помогаетъ! Съ ними-то и хотѣлъ теперь остаться Симба; онъ хотѣлъ стать ихъ другомъ и совѣтникомъ; помогать имъ словомъ и дѣломъ, и въ случаѣ стычекъ и сраженій, хотѣлъ стоять на ихъ сторонѣ и способствовать имъ удержать за собой побѣду.

И во снѣ онъ увидѣлъ осуществленіе этой мечты; увидѣлъ высоко надъ крѣпостью Мудима сіяющій на солнцѣ золоченый крестъ, а, взглянувъ внизъ, увидѣлъ веселые луга, покрытые стадами, и пышные всходы на поляхъ. Тамъ, гдѣ теперь раскинулся пустынный и безлюдный берегъ, стояли живописныя хижинки рыбацкихъ деревень, а на гладкой поверхности голубого озера мелькали во всѣхъ направленіяхъ лодки рыбаковъ, возвращающихся домой, веселыхъ и довольныхъ послѣ счастливаго лова.

Но недолго дано было Симбѣ даже и во снѣ наслаждаться этой отрадной картиной мира, довольства и счастья. Фераджи постучалъ къ нему въ дверь и позвалъ взглянуть своими глазами на озеро.

Проворно вскочивъ со своего ложа, онъ вышелъ на порогъ своей хижины и сталъ смотрѣть внизъ, въ глубину долины. Тамъ, въ заливчикѣ Лувулунгу, стояло небольшое судно, только что успѣвшее причалить. Съ этой высоты, гдѣ

стоялъ Симба, разглядѣть людей, которые въ этотъ моментъ сходили на берегъ, конечно, не было никакой возможности. Но негры Симбы ликовали, зная, навѣрное, что приставшее къ берегу судно привезло Сузи, что это Сузи и никто иной, что онъ привелъ, наконецъ, желанное новое судно. На этотъ разъ предчувствіе не обмануло ихъ; часъ спустя они увидѣли передъ собою Сузи, этого рослаго Занзибарскаго негра, молодца и красавца, который явился доложить своему господину, что приказаніе его исполнено.

— Арабы въ Удшидши охотно отдали намъ въ наемъ это судно,—разсказывалъ Сузи,—и я безъ труда нашелъ самое подходящее для насъ. А все же мнѣ пришлось такъ долго задержаться, потому что съ платой за наемъ была страшная возня. Судно это принадлежитъ арабу Саиду, и онъ потребовалъ, чтобы я уплатилъ ему за наемъ слоновой костью, а вы, вѣдь, знаете, господинъ мой, что слоновой кости въ нашихъ запасахъ и кладовыхъ нѣтъ. И вотъ я отправился въ городъ, чтобы тамъ купить слоновую кость и, только послѣ весьма продолжительныхъ поисковъ, мнѣ, наконецъ, удалось узнать, что у Магомеда-ибнъ-Салиба есть слоновая кость. Я отправился къ нему, но его не было и мнѣ пришлось двое сутокъ ожидать его возвращенія. Онъ согласился продать мнѣ часть своей слоновой кости, но хотѣлъ получить за нее сукно, а вы знаете, господинъ, что сукна у меня не было, потому что наши запасы суконъ лежатъ здѣсь, въ крѣпости Мудима. Я сталъ просить его, согласиться принять что-нибудь другое въ уплату, но онъ требовалъ непремѣнно сукна. Тогда мнѣ пришлось снова вернуться въ городъ и обходить одного араба за другимъ, узнавая, у кого изъ нихъ есть продажное сукно. Въ концѣ концовъ мнѣ сказали, что у Гариба есть сукно и что онъ согласенъ продать его. Я пошелъ къ нему, и на мое счастье тотъ не запросилъ съ меня слоновой кости, а проволоки,—которой у меня было много. Купивъ за проволоку—сукно, а за сукно—слоновую кость, я, наконецъ, уплатилъ за наемъ судна, съ которымъ и прибылъ сюда. Да, какъ ни

говори, а въ Каирѣ все же лучше, тамъ за деньги можно купить все, что только пожелаешь!

— Товаръ нашъ я весь привезъ въ цѣлости; онъ лежалъ сохранно у Магомета-ибнъ-Салиба и не могъ никуда сбѣжать. Но изъ людей нашихъ я привезъ сюда едва пятую часть. Всѣ они сбѣжали, кромѣ тѣхъ пяти человѣкъ, которые были такъ пьяны, что не только бѣжать, но даже и перевоторотиться съ боку на бокъ не были въ состоянiи. Но такъ какъ родина этихъ бѣглецовъ лежитъ всего на разстоянiи какихъ-нибудь двухъ дней пути отъ Удшидши, то Магометъ-ибнъ-Салибъ предлагалъ, если Симба того пожелаетъ, вернуть ихъ силой: арабы не хотятъ допускать подобныя бѣгства.

— Господь съ ними, Сузи, мнѣ они вовсе не нужны!— сказалъ Симба презрительно,—теперь зайдемъ въ хижину: я имѣю сообщить тебѣ нѣчто важное. А вы, ребята,—обратился онъ къ остальнымъ своимъ неграмъ,—идите внизъ и ждите насъ тамъ на берегу.

Симба и его вѣрный рабъ скрылись за дверью, а остальные негры стали сбираться, не идти внизъ, какъ имъ было приказано, а поналечь на яблочное пиво, и, конечно, разсѣлись-бы тутъ-же во дворѣ, если-бы одинъ изъ нихъ не воскликнулъ:

— Смотрите, смотрите: еще одно судно! Большое судно идетъ сюда! Пойдемъ посмотримъ, что оно везетъ!

Любопытные зѣваки, какими являются по природѣ своей эти негры, бросились со всѣхъ ногъ бѣжать внизъ въ долину: вѣдь, тамъ теперь было на что поглазѣть, было о чемъ поточить языкъ.

Дѣйствительно, въ бухту Лувулунгу входило со стороны озера второе судно. Владѣльцы его, двое арабовъ, удобно и спокойно расположились подъ красивымъ навѣсомъ на кормѣ. Одинъ изъ нихъ былъ уже далеко не молодъ: ему могло быть болѣе пятидесяти лѣтъ, и черную густую бороду его во многихъ мѣстахъ серебрила сѣдина; другой былъ еще почти юноша.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ узнаешь эту бухту, Солиманъ?— спросилъ послѣдній.

— Да, узнаю, Османъ!—отвѣчалъ тотъ,—я былъ въ то время въ твоемъ возрастѣ, когда мы праздновали здѣсь, на этомъ берегу, нашу первую побѣду. Но горы не измѣнились за эти многіе десятки лѣтъ; вонъ, на той вершинѣ, виднѣется крѣпость Мудима. Одинъ онъ былъ умнѣе другихъ и забрался туда, въ эти горы, куда залетаютъ развѣ одни только коршуны да горные орлы. Только одна его крѣпость могла устоять противъ насъ; всѣ остальные тэмбе остались въ нашихъ рукахъ. Эти Кавенди—сильное, жизненное и способное племя, не то, что другія сосѣднія племена. И утомительные переходы и голодъ, и холодъ, и зной, и жажда—все имъ ни почемъ; даже болотныя лихорадки ихъ не берутъ. Они страдаютъ только отъ тоски по родинѣ, когда ихъ оторвутъ отъ береговъ родной Танганайки. Да и не мудрено: въ цѣлой Африкѣ нѣтъ другого такого клочка земли, который могъ-бы похвастать такими чудными горами и лугами, такими свѣтлыми и звонкими ручьями, такой благодатной прохладой въ тѣни густыхъ лѣсовъ. Понятно, что сюда, въ этотъ райскій уголочекъ земли, невольно стремится все племя Кавенди и не можетъ жить вдали отъ этихъ береговъ.

— Что-же, они всѣ умираютъ съ тоски по родинѣ?—насмѣшливо спросилъ Османъ.

— Умираютъ? Нѣтъ!—отвѣтилъ Солиманъ,—но тупѣютъ, становятся не похожи на людей. Они, которые сражаются здѣсь, на своей родинѣ, точно львы, при нашихъ караванахъ оказываются всегда плохими солдатами. Съ потерей воли и свободы они теряютъ и свое мужество, такъ что изъ нихъ можно дѣлать только носильщиковъ да хлѣбопашцевъ: для полевыхъ работъ они весьма пригодны. Это, конечно, придаетъ имъ тоже большую цѣну, и въ Занзибарѣ ихъ покупаютъ весьма охотно. Жаль только, что эти орлы стали теперь такъ рѣдки и вьютъ гнѣзда такъ высоко.

— Ихъ ужъ долгое время оставляли въ покоѣ, и они,

вѣроятно, успѣли сильно расплодиться!—сказалъ Османъ.— Они стали теперь довѣрчивѣе, смѣлѣе, чѣмъ прежде. Мало-по-малу они начинаютъ спускаться съ своихъ горныхъ вершинъ въ долину; ихъ горныя долины и ущелья кажутся имъ тѣсны.—Невдалекѣ отсюда, немного южнѣе, ты увидишь прекрасно укрѣпленный со всѣхъ сторонъ тембе. Въ немъ укрывается нѣсколько сотъ человѣкъ, какъ говорятъ. Этотъ-то тэмбе и является цѣлью нашей поѣздки. Ты, конечно, слышалъ о тэмбе Мрери?

— Да, конечно!—отвѣчалъ Солиманъ,—но скажи, понимаютъ наши гребцы, когда мы съ тобой говоримъ по-арабски?

— Ни слова!—проговорилъ Османъ.

— Ну, такъ слушай! Этотъ Лугери—другъ и пріятель Мудимы и, какъ таковой, имѣетъ громадныя связи въ странѣ.

— Я этого не слышалъ!—воскликнулъ Османъ,—напротивъ, онъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ: ему грозитъ опасность со всѣхъ сторонъ. Онъ это знаетъ и потому такъ сильно укрѣпилъ свой тэмбе. Муриро пялитъ на него глаза, какъ пантера на антилопу, а Индша, лютый песъ изъ Ндерее, бродитъ вокругъ его двора и караулитъ добычу. Тебѣ придется поспѣшить, не то одинъ изъ этихъ двухъ непремѣнно опередитъ тебя!

— Будь спокоенъ!—отвѣтилъ улыбаясь Солиманъ.—Неужели ты думаешь, что я въ участкѣ досточтимыхъ вождей буду охотиться, не испросивъ ихъ разрѣшенія? Индша мой лучшій другъ, а Муриро скоро станетъ имъ. Оба они должны будутъ исполнить для меня роль гончихъ, которыя загонятъ для меня дичь.

— Но что ни говори, у этого Мудимы есть таки одинъ сильный союзникъ: тамъ, въ этомъ нагорномъ гнѣздѣ, онъ пріютилъ у себя гостя, того самаго бѣлаго христіанина, котораго ты видѣлъ въ Удшидши. Ты еще самъ описывалъ мнѣ его. Но я зналъ его раньше тебя. Когда ты поѣдешь со мной къ Газельей рѣчкѣ, туда на дальній Сѣверъ, гдѣ священный Нилъ омываетъ берега, то многое услышишь о немъ, объ этомъ гостѣ Мудимы: тамъ его имя у всѣхъ на устахъ.

Здѣсь его зовутъ Симба, а тамъ у него было другое имя; тамъ его звали Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце.

Нѣкоторое время Солиманъ молчалъ, какъ-бы собираясь съ мыслями, затѣмъ продолжалъ.

— Да, они звали его Бѣлая Борода, а побѣлѣла его борода не отъ времени, а отъ ужасовъ и неслыханныхъ приключеній, которые ему пришлось переживать. Одни увѣряютъ, будто онъ посѣдѣлъ, когда боролся съ глазу на глазъ съ громаднѣйшимъ разсвирѣпѣвшимъ быкомъ. Другіе говорятъ, что ужасы заколдованной пещеры, въ которой укрывались черти и змѣи, заставили его посѣдѣть въ одну ночь. Какъ-бы то ни было, но человѣкъ этотъ—смѣлый, отважный до безумія. Я поручусь тебѣ, чѣмъ хочешь, что онъ не задумается и здѣсь проникнуть въ глубь самыхъ страшныхъ ущелій и пещеръ, жилищъ злобныхъ духовъ этого озера, и не побоится вызвать ихъ!

— Развѣ человѣкъ этотъ колдунъ?—воскликнулъ Османъ.

— Можетъ быть, какъ знать!—отвѣтилъ Солиманъ,—по колдовства его я не боюсь, за то ружья его пусть бережется каждый: Симба цѣлитъ такъ мѣтко, что можетъ на выборъ сбить любой волосъ съ головы человѣка!

— Ну, что касается этого, то бѣда еще не очень велика,—сказалъ Османъ съ видимымъ облегченіемъ.—Еще не было случая, чтобы европейцы дрались или сражались съ арабами, только въ томъ случаѣ, если мы нападали на нихъ. Но мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода нападать на Симбу!

— Ахъ, ты его не знаешь! И всѣ вы не знаете его—воскликнулъ немного раздосадованный Солиманъ.—Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце—таково его прозвище! Ну, а знаешь ты, почему онъ прозванъ Нѣжное Сердце? Потому, что онъ не можетъ видѣть, когда ловятъ негровъ, и, какъ это ведется спонокъ вѣковъ, уводятъ и увозятъ въ рабство.

По его мнѣнію, эти невѣрные черные псы,—такіе-же люди, какъ самъ онъ и какъ мы, правовѣрные, истинные поклон-

ники Пророка. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые требуютъ, чтобы мы повѣсили на стѣнку свои ружья и на всегда прекратили торгъ рабами; чтобы мы торговали только слоновой костью, перьями страусовъ и тому подобнымъ пустымъ товаромъ.

— Ты просто басни разсказываешь, Солиманъ!—смѣясь воскликнулъ юноша,—скорѣе всѣ люди вымрутъ и исчезнутъ съ лица земли, чѣмъ прекратится торгъ рабами. Твой Бѣлая Борода - Нѣжное Сердце, вѣрно, не въ полномъ умѣ!

— Времена перемѣнчивы! — серьезно возразилъ Солиманъ.—Точно также, какъ ты теперь смѣешься, смѣялись и мы лѣтъ десять- -двадцать тому назадъ въ Бахръ-эль-Газалѣ. Но христіане съумѣли заставить египетскаго хедива измѣнить свой взглядъ на дѣло, и цѣлые громадные отряды войскъ были высланы имъ изъ Каира въ Хартумъ, а изъ Хартума въ Бахръ-эль-Газаль. Всѣ тѣ пути и дороги, по которымъ до того мирно и спокойно шли наши караваны невольниковъ, теперь заняты войсками; насъ задерживаютъ и принуждаютъ возвратить свободу рабамъ, являющимся нашею собственностью, нашимъ источникомъ богатства.

— Но такой образъ дѣйствій вопіющій! это тотъ-же насильственный грабежъ!—съ возмущеніемъ воскликнулъ Османъ.

— Правильно ты сказалъ,—вздохнулъ старый арабъ,—эти европейцы хотятъ певернуть весь міровой порядокъ! Сначала они засылали къ намъ своихъ ищеекъ и соглядатаехъ. Эти ищейки разузнали всѣ пути и дороги, по которымъ мы гонимъ свои караваны невольниковъ, и затѣмъ стали проводниками или вожаками военныхъ отрядовъ, воспрещающихъ намъ вывозъ рабами. Однимъ изъ такихъ ищеекъ былъ и этотъ Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце или Симба, какъ они называютъ его теперь. Онъ одинъ одинешенекъ идетъ въ самый глухой дѣвственный лѣсъ, вступаетъ въ дружбу съ чернокожими и говоритъ имъ:—вы такіе-же люди, какъ и арабы! Вы родились свободными и должны быть свободными.—Мало того, онъ доставляетъ имъ

оружіе, порохъ и пули; учитъ ихъ владѣть этимъ оружіемъ и говоритъ имъ: — Защищайтесь! Но это еще не все: Онъ становится самъ въ ихъ ряды и побѣждаетъ арабовъ.

Когда онъ научитъ ихъ стрѣлять безъ промаха и оставитъ громадные запасы оружія, пороха и пуль, то покидаетъ ихъ и идетъ дальше изъ одного селенія въ другое, изъ одной деревни въ другую, всюду возстановляетъ противъ насъ этихъ чернокожихъ псовъ!

— Лѣтъ десять тому назадъ онъ поселился у одного изъ самыхъ смѣлыхъ и отважныхъ племенъ на берегу Газельей рѣки въ далекомъ Суданѣ въ племени Динки. Тамъ онъ выстроилъ крѣпость, обучилъ ихъ военному искусству, поставилъ вождемъ надъ ними рослаго негра и далъ ему въ жены колдунью, которая своими чарами околдовала весь народъ и управляла имъ, какъ хотѣла. Въ результатѣ вышло, что эти динки возстали всѣ, какъ одинъ человѣкъ, сожгли и спалили нѣсколько серибъ и пролили не мало арабской крови, а сами крѣпко держались въ своей крѣпости.

— Его уже давнымъ давно не было больше въ тѣхъ краяхъ, когда намъ, наконецъ, удалось овладѣть крѣпостью Сансуси. Ты видѣлъ того громаднаго невольника, который теперь мой первый слуга? Такъ это и есть тотъ самый комендантъ крѣпости, котораго оставилъ послѣ себя Симба въ Бахръ-Эль-Газалѣ. Мы хитростью взяли его, а то онъ дрался, какъ левъ, и не сдавался даже въ послѣдней крайности. Мы думали, что намъ придется казнить неукротимаго, но въ немъ сказалась природа негра: онъ былъ рожденъ для рабства и мой хлыстъ вышколилъ его и сдѣлалъ изъ него отличнаго раба.

— Ну, а съ колдуньей что вы сдѣлали? — освѣдомился Османъ. — Здѣсь она у тебя или же вы ее сожгли?

— Объ этомъ разскажу тебѣ послѣ, — отвѣтилъ старикъ, — теперь у насъ нѣтъ времени, скоро наше судно врѣжется въ песчаные берега этого живописнаго залива, а мнѣ необходимо внушить тебѣ еще нѣчто.

Раба моего Лео, — какъ зовутъ этого бывшаго любимца

Бѣлой Бороды—Лео,—т. е. Левъ,—онъ носитъ тоже имя, что и его бывшій господинъ, я хочу отослать подальше съ письмами, чтобы онъ не столкнулся здѣсь какъ нибудь съ этимъ Бѣлой Бородой и чтобы сердца обоихъ не слишкомъ размякли при свиданіи! А Симбѣ я хочу подстроить ловушку, изъ которой онъ не долженъ уйти живымъ, потому что, если ему удастся снова вернуться къ себѣ на родину, то знай, что черезъ годъ, много два, здѣсь, на берегахъ Танганайки, будетъ то-же, что и въ Бахръ-Эль-Газалѣ. Лишь тогда, когда Симба не станетъ болѣе потрясать своей сѣдой гривой, мы обратимся къ Мудимѣ и Лугери, но не раньше. Однако, помни, если ты хочешь, чтобы намъ удалось это, ты долженъ молчать о всемъ, какъ могила, и не разсказывать ни одному арабу, что я сейчасъ сказалъ тебѣ. Знай, что слово страшная вещь: оно слишкомъ легко, слишкомъ охотно перелетаетъ изъ устъ въ уста и гнѣздится въ сотняхъ ушей. А арабы, когда они болтаютъ между собой, часто забываютъ всякую осторожность. Если-же Симба узнаетъ о томъ, что намъ извѣстно, кто онъ такой, если онъ только разъ услышитъ прозвище Бѣлая Борода — Нѣжное Сердце, онъ уже будетъ на сторожѣ. Тогда напрасны будутъ всѣ наши усилія и ухищренія, онъ никогда не попадется въ наши сѣти.

— Солиманъ, ты великъ и велика мудрость твоя!—воскликнулъ торжественно Османъ.—Я буду безмолвенъ, какъ могила! Клянусь тебѣ въ томъ!

— Подумай только о томъ, сынъ мой,—продолжалъ старикъ,—что на насъ лежитъ священный долгъ. Мы идемъ на невѣрную собаку, который не вѣритъ святымъ словамъ Пророка, и состоитъ въ тѣсной связи съ нечистымъ, съ которымъ сдружился, чтобы уничтожить и искоренить арабовъ!

— Солиманъ!—воскликнулъ молодой арабъ,—слова твои пали на добрую почву. Какъ посѣвъ въ благодатный дождь всходитъ и даетъ обильную жатву, такъ и твои слова принесутъ обильный плодъ въ моемъ сердцѣ! Непримиримую ненависть посѣялъ ты въ моемъ сердцѣ къ этому Симбѣ. А я умѣю ненавидѣть, тому порукой Богъ!

— Иншаллахъ! Дай-то Богъ!—вздохнулъ старикъ, и въ глазахъ его мелькнула радость.—Я зналъ, что найду въ тебѣ вѣрнаго друга и союзника. Но знай, что чѣмъ сильнѣй ты будешь его ненавидѣть, тѣмъ искреннѣе я буду любить тебя,—единственнаго сына моей сестры!

Оба араба смолкли. До берега оставалось всего еще нѣсколько шаговъ. Два-три удара веселъ,—и маленькое судно пристало къ берегу. Всѣ находившіеся въ лодкѣ одинъ за другимъ вышли на сырой песокъ прибрежья.

На берегу уже толпились и суетились негры Симбы. Фераджи и его товарищи оживленно бесѣдовали съ тѣми пятью неграми, которые прибыли вмѣстѣ съ Сузи изъ Удшидши, распрашивая ихъ объ участи бѣжавшихъ. Судя по ихъ словамъ, не трудно было замѣтить, что и имъ самимъ очень хотѣлось послѣдовать ихъ примѣру.

Солиманъ внимательно разглядывалъ группу негровъ; вдругъ его спокойное, невозмутимое лицо оживилось на мгновеніе и онъ быстрыми шагами направился прямо къ Фераджи.

— Что, другъ Фераджи! Развѣ ты не узнаешь меня?—спросилъ онъ.

Вырвавшееся изъ устъ Фераджи восклицаніе сразу дало понять, что тотъ узналъ его.

— Раньше онъ состоялъ у меня на службѣ, — сказалъ Солиманъ, обращаясь къ Осману,—здѣсь, на берегахъ Танганайки, на каждомъ шагу встрѣчаешь старыхъ знакомыхъ!

— Господинъ! — воскликнулъ между тѣмъ Фераджи, — если-бы я только зналъ, что вы здѣсь будете!

— Вѣдь, ты же теперь служишь болѣе сильному и могучему господину, чѣмъ я! — сказалъ Солиманъ съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ,—съ Симбой Солиманъ не можетъ равняться!

Обмѣниваясь этими словами, Солиманъ, Османъ и Фераджи незамѣтно удалились отъ общей группы и молча пошли вдоль по берегу.

— Ты идешь за нами, Ферaджи? — сказалъ Солиманъ, — развѣ ты имѣешь что-нибудь сказать мнѣ?

— Я хотѣлъ только спросить васъ, господинъ, не понадобятся-ли вамъ опять когда-нибудь люди? — не безъ лукавства спросилъ негръ.

Солиманъ удивленно взглянулъ на Фераджи, затѣмъ съ минуту какъ-бы обдумывалъ что-то. Въ глазахъ его разгорался какой-то удивительный блескъ, но, мало по малу, блескъ этотъ померкъ и лицо старика приняло обычное невозмутимо спокойное выраженіе. Минуту спустя, онъ спросилъ, повидимому, совершенно равнодушно:

— А что, развѣ въ Кавенди имѣются грузовщики или солдаты?

— Пошлите же меня, господинъ! — продолжалъ негръ.

— А, тебѣ не нравится у Симбы, понимаю! Но, что-же скажетъ на это Симба?

Негръ сдѣлалъ только презрительный жестъ.

— Я для него слишкомъ труслив: и такими трусами онъ не дорожитъ! — насмѣшливо добавилъ онъ.

— Ты? труслив! — съ нескрываемымъ удивленіемъ воскликнулъ Солиманъ и даже отступилъ на шагъ. — Фераджи, трусъ! Да какъ это могло случиться? Ты возбуждаешь мое любопытство, открой свои уста и разскажи мнѣ, какъ все это было?

— Не я одинъ, а всѣ мы у него трусы, потому что не хотимъ болѣе оставаться въ этомъ проклятомъ углу, гдѣ намъ приходится дружить съ Мудимой и потому постоянно подвергать свою жизнь опасности отъ нападеній Муриро и Руга-Руга изъ Ндерее!

— Вы хотите дружить съ Мудимой? Да развѣ вы такъ слабы, что ищете убѣжища тамъ, въ этомъ сорочьемъ гнѣздѣ? — продолжалъ выпытывать Солиманъ.

— Съ людьми, прибывшими сегодня, насъ всего на всего шестнадцать человѣкъ. Съ этимъ мы едва-ли сможемъ управиться съ Муриро, а потому было-бы много разумнѣе пристать къ Муриро, а не къ Мудима. Но Симба ненавидитъ

*

всѣхъ, кто охотится на негровъ и ведетъ торговлю рабами, это для меня стало совершенно ясно!

— Слышалъ, Османъ?—шепнулъ Солиманъ своему юному спутнику,—онъ остался все тѣмъ-же, какимъ былъ прежде. Затѣмъ онъ быстро обернулся въ сторону Фераджи и спросилъ.—Ну, а какъ относится къ нему Сузи?

— Господинъ, вѣдь, вы сами все знаете, что же вамъ еще говорить?!

— Я видѣлъ Сузи въ Удшидши, дуракъ! — досадливо оборвалъ его Солиманъ, — какое мнѣ въ сущности дѣло до вашего каравана?!

Фераджи не обратилъ никакого вниманія на сердитый окрикъ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Сузи, какъ сами вы знаете, вольно-отпущенный. Онъ носилъ на себѣ невольничье ярмо, которое натерло ему шею, и онъ, конечно, ненавидитъ его. Сузи, конечно, слѣдитъ за порядкомъ!

— Посмотри, Солиманъ, — вдругъ воскликнулъ Османъ, прерывая Фераджи, — будь Сузи здѣсь, эти собаки не посмѣли-бы такъ безцеремонно грабить грузъ!—и онъ указалъ рукой на судно Симба, приведенное сюда Сузи нѣсколько часовъ тому назадъ. Тамъ, оставленные въ качествѣ охранителей, негры распарывали тюки, выбирали изъ каждаго часть ихъ содержимаго; бусъ, жемчуга, проволоки, затѣмъ снова зашивали.

Солиманъ смотрѣлъ съ насмѣшкой на эту картину.— Что другъ Фераджи?—сказалъ онъ,—не упускай и ты тамъ своей доли. Вѣдь, Симба не такъ ловко владѣетъ хлыстомъ, какъ я, или какъ мы, арабы.

При этихъ словахъ Фераджи невольно схватился рукой за спину и слегка сгорбился, какъ будто ощутилъ что-то на спинѣ.

Солиманъ разсмѣялся.

— Вотъ видишь-ли, Османъ,—сказалъ онъ,—этотъ Фераджи, когда онъ поступилъ ко мнѣ на службу, въ качествѣ вожака носильщиковъ грузовъ, былъ самымъ отъявленнымъ

воромъ, на котораго когда-либо свѣтило занзибарское солнце. Цѣлыхъ двѣ недѣли ему все удавалось проводить меня и ужъ, конечно, онъ въ то время отъ души посмѣивался надо мной себѣ въ кулакъ, когда вмѣсто него я съ полнымъ усердіемъ поролъ другихъ.

— Но вотъ и настоящій воръ попался, и тогда я притянулъ его къ отвѣту. Тамъ, въ Узагарѣ, я далъ ему такое наставленіе, такъ проучилъ его, что онъ, навѣрное, не забудетъ этого во всю свою жизнь. Два дня онъ пролежалъ, не вставая, но, въ концѣ концовъ, еще благодарилъ меня за то, что я не велѣлъ его повѣсить. Когда онъ снова былъ въ состояніи стоять и ходить, то сдѣлался честнымъ и вѣрнымъ и на него я всегда могъ положиться. Я знаю, что у Солимана онъ не украдетъ ни одной бисерины!

Между тѣмъ негръ успѣлъ уже оправиться и воскликнулъ самымъ искреннимъ, задушевнымъ тономъ. — Да, Фераджи никогда не забудетъ Узагары, но и Килима—Нджаро, также!

— Ахъ!—воскликнулъ удивленный Османъ,—такъ это онъ, твой Фераджи, который, какъ ты говоришь, помогъ тебѣ добыть не десятки, а сотни невольниковъ! Тотъ Фераджи, который, точно пантера, дрался съ туземцами. Видишь, твое желаніе осуществилось, Солиманъ: ты только что желалъ, чтобы этотъ Фераджи былъ теперь подлѣ тебя,—и вотъ онъ стоитъ теперь предъ тобой!

Солиманъ гнѣвно взглянулъ на своего племянника, пріискивая въ то же время слова, чтобы стушевать необдуманную рѣчь Османа. Но было уже поздно: Фераджи слышалъ сказанное и успѣлъ принять къ свѣдѣнію. Онъ изогнулся, дѣйствительно, какъ пантера и, прижавшись близко къ Солиману, шепнулъ ему въ самое ухо:

— Я это чуялъ, Солиманъ! Поѣзжай-же туда и осмотри хорошенько вблизи тэмбе Лугери. Онъ прекрасно укрѣпленъ, имѣетъ и ограды, и рвы, и сторожевыя башни, и мѣткихъ стрѣлковъ. Самъ Симба обучалъ ихъ военному дѣлу, но все-же поѣзжай и осмотри внимательнѣе эту крѣпость!

— Не забывай, однако, что и Фераджи отлично знаетъ это мѣсто. Сейчасъ намъ нельзя подробно обо всемъ этомъ бесѣдовать, но сегодня ночью, когда тамъ, на горѣ, негры будутъ пить и плясать, а Лугери возьметъ себѣ въ жены молоденькую Коко, пріѣзжай со своей ладьей какъ можно ближе къ тому мыску!—и онъ указалъ ему рукою въ томъ направленіи, гдѣ онъ находился,—тогда и я явлюсь туда и многое поразскажу тебѣ. А пока прощай, мнѣ надо спѣшить, а то словоохотливые люди скажутъ Симбѣ, что Фераджи тайно совѣщался съ Солиманомъ.

И не выждавъ отвѣта старика, негръ повернулся и пошелъ къ своимъ товарищамъ. Но въ грабежѣ ихъ онъ не принялъ участія. Та жалкая горсть бусъ или жемчугу, которой онъ могъ-бы поживитьси здѣсь, не представляла для него никакого интереса: онъ имѣлъ въ виду несравненно болѣе крупную добычу, и взглядъ его съ злобной насмѣшкой и злорадствомъ устремился вверхъ, на крѣпость Мудима.

Между тѣмъ Солиманъ грузно опустилъ свою руку на плечо своего племянника и строго обратился къ нему.

— Еще одна такая глупость съ твоей стороны, и я немедленно отошлю тебя отъ себя! Счастье наше, что этотъ Фераджи ненавидитъ Симбу, а то твой болтливый языкъ могъ-бы окончательно разрушить всѣ мои планы, и все это далекое путешествіе къ берегамъ Танганайки было-бы напрасно!

Затѣмъ онъ быстро направился къ своей ладьѣ, а пристыженный Османъ послѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Фераджи!—крикнулъ Солиманъ, сѣвъ на свою ладью, которая уже отчаливала отъ берега,—скажи Симбѣ, славному, грозному и могучему, что Солиманъ весьма жалѣетъ, что не имѣетъ возможности побесѣдовать съ нимъ. Солиманъ очень желалъ бы его видѣть, потому что много наслышался о немъ хорошаго. Но Солиманъ—бѣдный торговецъ и не имѣетъ времени оставаться по долгу на одномъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни слоновой кости, ни суконъ, а одни только рабы!

Легкій попутный вѣтеръ вздулъ паруса его ладьи,—и она плавно понеслась по тихимъ водамъ озера. Это была не „*Утка*", а первоклассное парусное судно. Легко и увѣренно разсѣкало оно волны, точно птица-фрегатъ, которая не имѣетъ себѣ равныхъ въ искусствѣ плавать и нырять. Вѣроятно, строитель этого судна мысленно представлялъ себѣ змѣиную шею этой удивительной птицы, когда окрестилъ это стройное, ходкое судно „*Змѣей*".

Фераджи восхищеннымъ взоромъ слѣдилъ за удалявшимся судномъ и затѣмъ перевелъ взглядъ, полный презрительнаго сожалѣнія, на ладью, приведенную Сузи для его господина. Ладья эта была едва-ли многимъ лучше погибшей „*Утки*", которая теперь валялась, въ видѣ жалкихъ обломковъ, тутъ-же неподалеку, на берегу.

Но за удаляющейся „*Змѣей*" слѣдила съ неменьшимъ вниманіемъ еще другая пара глазъ.

На близко прилегающемъ къ берегу холмѣ, притаившись въ частомъ кустарникѣ, стоялъ Инкази и недовѣрчиво слѣдилъ за приставшей къ берегу ладьей. Увидѣвъ высадившагося на берегъ Солимана и его спутника, онъ былъ крайне удивленъ, видя, что Фераджи разговариваетъ съ этими двумя арабами, точно старый знакомый. Отъ его мѣткаго взгляда не ускользнула странная группировка и движенія этихъ трехъ личностей. Съ присущимъ дикарю инстинктомъ онъ сразу угадалъ, что эти люди говорятъ не о пустыхъ, безразличныхъ вещахъ. Онъ зналъ, что эти арабскіе торговцы, являющіеся охотиться на людей, точно на дикихъ звѣрей, были смертельными врагами его племени. Они уплыли и, дай Богъ, чтобы никогда болѣе не возвращались сюда. Но Фераджи остался здѣсь; Фераджи жилъ и спалъ подъ кровлей его отцовскаго дома,—и это тревожило теперь молодого Инкази. Онъ сталъ такъ упорно слѣдить за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ этого негра, будто рѣшилъ никогда болѣе не выпускать его изъ вида. Спустя немного времени Инкази сошелъ къ берегу, сѣлъ въ свою лодку и поплылъ по заливу съ намѣренеіемъ наловить рыбы для вечерней

праздничной трапезы, которая должна была состояться сегодня въ тэмбе Мудимы.

Негры Симбы расположились тѣмъ временемъ поудобнѣе въ новой ладьѣ на тюкахъ и ящикахъ, собираясь заснуть до прихода ихъ господина, который долженъ былъ распорядиться выгрузкой и переноской грузовъ.

Полнѣйшая тишина царила на заливѣ и на берегу; только Лувулунгу съ шумомъ мчала свои бурныя воды по камнямъ и скаламъ, образуя каскады и катаракты, да издали доносились однообразные звуки рыбацкой пѣсни Инкази. Растянувшись во всю длину на днѣ ладьи, Ферaджи не спалъ, но съ широко раскрытыми глазами безцѣльно смотрѣлъ вверхъ, между тѣмъ какъ сквозь тѣсно сжатые зубы его злобно вылетали слова:

— Пой, пой гордая птица! Скоро мы ощиплемъ твои перья!

IV. Рабъ Солимана.

Странная встрѣча въ садахъ Удшидши. — Рабъ и его господинъ. — Лживый Ферaджи. — Самое быстроходное судно Танганайки. — Свадебные гости. — Добро пожаловать! — Мечтательница.

Солнце стояло уже очень высоко на небѣ; время близилось къ полудню, когда Симба и Сузи появились на берегу залива.

Трудно себѣ представить удивленіе негровъ, когда они узнали, что весь грузъ судна они должны будутъ внести наверхъ, въ тэмбе Мудимы.

— Неужели мы навсегда должны будемъ остаться здѣсь? — бормотали они, — вотъ и судно пришло. Мы могли-бы плыть дальше, продолжать свое путешествіе, а господинъ нашъ задумалъ устроиться окончательно въ этомъ проклятомъ закоулкѣ! На это мы никогда не уславливались!

— Я останусь здѣсь и построю свой собственный тэмбе здѣсь, въ долинѣ, — заявилъ Симба своимъ людямъ, — а вы,

ребята, кто хочетъ, можетъ остаться со мной, а кто предпочитаетъ вернуться на родину, тотъ можетъ отплыть на этой самой ладьѣ въ Удшидши, но не ранѣе, какъ завтра или послѣзавтра, когда всѣ тюки и товары, до послѣдняго ящика, будутъ снесены наверхъ, въ крѣпость Мудимы, и сложены въ его кладовыхъ.

Негры принялись охать и ахать, выражать свое неудовольствіе, но въ то же время принялись, хотя и очень мѣшкотно, разгружать судно. Только одинъ Ферaджи, который наканунѣ первый заявлялъ недовольство, теперь молчалъ. Когда первое волненіе въ толпѣ его товарищей улеглось, онъ приблизился къ Симбѣ и сказалъ:

— Когда мы пришли на берегъ по вашему приказанію, здѣсь пристала другая ладья одного арабскаго купца, по имени Солимана; ему необходимо было плыть дальше, потому что онъ скупаетъ слоновую кость, а здѣсь ея не было. Онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что низко кланяется славному и могучему, Симбѣ!

— Солиманъ?—переспросилъ Сузи.

— Да, такъ его зовутъ!—удивленно отвѣтилъ Фераджи.

— И онъ ничего болѣе не приказалъ передать мнѣ кромѣ поклона?

— Ничего!—коротко отвѣтилъ Фераджи.

— Ну, и прекрасно! Иди и принимайся за свою работу!—сказалъ Симба.

Фераджи отошелъ и хотѣлъ было взвалить себѣ на плечи тюкъ, лежавшій неподалеку отъ него, какъ вдругъ услышалъ, что Сузи говорилъ своему господину.

— Солиманъ? ну, да, именно такъ его и звали! Я чуть было не забылъ этого имени. Когда я собирался уже отплыть изъ Удшидши и пробирался между одиноко разбросанными по берегу домишками къ пристани, то замѣтилъ, что непривычнаго вида негръ какъ-будто догоняетъ меня. Я пріостановился и когда онъ нагналъ меня, совершенно запыхавшись, то прежде, чѣмъ выговорить хоть одно слово, онъ оглянулся съ такимъ видомъ, какъ будто боялся, чтобы

кто-нибудь не подслушалъ насъ. Только убѣдившись, что кругомъ не было ни души, онъ шопотомъ спросилъ меня:

— Ты Сузи,—тотъ Сузи, который теперь служитъ у бѣлаго Симбы?

— Да, это я!—сказалъ я.

— Ну, такъ скажи ему,—прошепталъ онъ,—что ты здѣсь видѣлъ Лео изъ страны Динка, что онъ три дня тому назадъ прибылъ въ Удшидши съ работорговцемъ Солиманомъ. Скажи, что онъ—рабъ Солимана!

— Онъ хотѣлъ сказать мнѣ еще что-то, но въ этотъ моментъ изъ-за угла одного изъ строенiй показался его господинъ. и онъ со всѣхъ ногъ бросился ему на встрѣчу.

При этомъ онъ кинулъ на меня такой умоляющiй взглядъ, что я сейчасъ-же понялъ, что онъ не желаетъ, чтобы Солиманъ зналъ о нашемъ разговорѣ. Я такъ и сдѣлалъ, и нарочно наклонился надъ какимъ-то цвѣткомъ, какъ будто разглядывалъ его въ то время, когда Солиманъ и его рабъ проходили мимо меня. Я вѣдь и самъ былъ когда-то невольникомъ и знаю, какъ не сладка такая участь. Мнѣ отъ души было жаль этого бѣднаго парня. Когда они прошли, и я пошелъ своей дорогой. Судно мое было уже готово къ отплытiю; мы подняли паруса и пустились въ путь.

Сузи сообщилъ обо всемъ этомъ весьма равнодушно, все время слѣдя за работой негровъ, и, едва докончивъ докладъ, крикнулъ сердито.

— Что-жъ ты, Ферадджи? Какъ это ты до сихъ поръ все не можешь справиться съ этимъ тюкомъ! Ты уже второй разъ роняешь его на землю, экiй ты неуклюжiй!

За все это время Сузи ни разу не взглянулъ на своего господина, иначе весь разсказъ его былъ-бы, вѣроятно, инымъ. Тогда онъ понялъ-бы, что то, о чемъ онъ говоритъ, не пустая случайность, а важное событiе, имѣющее, повидимому, громадное значенiе для Симбы.

Едва успѣлъ онъ произнести имя Лео, какъ Симба невольно сдѣлалъ шагъ назадъ; на лицѣ его выразилось сперва недоумѣнiе, затѣмъ удивленiе и, наконецъ, чувство глубо-

каго сожалѣнія, почти скорби. Мало того, тяжелая слеза выкатилась изъ его глазъ и медленно скатилась по щекѣ. Онъ молча опустилъ голову и прошепталъ чуть слышно: „значитъ, Сансуси пала, Сансуси, моя гордость и моя надежда... бѣдный Лео, бѣдная Зюлейка!“

Когда-же Сузи, наконецъ, взглянулъ на своего господина, то въ лицѣ его не оставалось и слѣда этой минутной скорби и печали. Въ глазахъ его свѣтился гнѣвъ, онъ судорожно сжималъ въ рукѣ стволъ своего ружья и крикнулъ:—Фераджи!—такимъ громовымъ голосомъ, что негръ невольно содрогнулся и въ третій разъ уронилъ свой тюкъ.

— Видѣлъ ты людей въ ладьѣ Солимана?

— Да, господинъ,—отвѣчалъ Фераджи.

— Что это были за люди?

— Солиманъ и съ нимъ еще одинъ молодой человѣкъ, котораго онъ называлъ Османомъ, и десять человѣкъ вадшидши,—проворно отвѣчалъ негръ.

— Ты, навѣрное, знаешь, что все это были вадшидши? И что между ними не было никакого другого негра?

— Навѣрно знаю,—отвѣчалъ спрошенный,—я готовъ поручиться своей головой, что все это были вадшидши!

— Фераджи, быть можетъ, правъ, господинъ,—вмѣшался Сузи,—потому что я слышалъ, когда Солиманъ проходилъ мимо меня тамъ, въ саду, что онъ сказалъ:—сегодня я съ Османомъ уѣзжаю, а ты останешься здѣсь и будешь отвѣчать мнѣ головою за то, что я вернувшись найду все въ должномъ порядкѣ!

Симба, повидимому, обдумывалъ что-то и затѣмъ продолжалъ допрашивать Фераджи:

— Въ какомъ направленіи отплылъ Солиманъ?

— Въ южномъ!—отвѣтилъ Фераджи, не упускавшій ни одного слова изъ того, что говорилъ Сузи.

— Не говорилъ-ли онъ, когда думаетъ вернуться?

Съ минуту Фераджи молчалъ; ему очень хорошо было извѣстно, что еще въ эту ночь онъ увидится здѣсь съ Со-

лиманомъ. Съ минуту онъ колебался, не зная, что сказать, но затѣмъ отвѣчалъ поспѣшно:

— Онъ говорилъ, что поѣдетъ далеко къ югу, но что черезъ три дня вернется, и тогда надѣется привѣтствовать Симбу, могучаго и славнаго.

— Черезъ три дня? Не раньше?—воскликнулъ Симба.— Скажи Фераджи, какъ было оснащено его судно? лучше, чѣмъ наша ладья?

Фераджи сразу понялъ, чего хотѣлъ Симба; ему хотѣлось нагнать Солимана. Но если только онъ направиться къ югу на своей ладьѣ, то, навѣрно, долженъ будетъ встрѣтить араба, который намѣревался только изучить повнимательнѣе окрестности тэмбе Лугери, отстоявшее всего въ нѣсколькихъ часахъ пути отсюда, и, вѣроятно, расположился теперь гдѣ нибудь на берегу до тѣхъ поръ, пока онъ съ наступленіемъ ночи не появится опять въ Лувулунгской бухтѣ. Этого-то никакъ не хотѣлъ допустить Фераджи, а потому онъ воскликнулъ, не безъ хвастовства:

— Господинъ, Солиманъ плыветъ на „Змѣѣ“! А развѣ вы не знаете этого судна? Быстрѣе голубя по небу несется оно по волнамъ; это лучшее судно на всей Танганайкѣ. Гарибъ никому не хотѣлъ отдать въ наймы это судно, но, вѣроятно, Солиманъ ему другъ, потому что онъ былъ сегодня здѣсь на немъ.

— Да, „Змѣю“ намъ не нагнать, господинъ,—снова вмѣшался Сузи, — тѣмъ болѣе, что она опередила насъ на нѣсколько часовъ. Къ тому-же не забудьте, что Мудима будетъ ужасно огорченъ, если васъ сегодня не будетъ въ его домѣ!

Симба не отвѣчалъ, Фераджи же навострилъ уши. Что это значило, это напоминаніе о Мудима? Что должно было произойти сегодня и почему это присутствіе Симба было такъ необходимо? Все это ему надо было знать, и потому онъ обратился къ Сузи и презрительнымъ тономъ сказалъ ему:

— Какъ можешь ты, Сузи, равнять нашего господина съ

Мудимой? Если господинъ нашъ хочетъ отлучиться, то ему нечего спрашиваться у Мудимы. Что онъ такое, въ сущности, этотъ Мудима?

— Онъ — вождь и предводитель племени Вавенди! — рѣзко отвѣтилъ за Сузи Симба,—и въ эту ночь станетъ моимъ побратимомъ!

Съ этими словами онъ отвернулся и сталъ подыматься въ гору, между тѣмъ какъ Ферадджи раскрылъ ротъ отъ удивленія, но затѣмъ молча улыбнулся и принялся за свое дѣло.

На первой-же возвышенности, откуда открывался обширный кругозоръ, Симба остановился и, вооружившись зрительной трубой, сталъ смотрѣть на открывшуюся передъ нимъ обширную поверхность озера. Тамъ, въ дали, онъ увидѣлъ парусъ. — Да, нагнать „*Змѣю*“ не было никакой возможности, Ферадджи и Сузи были правы!—прошепталъ онъ,— о, бѣдный Лео, тебѣ придется подождать, еще нѣсколько дней, но это кажется мнѣ, такъ безконечно долго! Какъ долги и мучительны должны были тебѣ казаться годы твоего рабства! Я выкуплю тебя, чего-бы это ни стоило!

Тѣмъ временемъ въ домѣ и во дворѣ Мудимы шли приготовленія къ предстоящему торжеству. Въ громадныхъ кувшинахъ было заготовлено пальмовое вино и банановое пиво, женщины и теперь еще продолжали варить бананы, изъ которыхъ изготовлялось пиво, разсчитывая, что сегодня придется напоить много жаждущихъ глотокъ.

Затѣмъ стали съѣзжаться свадебные гости, которыхъ радушно встрѣчали хозяева и, смотря по тому, какое они занимали положеніе въ мѣстной общественной іерархіи, привѣтствовали ихъ съ большею или меньшей церемоніей.

Въ числѣ гостей явился и болѣе молодой вождь, чѣмъ старикъ хозяинъ. Войдя, онъ низко склонился передъ нимъ и, преклонивъ колѣна, уперся ладонями обѣихъ рукъ въ землю, между тѣмъ какъ Мудима, стоя надъ нимъ, разъ шесть или семь ударилъ въ ладоши. Послѣ чего молодой вождь всталъ, а Мудима склонился передъ нимъ и затѣмъ

такъ-же опустился на колѣни, а юный вождь проворно ударилъ себя сперва подъ лѣвую, а затѣмъ подъ правую подкрыльцовую впадину. Этимъ и окончилась церемонія привѣтствія чернокожихъ эраидовъ.

Затѣмъ приблизились къ Мудимѣ спутники его гостя, заурядные люди, которые на всякіе лады отвѣшивали передъ хозяиномъ поклоны, тотъ милостиво отпускалъ каждаго, похлопавъ надъ нимъ въ ладоши.

Послѣ того гости могли взаимно привѣтствовать другъ друга. При этомъ глазамъ Симбы предстало интересное зрѣлище: мужчины кидались другъ къ другу, ударяли одинъ другого по животу, затѣмъ старательно шлепали другъ друга по спинѣ и, въ концѣ концовъ, принимались трясти другъ другу руки.

Такъ какъ новые гости все пребывали одни за другими, и никто не хотѣлъ обойтись безъ взаимнаго привѣтствія, то хлопанье и шлепанье не умолкало ни на минуту, напоминая усердные апплодисменты восторженной зрительной залы гдѣ нибудь въ Европѣ, такъ что Симба невольно воскликнулъ!— Браво! Брависсимо!

Таково было взаимное привѣтствіе негровъ. При этомъ надо замѣтить, что всѣ эти мужчины и женщины были очень разряжены по мѣстнымъ понятіямъ. Особенно щеголяли женщины своими прическами. У одной изъ этихъ дамъ всѣ волосы были собраны громаднымъ шиньономъ на головѣ и связаны затѣйливымъ вѣнкомъ изъ раковинъ. У многихъ волосы были расплетены на четыре косы и замысловато уложены на головѣ;—у нѣкоторыхъ были заплетены въ безчисленное множество тоненькихъ косичекъ, связанныхъ на макушкѣ и разубранныхъ продѣтыми въ нихъ стальными ножами, стрѣлами и тому подобными украшеніями. Кромѣ того, у всѣхъ косы были смазаны масломъ и красною глиной.

Уже однѣ эти прически женщинъ придавали этому собранію какой-то странный, своеобразный характеръ. Но и наряды гостей были не менѣе оригинальны. Пестрыя юбочки женщинъ какъ-то блѣднѣли и терялись передъ яркими лео-

пардовыми шкурами мужскихъ плащей. Браслеты изъ хвостовъ зебры, желѣзныя кольца на манеръ кандалъ на щиколткахъ и ожерелья изъ зубовъ разныхъ звѣрей,—все это еще болѣе увеличивало впечатлѣніе чего то дикаго и страннаго для непривычнаго глаза европейца.

Не было недостатка и въ музыкантахъ при этомъ пестромъ маскарадѣ. Они явились во всеоружіи своего искусства, съ дудками и другого рода духовыми инструментами и, очевидно, были настоящими африканскими виртуозами.

Въ сторонѣ отъ всего этого шума и пестрой веселой толпы гостей стояла молодая дѣвушка и задумчиво смотрѣла на виднѣвшееся въ дали озеро, какъ будто она хотѣла отыскать тамъ что-то.

— Эхъ, Намотэра, ты ужъ опять замечталась!—окликнула ее Коко.

— Нѣтъ,—отвѣчала та,—я только смотрю на Музуму-Эйландъ, о которомъ мнѣ столько разсказывалъ Инкази. Неужели тебѣ не хочется когда-нибудь побывать тамъ, Коко? О, какъ-бы я хотѣла тамъ увидѣть самого Муциму!

Коко снисходительно посмотрѣла на молодую дѣвушку, а Симба внимательно прислушался къ ея словамъ. Что-то особенное слышалось въ звукѣ голоса и въ словахъ этой дѣвушки; онъ хотѣлъ было вступить съ ней въ разговоръ, когда къ ней подошелъ Инкази и они вмѣстѣ сѣли на самомъ краю плато, служившаго террасой. Инкази сталъ что-то съ жаромъ разсказывать ей, а она слушала его какъ будто въ забытьѣ.

Симба улыбаясь смотрѣлъ на нихъ, затѣмъ отошелъ, чтобы не мѣшать своему юному другу Инкази.

V. Побратимы.

Увеселительные огни. — На берегу. — Загадочный сигналъ. — Крикъ совы. — Двойной семейный праздникъ. — Празднованіе побратимства. — Лео выданъ. — Предостереженіе Инкази. — Онъ не является.

Наступила ночь, но не тихая ночь, какую обыкновенно воспѣваютъ поэты, а темная, мрачная, и раскинула свой покровъ надъ громадной поверхностью Танганайки, надъ вершинами и ущельями горъ Кунгве и надъ прекрасной прибрежной долиной. Какъ всегда, кричали лягушки, трещали и стрекотали цикады, стоналъ и рокоталъ прибой и даже на вершинахъ горъ кипѣла жизнь. Яркіе огни пылали въ тэмбе Мудимы, и такъ велики, такъ громадны были эти костры, что можно было подумать, что на дворѣ ночь на Ивана-Купалу, когда горные духи празднуютъ и пируютъ всю ночь въ таинственныхъ ущельяхъ и на неприступныхъ вершинахъ горъ. Далеко-далеко на долину простирали эти огни свой кровавый отблескъ и отражались дрожащимъ свѣтомъ на зыбѣ безпредѣльной Танганайки. Они казались тѣмъ ярче, что только они одни свѣтились въ непроницаемомъ мракѣ таинственной ночи, потому что луна не успѣла взойти, а блѣдныя, трепетныя звѣзды не въ силахъ были соперничать съ яркимъ пламенемъ громадныхъ костровъ.

То были свадебные огни: Лугери и Коко праздновали въ эту ночь свою свадьбу. И на всей далекой окружности, въ одиноко разбросанныхъ тэмбе, бѣдные негры, поглядывая вверхъ, на вершины горъ, восклицали:

— Смотрите, какъ могущественны и богаты и смѣлы стали опять Вавенди!

Даже тамъ, гдѣ берегъ узкой косой далеко вдавался въ озеро, выдѣляя Лувулунгскую бухту, были восторженные зрители этой грандіозной, своеобразной иллюминиіи. Шагахъ въ ста отъ косы стояла на якорѣ „Змѣя", и ея экипажъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ вверхъ, на горы, любуясь свадебными огнями въ крѣпости Мудимы. Они мысленно пред-

ставляли себѣ веселье и разряженную толпу гостей, обильную трапезу и лакомое угощенье, которое предлагали гостямъ въ тембе Мудимы. Тамъ, навѣрное, не было недостатка въ жареныхъ козочкахъ и козлятахъ, — былъ тамъ, конечно, и бараній бокъ, и дикія курочки съ жареными бананами, а изъ полныхъ до верху кувшиновъ обильно лилось банановое пиво и пальмовое вино. И въ трубкѣ съ душистымъ табакомъ тоже не было никому отказа.

Какъ хорошо было бы теперь сидѣть тамъ, передъ домомъ Мудимы, и смотрѣть на пляску черныхъ дѣвушекъ, которыя въ честь новобрачной Коко, навѣрное, исполнятъ танецъ Вавенди!

На суднѣ были только одни вадшидши; хозяева и господа ихъ сидѣли теперь на берегу, на косѣ, въ густой чащѣ кустарника, и поджидали Фераджи.

Османъ задумчиво смотрѣлъ въ даль на громадную поверхность озера, надъ которымъ клубился легкій туманъ. Очевидно, онъ замѣтилъ тамъ что-то, потому что упорно смотрѣлъ въ одну точку, чернѣвшую на водѣ. Спустя немного времени онъ тихонько толкнулъ своего спутника и шепнулъ ему:

— Смотри, Солиманъ! Видишь, тамъ плыветъ лодка.

Солиманъ посмотрѣлъ въ указанномъ направленіи. Темный предметъ медленно приближался къ нимъ. Продолговатую форму его легко можно было различить, несмотря на царившую кругомъ мглу и туманъ.

— Это не лодка и не челнокъ! — сказалъ Солиманъ. — Танганайка часто выбрасываетъ на берегъ старые прогнившіе стволы. И ты увидишь, какъ чрезъ нѣсколько минутъ онъ подплыветъ къ берегу и затѣмъ будетъ качаться на волнахъ прибоя. Часто это старые стволы походятъ на плавучіе сады, — ихъ грубая кора поростаетъ цѣлымъ лѣсомъ паразитовъ, ползучихъ растеній и травъ. Теперь ужъ каждую минуту можетъ взойти луна и тогда освѣтитъ этотъ плавучій садъ. Смотри, она ужъ серебритъ своимъ отблес-

комъ тѣ бѣлыя облачка, что плывутъ по небу, точно стая дикихъ лебедей.

Дѣйствительно, луна вдругъ выплыла изъ-за темныхъ горъ и разомъ залила яркимъ свѣтомъ всѣ окрестности. Громадный стволъ прибило къ берегу, и теперь онъ мѣрно покачивался на волнахъ прибоя то подплывая ближе, то снова удаляясь немного отъ берега.

— Увидишь, онъ пробьетъ себѣ дорогу и завтра утромъ будетъ лежать на берегу, пока сильнымъ волненьемъ снова не унесетъ его куда-нибудь!

И въ самомъ дѣлѣ, старый стволъ пробилъ себѣ дорогу и теперь лежалъ уже въ болѣе покойной водѣ, шагахъ въ десяти отъ берега, гдѣ уже было сравнительно мелко.

Вдругъ вниманіе обоихъ арабовъ было отвлечено отъ стараго ствола раздавшимся вблизи ихъ крикомъ совы.

Солиманъ прислушался.

— Что это? Неужели здѣсь въ самомъ дѣлѣ держатся совы, или-же этотъ парень не забылъ еще нашъ условный сигналъ? — И, не долго думая, старикъ отвѣтилъ такимъ-же подражаніемъ крику совы.

Вслѣдъ за тѣмъ послышался опять такой-же крикъ,—и слѣва отъ того мѣста, гдѣ они сидѣли, раздался плескъ, какъ будто кто-то шелъ по водѣ, а минуту спустя вынырнула изъ тростниковъ какая-то темная фигура.

То былъ Фераджи, разставшійся на этотъ разъ со своей форменной одеждой ввиду того, что яркія бѣлыя полосы его рубашки были слишкомъ замѣтны въ темнотѣ, а въ настоящемъ костюмѣ негра его трудно было узнать.

— Не легко было незамѣтно улизнуть оттуда сегодня,— проговорилъ онъ запыхавшись,—да и путь не близкій!

— Какъ видно, люди Мудимы уже не такъ безпечны, какъ раньше,—проговорилъ Солиманъ.—Я видѣлъ тэмбе Лугери; честь и слава строителю этой крѣпости. Какъ видно, комендантъ ея—парень смышленный. Онъ не забралъ всѣхъ своихъ людей съ собой на свадьбу, а оставилъ тамъ гарнизонъ, съ которымъ не такъ-то легко справиться. При такихъ

условіяхъ можно спокойно пировать въ этомъ орлиномъ гнѣздѣ. Но ты молчишь, Фераджи! Вѣдь, тебѣ надо непремѣнно вернуться туда еще до восхода солнца — времени остается не такъ много! Говори-же, ты хотѣлъ разсказать мнѣ?

— Радуйся, Солиманъ! — началъ Фераджи, съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ.—Какъ великій воитель, ты, конечно, будешь радъ помѣряться съ смѣлымъ и сильнымъ врагомъ. Симба остается здѣсь въ долинахъ Вавенди и будетъ строить здѣсь, на берегу, свой собственный тэмбе!

— Чортъ-бы его побралъ! — гнѣвно воскликнулъ Солиманъ.

— Мало того,—продолжалъ Фераджи,—знай, что сегодня мы тамъ справляли двойное торжество. Самая свадьба Лугери чуть не стала дѣломъ второстепенной важности изъ-за другого торжества. Туда собралось не мало воиновъ изъ племени Мудимы, и, когда насталъ вечеръ, всѣ они усѣлись вокругъ большого костра. Подъ балдахиномъ помѣстились другъ подлѣ друга Мудима и Симба. Ну, а затѣмъ ты самъ, конечно, знаешь, что именно должно было произойти. Зарѣзали курицу и, вынувъ изъ нея только печенку, поджарили послѣднюю на огнѣ.

— Когда печенка уже изжарилась, подошелъ старѣйшій изъ воиновъ и сталъ размахивать острымъ большимъ ножомъ. Тогда Мудима, сидѣвшій въ полномъ одѣяніи вождя, сбросилъ свой плащъ изъ шкуры леопарда, скрывавшій ему спину и плечи, а также отчасти и грудь. Симба также разстегнулъ свой пиджакъ и воротъ рубашки и обнажилъ свою грудь. Затѣмъ подошелъ другой воинъ съ небольшой чашкой, послѣ чего старѣйшій воинъ приблизился къ Мудимѣ и сдѣлалъ ему ножемъ надрѣзъ на груди, при чемъ капли крови закапали въ чашку, которую другой воинъ тотчасъ-же поспѣшилъ подставить. Теперь настала очередь Симбы.

— Если-бы тебѣ, Солиманъ, пришлось держать твой ножъ такъ близко къ груди Симбы, ты, конечно, вонзилъ-бы его

глубже, чтобы взглянуть на кровь изъ сердца твоего врага. Вотъ что я при этомъ подумалъ! Но старый воинъ осторожно сдѣлалъ необходимый по обычаю надрѣзъ,—и кровь Симбы закапала въ другую маленькую чашку. Затѣмъ принесли жареную куриную печенку и два другихъ воина подошли и возложили на головы Мудимы и Симбы два скрещенныя широкія копья. Тогда Симба обмакнулъ свой кусокъ печенки въ крови Мудимы, а Мудима свой—въ крови Симбы, — и оба они съѣли эту печенку въ то время, какъ тотъ ножъ, которымъ имъ взрѣзали груди, оттачивали о другой ножъ. И въ то же время одинъ изъ воиновъ громко произносилъ проклятіе тому, кто нарушитъ данную клятву или обѣтъ: „Горе! горе тому изъ васъ, кто нарушитъ этотъ заключенный сегодня братскій союзъ. Горе! горе ему! Левъ да встанетъ ему поперекъ пути и да растерзаетъ и пожретъ его!“

„Змѣя да подползетъ къ ложу его и да отравитъ его своимъ ядомъ! Пусть пища его станетъ горечью! Пусть, покинутый всѣми, родными и друзьями, бродитъ онъ одиноко по свѣту! Пусть ружье его обратится противъ него, и пусть разорвется въ его рукѣ! Пусть пламя пожретъ его домъ и дворъ!

— Что ты пустое болтаешь, Фераджи! — окликнулъ его Солиманъ,—точно всѣ мы не знаемъ этого!

— И пока тотъ выкликалъ всѣ эти проклятія, остальные палили изъ ружей, а женщины выли и кричали, Симба же и Мудима съ этого момента побратались.

— Этимъ и окончилось торжество! А какъ ты полагаешь, Солиманъ, способенъ-ли Симба когда-либо нарушить свою клятву? Я готовъ поручиться, что онъ будетъ болѣе вѣрнымъ слугой и другомъ для Мудимы, чѣмъ рабъ твой Лео!

— Лео? А ты какъ знаешь его? Что извѣстно тебѣ о немъ?

— Что мнѣ извѣстно? Спроси лучше у Симбы, какъ ему дорогъ этотъ человѣкъ. Вѣдь, Симба хотѣлъ гнаться за тобой, чтобы ты отдалъ ему этого невольника.

— Какъ! Развѣ Симбѣ извѣстно, что Лео теперь въ Удшидши?—спросилъ Солиманъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Солиманъ, — съ злобной насмѣшкой выговорилъ Фераджи, — пороть своихъ рабовъ ты можешь, но знай, что однимъ хлыстомъ нельзя управиться съ людьми: надо, кромѣ того, еще зорко присматривать за своими рабами. А ты—слѣпой рабовладѣлецъ! Да! ха, ха, ха, ха! Вѣдь они у тебя-же на глазахъ разговаривали между собой. Этотъ Сузи, слуга Симбы, и твой главный, старшій рабъ Лео. Да, у тебя на глазахъ, подъ самымъ твоимъ носомъ, въ садахъ Удшидши!

— Проклятый! Ужъ онъ поплатится же у меня за это!— злобно прошипѣлъ Солиманъ.

— Ты видишь, Солиманъ, что Фераджи чего-нибудь да стоитъ; у него острый слухъ! Онъ все слышитъ, все знаетъ. Я увѣренъ, что ты теперь не отпустишь меня обратно къ моему господину, а увезешь съ собой на своей ладьѣ!

И Фераджи подробно разсказалъ Солиману весь подслушанный имъ сегодня разговоръ, а подъ конецъ добавилъ:

— Всѣмъ намъ приказано слѣдить за „Змѣей“ и тотъ, кто первый увидитъ ее и первый донесетъ о томъ Симбѣ, получитъ отъ него крупный подарокъ, цѣлую кучу стеклянныхъ бусъ. Не пойти-ли мнѣ къ нему, Солиманъ, и не сказать-ли ему, что „Змѣя“ здѣсь? Быть можетъ, ты теперь желаешь побесѣдовать со славнымъ и могучимъ Симбой?

Солиманъ молчалъ, очевидно, обдумывая свой планъ. Какъ Османъ, такъ и Фераджи, поняли это, и никто изъ нихъ не посмѣлъ тревожить его. Спустя немного, старый арабъ проговорилъ:

— Фераджи, ты теперь молчи! Мы должны немедленно вернуться въ Удшидши. Когда придетъ время, я напишу Симбѣ, что готовъ продать ему того невольника, который такъ стремится къ нему. А тѣмъ временемъ, какъ онъ уйдетъ въ Удшидши, чтобы покончить со мной это дѣло, мы будемъ имѣть возможность безпрепятственно хозяйничать здѣсь. Ты же пока оставайся здѣсь, у Симбы, прислушивайся ко всему, замѣчай все, что говорится и дѣлается, а

когда опять увидишь „Змѣю“, то приходи скорѣе на это самое мѣсто! Относительно вознагражденія тебѣ безпокоиться не чего; съ сегодняшняго дня ты числишься у меня на службѣ а ты знаешь, что Солиманъ всегда держитъ слово! Пойдемъ Османъ,—обратился онъ къ своему племяннику, не обращая болѣе никакого вниманія на Ферaджи, — пойдемъ, намъ надобно, какъ можно скорѣе, вернуться въ Удшидши!

И оба торопливо пошли вдоль берега, вплоть до мѣста, гдѣ у нихъ былъ запрятанъ въ камышахъ тоненькій челнокъ, на которомъ они направились къ ожидавшей ихъ „Змѣѣ“.

Фераджи, который съ этого момента служилъ двумъ господамъ, простоялъ еще нѣкоторое время на прежнемъ мѣстѣ и слѣдилъ за удалявшимися до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не убѣдился, что „Змѣя“ дѣйствительно пошла по направленію къ Удшидши. Тогда и онъ направился въ гору, въ крѣпость Мудимы.

Сегодня онъ былъ смѣлъ, отваженъ и не страшился никакихъ Руга-Руга.

Прибрежье снова опустѣло, на немъ не оставалось теперь ни души; только волны тихо плескались о берегъ да старый стволъ попрежнему медленно и плавно покачивался въ волнахъ прибоя. Но что это? Развѣ налетѣла буря или образовалось новое обратное движеніе? Стволъ вдругъ повернулся и поплылъ. Нѣтъ, озеро оставалось по прежнему спокойно и теченіе не измѣнилось. Значитъ, что-либо особенное неудержимо влекло куда-то этотъ старый стволъ, который теперь поплылъ отъ берега, и поплылъ не медленно, какъ раньше, а быстро и въ опредѣленномъ направленіи, поплылъ противъ теченія, точно имъ управляла чья-то опытная рука.

Сказалъ-ли бы и теперь Солиманъ, слѣдя за темнымъ движущимся предметомъ. „Нѣтъ, Османъ, это не челнокъ!“— Если это и былъ челнокъ, то въ немъ не было видно гребца, Ужъ не Муциму-ли, этотъ озерной духъ, могучій мѣстный

водяной, забавлялся съ этимъ стволомъ? Быть можетъ, его тащили за собою рыбы или крокодилы, подвластные Муциму?

Какъ бы то ни было, но старый стволъ уплывалъ все дальше и дальше, пока не скрылся, наконецъ, въ туманѣ.

Между тѣмъ въ тэмбе Мудимы угасали огни,—и желаніе пѣть и плясать понемногу гасло въ участникахъ празднества: всѣ уже утомились; пора было подумать и о снѣ. Очевидно, гости уже готовились проплясать прощальный танецъ и затѣмъ разойтись.

Побратимы сидѣли немного въ сторонѣ отъ остальныхъ, и не мудрено: вѣдь, оба они были уже люди степенные, а то была все больше молодежь. Они сидѣли надъ чашами съ пальмовымъ виномъ, пѣнившимся и искрящимся, какъ наше шампанское, и Мудима разсказывалъ Симбѣ о своихъ виноградникахъ, т. е. о тѣхъ горныхъ долинахъ, на которыхъ росли и красовались его маслины; изъ цвѣта ихъ и добывался этотъ дивный напитокъ, извѣстный подъ назнаніемъ „пальмоваго вина“. Симба пилъ вино это особенно охотно; оно напоминало ему родное пиво,—и ему казалось, что онъ снова пьетъ кружку за кружкой со старыми пріятелями и друзьями, Іенскими студентами. Вѣдь, онъ сегодня выпилъ на брудершафтъ, къ тому-же, онъ былъ почетнымъ свадебнымъ гостемъ! Какъ же ему было не быть веселымъ и радостнымъ въ этотъ день? И все это происходило на вершинѣ громадной горы, высоко—высоко надъ землею, такъ высоко, что ему казалось, будто отсюда можно руками хватать звѣзды;—такъ высоко, что здѣсь самому мѣсяцу можно было прямо въ лицо глядѣть и разглядывать его забавную, смѣшную физіономію.

„Что ты тамъ дѣлаешь, мѣсяцъ мой милый“! — запѣлъ было подъ этимъ впечатлѣніемъ Симба и вдругъ оборвалъ пѣсню на полу-словѣ. Передъ нимъ точно выросла изъ земли чья-то темная фигура и выступила на середину свѣтлаго круга передъ колеблющимся пламенемъ догоравшаго костра. Симба тотчасъ-же узналъ любимца своего Инкази, но какой

у него былъ странный видъ! Какъ много говорили его глаза, въ упоръ глядѣвшіе на Симбу.

— Инкази, другъ мой, что съ тобой?—невольно воскликнулъ Симба,—не свадебное у тебя лицо! Ужъ не подступили-ли Руга-Руга къ воротамъ вашего тэмбе? или Муриро штурмуетъ тэмбе Лугери?

Инкази скрестилъ на груди руки и сказалъ:

— Симба, я вижу, ты веселъ, но знай, что здѣсь воркуютъ не одни голуби; здѣсь кричатъ и ночныя совы; здѣсь хохочутъ и воютъ гіены. Помнишь ты данную клятву? Сегодня ты сталъ нашимъ братомъ; я довѣряю тебѣ, какъ брату, и пришелъ теперь предупредить тебя!

— Э, Инкази,—добродушно воскликнулъ Симба—ужъ не похитилъ-ли кто тамъ на берегу мою старую ладью?

— Я только-что пришелъ оттуда,—серьезно продолжалъ Инкази,—и видѣлъ тамъ внизу „Змѣю"; она стояла на якорѣ въ бухтѣ Лувулунгу. А на берегу я видѣлъ Солимана и Османа—и твоего слугу Фераджи. Фераджи долго разговаривалъ съ ними, но что именно они говорили, я понять не могъ; только имена Мудимы, Симбы и Лео, часто доносились до меня вѣтромъ. И какъ они подплыли сюда во мглѣ и въ туманѣ, такъ точно и отплыли въ туманѣ и во мглѣ, а Фераджи, прячась, какъ воръ, побѣжалъ въ гору и прокрался опять въ надежное убѣжище Мудимы. Сѣдина украшаетъ ваши головы, Симба и отецъ; то, что я видѣлъ, является для меня загадкой.—Вы имѣете больше опыта и мудрости,—разгадайте-же мнѣ ее!

Теперь лицо Симбы было серьезно, глаза смотрѣли строго и сурово, а сквозь сжатыя губы онъ пропустилъ всего одно только слово: „Предатель"! Но нѣтъ! Какъ могъ Фераджи выдать или предать его Солиману? Какъ могъ этотъ совершенно незнакомый ему арабскій торговецъ быть враждебно настроенъ противъ него? Надо было поговорить съ Фераджи и узнать причину ихъ тайной встрѣчи и совѣщанія. Быть можетъ, послѣдній хотѣлъ только заслужить обѣщанную награду за извѣщеніе о прибытіи „Змѣи"? Но въ

такомъ случаѣ, что-же ему мѣшало поступить открыто, придти и сказать Симбѣ: „господинъ, Змѣя возвращается, я первый увидѣлъ ее и первый доношу вамъ объ этомъ“! — Нѣтъ, видно, Инкази правъ: поведеніе этого негра загадочно.

Старый Мудима также погрузился въ глубокую думу и молчалъ, но для него разгадка не представляла никакихъ затрудненій. „Солиманъ“, это имя было ему знакомо, тяжелыя, мрачныя воспоминанія были связаны для него съ этимъ именемъ.

Въ кровавой войнѣ, въ которой, путемъ коварства и измѣны, пало несчастное, но храброе и гордое племя Мудимы, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, это имя играло важную, выдающуюся роль. Мысль объ этомъ человѣкѣ вызвала въ душѣ Мудимы лишь мысль о нападеніяхъ, о войнѣ и грабежѣ. Едва только эта несчастная страна успѣла немного очнуться и коренныя обитатели ея стали, мало-помалу, вновь спускаться въ долину; и тамъ сталъ уже выростать первый городокъ, тэмбе Лугери; эти кровожадные, алчные люди рѣшили, что теперь въ этой долинѣ снова есть подходящая для нихъ дичь, и явились поохотиться на людей, какъ истые работорговцы.

— Ты говоришь, что твое сердце не чуетъ здѣсь ничего добраго, Инкази, и ты правъ, сынъ мой,—сказалъ Мудима,— предчувствіе твое не обмануло тебя, я могу разгадать тебѣ эду загадку. Солиманъ явился сюда обозрѣть и изслѣдовать мѣстность, чтобы еще разъ ограбить и раззорить ее въ конецъ. Ферaджи — его лазутчикъ и шпіонъ. Ему извѣстна здѣсь каждая тропа; извѣстно число людей, которыми мы можемъ располагать,—и все это онъ выдалъ Солиману. Онъ останется среди насъ и будетъ продолжать все выпытывать и выглядывать до того момента, когда, наконецъ, настанетъ урочный часъ, а тогда онъ разомъ сдѣлается проводникомъ враговъ нашихъ, которые нападутъ на насъ во время сна и попытаются захватить врасплохъ гарнизонъ Лугери. Что я не ошибаюсь, это не подлежитъ сомнѣнію. Пусть этотъ мерзавецъ, незамѣченный, проскользнетъ опять

въ нашъ тэмбе. Если онъ не затѣялъ предательства, то самъ придетъ и заявитъ Симбѣ о возвращеніи „Змѣи“. Если-же онъ не скажетъ никому объ этомъ, то ясно, что онъ затѣялъ измѣну и что намъ слѣдуетъ быть съ нимъ насторожѣ, и постараться сдѣлать его безвреднымъ для себя, какъ это дѣлаютъ съ ядовитыми змѣями, которымъ раздавливаютъ голову.

Симба одобрилъ рѣшеніе своего названнаго брата, а Инкази указалъ рукой на расположившуюся у одного изъ костровъ группу пирующихъ и сказалъ:

— Смотрите, вотъ, онъ сидитъ, пьетъ банановое пиво и ничуть не спѣшитъ сообщить своему господину радостную вѣсть, за которую ему обѣщана награда. Почему же онъ не идетъ объявить тебѣ, Симба, что „*Змѣя*“ съ особою поспѣшностью поплыла обратно въ Удшидши?

— Я это зналъ,—сказалъ Мудима,—итакъ, то, что было говорено сейчасъ между нами, пусть останется тайной для всѣхъ, только Лугери слѣдуетъ предупредить, чтобы онъ съ особой бдительностью охранялъ свой тэмбе. А этого негодяя не слѣдуетъ теперь ни на минуту терять изъ вида. Мы трое будемъ чередоваться и постоянно слѣдить за нимъ!

— Быть можетъ, онъ еще придетъ,—замѣтилъ Симба, которому было ужасно непріятно, что одинъ изъ его людей могъ быть предателемъ по отношенію къ столь радушно пріютившимъ его людямъ.—Но, если онъ дѣйствительно окажется негодяемъ, Мудима, то ты знаешь, что Симба—твой побратимъ и готовъ положить жизнь за тебя и за твой народъ!

Послѣ этого они молча пожали другъ другу руки и не говорили уже ни слова. Но вино потеряло для нихъ свой вкусъ, праздничное настроеніе пропало, а вмѣсто него въ душу закралась мрачная, невеселая дума и забота.

На обширной площадкѣ тэмбе становилось все менѣе и менѣе шумно; не только музыка и пляски, а даже и говоръ понемногу стихалъ и смолкалъ. На небѣ уже появилась утренняя звѣзда. А Фераджи все еще не приходилъ. Но

вотъ, онъ поднялся со своего мѣста у костра и, повидимому, направился подъ тотъ навѣсъ, гдѣ находилась его постель. Ему приходилось пройти мимо Мудимы и Симбы. Быть можетъ, онъ подойдетъ теперь и скажетъ?

Но нѣтъ, онъ равнодушно и спокойно прошелъ мимо, лишь искоса взглянувъ на своего господина и его друзей.

Какія еще нужны были улики?

Симба всталъ и крикнулъ своего вѣрнаго Сузи, которому тутъ-же приказалъ схватить и связать Фераджи.

Сузи въ первый моментъ какъ будто недоумѣвалъ, но видя, что господинъ его не шутитъ, приготовился исполнить его приказаніе.

Фераджи стоялъ на порогѣ одной изъ тростниковыхъ хижинъ и видѣлъ, что Сузи и Инкази идутъ къ нему, а Симба слѣдуетъ за ними въ нѣкоторомъ разстояніи. Какое-то безотчетное чувство овладѣло имъ, но онъ все таки не сдвинулся съ мѣста.

— Пусть только спросятъ!—думалъ онъ.

Но они ничего не спросили у него, только рука Сузи грузно опустилась на его плечо и въ тотъ-же моментъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сообразить что-либо, Инкази точно желѣзными тисками стянулъ ему руки. Дикій, отчаянный крикъ вырвался изъ груди Фераджи. Началась отчаянная борьба, но длилась всего одну минуту, а затѣмъ Фераджи безсильно скрежеталъ зубами, лежа связанный на землѣ, и обводилъ кругомъ дикимъ блуждающимъ взглядомъ, полнымъ невыразимой ненависти. Надъ нимъ стоялъ Симба и говорилъ самымъ спокойнымъ голосомъ:

— Теперь ты связанъ и останешься связаннымъ до тѣхъ поръ, пока я не переговорю съ другомъ твоимъ Солиманомъ.

Фераджи издалъ стонъ, но ни одного слова не промолвили его дрожащія губы. Затѣмъ, согласно приказанію Симбы, его подняли на руки и снесли въ хижину, въ которой спалъ Инкази.

Негры, которые еще не ложились и были свидѣтелями

этой сцены, въ большомъ волненіи сбѣжались посмотрѣть, что будетъ дальше, но вскорѣ успокоились.

— Это воръ, онъ обокралъ Симбу!—слышался общій голосъ, и затѣмъ всѣ перестали интересоваться имъ.

Но одного друга Фераджи все же имѣлъ среди экспедиціонныхъ негровъ. Этотъ негръ, по имени Мобруки, мрачно смотрѣлъ, какъ связывали Фераджи, а теперь такъ-же сумрачно расхаживалъ взадъ и впередъ передъ своей палаткой и, сжимая кулаки, бормоталъ себѣ подъ-носъ:

— Вѣдь, еще не все кончено, Симба, и дорогу къ старому Солиману я найду не хуже Фераджи!..

Опять любопытные солнечные лучи заглядывали въ щели и скважины тростниковой стѣнки хижины, въ которой лежалъ названный братъ Мудимы. Но на этотъ разъ подкрѣпляющій освѣжительный сонъ не смыкалъ усталыя вѣжды Симбы. Разныя невеселыя думы и заботы не давали ему заснуть, и даже свѣтлый день не могъ разсѣять ихъ.

Въ Удшидши, къ Лео, неслись теперь всѣ его мысли. Бѣдняга ждалъ тамъ отъ него помощи и спасенія и Симба рѣшилъ немедленно отправиться въ Удшидши, чтобы поспѣть туда раньше, чѣмъ Солиманъ, благодаря какой-нибудь случайности, успѣетъ узнать о томъ, что Фераджи разоблаченъ.

Принявъ это рѣшеніе, Симба вскочилъ съ постели, чтобы сейчасъ переговорить со своими друзьями о своемъ отъѣздѣ.

VI. Островъ озернаго духа.

Въ путь въ Удшидши.—Утренняя молитва.—Банкиры „чернаго материка".—Островъ Муциму.—Добрый геній преслѣдуемыхъ.—Тихая молитва.—Жертва.—Чортъ и его жена.—Примиреніе.—Ранняя трапеза.—Кладбище невольниковъ въ Удшидши.—Въ домѣ Солимана.—Бѣгство Лео.—Угрозы Солимана.—Сокровища.

На слѣдующій день,—это былъ четвертый, съ того момента, какъ мы познакомились съ Симбой на берегу Танганайки, — нашъ герой всталъ очень рано по утру. „Сегодня

послѣдній день октября", — прошепталъ онъ про себя, — „скоро наступитъ и мафика, дождливое время года, съ его ливнями, грозами и зарницами. Пора уже мнѣ избрать подходящее мѣсто для постройки тэмбе. Конечно, сегодня и въ слѣдующія за симъ дни, мнѣ этого не сдѣлать, мнѣ необходимо немедленно отправиться въ Удшидши и повидать Лео.

Съ нимъ-ли здѣсь, на берегахъ Танганайки, его вѣрная Зюлейка, или жестокій рабовладѣлецъ расторгнулъ эту семью? Что-то подѣлываетъ теперь тотъ маленькій парнишка, котораго я спасъ отъ смерти? Сколько то теперь можетъ быть лѣтъ сыну Зюлейки? Лѣтъ четырнадцать или пятнадцать! Какимъ, однако, я сталъ любопытнымъ; вѣдь, рѣчь идетъ о простыхъ неграхъ! Да, но эти люди когда-то служили мнѣ вѣрой и правдой и никогда не забывали Бѣлой Бороды—Нѣжнаго Сердца. Я слышу твой призывъ, дорогой Лео, и спѣшу откупить тебя изъ тяжкой неволи. Ты снова будешь бродить со мной по лугамъ и лѣсамъ, по горамъ и доламъ, и право, природа здѣсь прекраснѣй и богаче, чѣмъ тамъ, на твоей дальней родинѣ, въ странѣ Бори или Динка, ставшей твоей второю родиной. Но, что я медлю? Скорѣе въ путь! Одного дня пути, полагаю, будетъ достаточно, чтобы добраться до Удшидши. Вѣдь, мы—гребцы отмѣнные, — и тогда, другъ, ты поразскажешь мнѣ о своихъ радостяхъ и горестяхъ!

Съ этими словами Симба вышелъ за порогъ своей хижины. Тамъ, на дворѣ, Инкази уже ожидалъ его; за спиной у него была котомка съ съѣстными припасами, а въ рукѣ грозное копье.

— Мы ужъ позавтракаемъ въ лодкѣ,—сказалъ онъ, указывая на свою котомку,—сейчасъ, вѣдь, еще слишкомъ рано! Къ тому же, отправляясь въ дальній путь, мы никогда не должны кушать раньше, чѣмъ принесемъ обычную въ этихъ случаяхъ жертву Муциму. Съ восходомъ солнца мы будемъ на его островѣ.

Симба усмѣхнулся. Какъ богата была эта страна богами и

духами! Въ каждомъ лѣсу водились лѣсные духи, или лѣшіе, на каждой горѣ обитали горные духи, во всѣхъ рѣкахъ и озерахъ имѣлись свои водяные, или духи рѣки и духи озера. Множество холмовъ, острововъ, пригорковъ и ущелій были посвящены этимъ духомъ и избраны ими въ качествѣ излюбленныхъ мѣстъ пребыванія. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали другъ другу негры на берегу Танганайки и не только они, а даже и арабы научились вѣрить въ духовъ озера, и многіе изъ нихъ увѣряли, что явственно слышали голоса этихъ духовъ. Даже и Симбѣ казалось теперь, что онъ слышитъ ихъ голоса въ то время, когда онъ, вмѣстѣ съ Инкази, спускался съ горы. Шумъ прибоя торжественно раздавался по лѣсу, доносясь снизу могучими, мѣрными раскатами. Симба мысленно творилъ свою утреннюю молитву, видя повсюду проявленіе премудраго, всемогущаго Божества, Творца этой природы и всей обширной вселенной.

Инкази, шедшій впереди, вдругъ остановился.

— Послушай, Симба, вѣдь ты ѣдешь въ Удшидши, чтобы откупить тамъ отъ Солимана твоего друга, но у тебя нѣтъ при себѣ товаровъ. Чѣмъ-же ты заплатишь Солиману? Ужъ не забылъ-ли ты захватить ихъ второпяхъ?

— Не безпокойся объ этомъ, Инкази,—отвѣтилъ улыбаясь Симба,—въ Удшидши, — я могу получить у арабовъ столько всякаго товара, что могу откупить не одного, а сотни и больше невольниковъ!

Инкази успокоился, но тѣмъ не менѣе никакъ не могъ понять, почему арабы должны были доставить ему сукно, бусы и жемчугъ. бѣдный негръ полагалъ, что Симба держалъ при себѣ все свое имущество.

Этотъ простой рыбакъ съ озера Танганайки не былъ еще посвященъ въ тайны торговыхъ и финансовыхъ оборотовъ восточной Африки.

Симба ничуть не хвасталъ. Дѣйствительно, арабы, начиная съ Занзибара, искрещивающіе во всѣхъ направленіяхъ всю восточную Африку, являются своего рода банкирами, которые по рекомендаціи отъ ихъ дѣловыхъ пріятелей, снаб-

жаютъ путешественниковъ всѣмъ необходимымъ. Симба также имѣлъ не мало такихъ рекомендательныхъ писемъ, иначе говоря, векселей, какъ разъ на Удшидши, являвшемся важнѣйшемъ торговымъ центромъ на берегу Танганайки. Между этими рекомендаціями были и такія, которыя относились къ самому вліятельному изъ мѣстныхъ арабовъ, игравшему роль вождя, или главаря, и черезъ него, онъ надѣялся безъ труда заставить Солимана уступить ему Лео.

Густой туманъ заволакивалъ озеро Танганайку, когда наши пріятели пустились въ путь. Но фарватеръ его былъ такъ хорошо знакомъ Инкази, что тотъ безъ малѣйшаго затрудненія быстро гналъ впередъ свою маленькую лодочку изъ древесной коры, легкую и ходкую, какъ перышко, которая, вскорѣ выйдя изъ залива Лувулунгу, очутилась въ открытомъ озерѣ. Теперь Инкази установилъ и поднялъ небольшой парусъ, и крошечное судно, гонимое попутнымъ вѣтромъ, быстро понеслось по волнамъ родного озера.

Солнце начинало всходить и, мало-по-малу, разгонять туманъ; тамъ и сямъ этотъ млечный покровъ какъ-бы разрывался, и глазъ могъ обнять все большій и большій горизонтъ этой, казалось, безпредѣльной водяной поверхности. Вдругъ налетѣлъ рѣзкій порывъ вѣтра, разомъ разорвалъ туманъ, согналъ его въ громадные клубы и въ нѣсколько минутъ, точно по колдовству, на глазахъ Симбы совершилось чудо.

По обѣ стороны челнока, справа и слѣва, точно высокій бѣлый валъ, клубился густой туманъ, а посреди, между этими двумя бѣлыми стѣнами, открывалась широкая, совершенно открытая полоса воды и надъ ней ясное голубое небо, точно большая столбовая дорога, ярко освѣщенная солнцемъ.

Вода на всемъ протяженіи этого открытаго пути сверкала и искрилась подъ лучами солнца, точно затканная серебряными нитями. Эта прямая, какъ струна, широкая дорога, тянулась далеко, далеко и, наконецъ, глазъ останавливался на цвѣтущемъ зеленомъ островкѣ, кругомъ поросшимъ зелеными тростниками, украшенномъ тѣнистыми деревьями, цвѣтущими кустами. Точно заколдованный замокъ, построен-

ный изъ свѣжей живой зелени, выплывалъ изъ сверкающей воды этотъ зеленый островъ. Густая сѣть прибрежныхъ тростниковъ, точно рѣшетка, окружала со всѣхъ сторонъ зеленый замокъ, клумбы кустовъ въ цвѣту обступали, какъ перестиль или пристройки, главный корпусъ его, который состоялъ изъ густолиственныхъ пальмъ и акацій, тогда какъ два громадныхъ хлопковыхъ куста, по правую и по лѣвую сторону, стояли, точно двѣ сторожевыя башни.

Симба не могъ оторвать глазъ отъ этой дивной картины, залитой первыми лучами восходящаго солнца, а Инкази, указавъ весломъ на островъ, сказалъ:

— Это островъ Муциму! Онъ одинъ обитаетъ на немъ. Ни одинъ человѣкъ не смѣетъ поселиться на немъ, или построить тамъ свою хижину, даже рвать цвѣты или охотиться на звѣрей. Здѣсь вѣчно долженъ царить миръ и тишина, такова воля Муциму. Но Муциму бываетъ доволенъ, когда Вавенди пристаютъ къ его острову и сходятъ на берегъ, чтобы принести жертву могучему, кинуть горсть бусъ въ озеро, и горсть хлѣбныхъ крошекъ въ воду для его рыбъ.

— Тогда просвѣтляется его ликъ и небо остается яснымъ и свѣтлымъ; не гремитъ гроза, не реветъ буря, — и озеро остается спокойнымъ, такъ что плавецъ смѣло можетъ разсчитывать на счастливое плаваніе. Но всякій, кто сходитъ на островъ, даже для принесенія жертвы, не долженъ оставаться на немъ долѣе, чѣмъ это необходимо! Только потерпѣвшій кораблекрушеніе, или преслѣдуемый людьми человѣкъ, можетъ укрыться на этомъ островѣ, и Муциму охотно приметъ несчастнаго подъ свое покровительство: Муциму такъ-же милостивъ въ своей добротѣ, какъ страшенъ въ своемъ гнѣвѣ. Онъ сжаливается надъ бѣдными людьми и для голодныхъ убиваетъ жирнаго буйвола, посылая иногда подвластныхъ ему духовъ въ деревни и села, чтобы они навели бѣдныхъ Вавенди на слѣдъ дичи.

Онъ ненавидитъ лѣсныхъ разбойниковъ, воровъ и Ругаруга, и ставитъ имъ повсюду сѣти и ловушки; выманиваетъ

ихъ на ровную, спокойную, какъ зеркало, поверхность озера и затѣмъ нахлестываетъ рѣзкимъ вѣтромъ сердитыя волны, которыя съ ревомъ и смѣхомъ поглощаютъ ихъ челноки.

— Но коренныхъ обитателей страны, Вавенди, онъ любитъ и хранитъ любовь къ намъ въ своемъ сердцѣ, и намъ нечего опасаться его, если только мы сами не забываемъ о немъ!

— Видишь, Симба, Муциму уже знаетъ, что мы направляемся къ его острову, чтобы принести ему жертву, потому что онъ улыбается и ликъ его привѣтливо обращенъ на насъ; туманъ разсѣивается и безоблачное, голубое небо привѣтливо глядитъ на насъ; Муциму сулитъ намъ благополучный путь.

Торжественно звучали эти слова Инкази и даже Симба съ благоговѣніемъ ступилъ на этотъ священный островъ.

Инкази всыпалъ въ озеро горсть бусъ и хлѣбныхъ крошекъ, затѣмъ, доставъ изъ своей котомки сушеную рыбу и домашній хлѣбъ, снесъ эти яства съ благоговѣйнымъ видомъ подъ одно большое развѣсистое дерево, стоявшее среди зеленой лужайки, невдалекѣ отъ берега. У подножья этого дерева онъ сложилъ свое приношеніе, набожно шепча какія то слова, которыхъ Симба, конечно, не понялъ. Вѣроятно, дерево это считалось священнымъ и слыло за обиталище какого-то добраго духа.

Симба терпѣливо ждалъ, когда Инкази исполнитъ свой несложный религіозный обрядъ.

Онъ не сорвалъ ни одного цвѣточка; привычный глазъ охотника не искалъ слѣда дичи; даже на самую траву нога его ступала осторожно, чтобы не затоптать ни одного растенія, даже и сорнаго, въ саду милостиваго и вмѣстѣ грознаго духа озера. Въ полномъ безмолвіи онъ и Инкази вернулись къ своей лодкѣ и по окончаніи жертвоприношенія покинули Священный островъ.

Только тогда, когда они отъѣхали шаговъ на тысячу отъ острова, Симба рѣшился обратиться къ Инкази со слѣдующими словами:

— Ну, вотъ, жертва принесена, Богъ твой умилостивленъ, вѣтеръ для насъ благопріятный, и теперь я полагаю, что мы къ вечеру благополучно достигнемъ Удшидши!

— Ну, это еще неизвѣстно, — сказалъ Инкази, — мы умилостивили только Муциму, но намъ слѣдуетъ еще умилостивить черта и его жену!

Бѣлая Борода недоумѣвалъ: вѣдь, это было настоящее сказочное путешествіе, точно изъ „Тысячи и одной ночи". И если такъ должно было продолжаться и далѣе, то едва-ли имъ удастся добраться до захода солнца въ Удшидши. Его утѣшало только одно, что эти церемоніи жертвоприношеній были весьма не сложны и не продолжительны, и, вѣроятно, чорту и его женѣ не придется приносить болѣе продолжительной жертвы, чѣмъ Муциму, величайшему изъ духовъ озера, которому всѣ остальные были подвластны.

Симба хотѣлъ было обратиться къ Инкази съ нѣсколькими шутливыми вопросами относительно дьявольской четы, но лицо юноши, который теперь опять готовился пристать къ берегу было такъ серьезно, такъ торжественно, что онъ невольно удержался отъ вопроса и промолчалъ. Между тѣмъ челнокъ приближался къ совершенно отвѣсной стѣнѣ громадной скалы, словно колдовствомъ выросшей прямо изъ воды; вокругъ этой скалы озеро было особенно бурливо и волны ударялись въ нее съ шумомъ и плескомъ.

— Здѣсь обитаетъ чортъ и его жена! — сказалъ Инкази, указывая на отвѣсную скалу.

Симба утвердительно кивнулъ головою. „Пусть себѣ Инкази самъ справляется, какъ знаетъ, со своими чертями", — мысленно рѣшилъ онъ, остерегаясь оскорбить какимъ нибудь необдуманнымъ словомъ черта и его супругу, зная, что Инкази долго не проститъ ему этого.

Но вотъ, челнокъ остановился вблизи прибоя. Инкази положилъ на весло нѣсколько бисеринъ, муки и одну сушеную рыбку и, опустившись на одно колѣно, протянулъ далеко впередъ это весло, громко воскликнувъ: „О, чортъ! дай

намъ тихія воды на озерѣ! дай намъ мало вѣтра, дай намъ мало дождя! Пусть нашъ челнокъ идетъ легко и быстро“!

Произнося эти слова, онъ опустилъ въ воду весло съ своими приношеніями и затѣмъ сталъ прислушиваться. Симба машинально послѣдовалъ его примѣру. Вдругъ произошло нѣчто такое, отчего лицо Инкази озарилось внезапной радостью, а Симбу повергло въ сильное удивленіе и недоумѣніе. Среди шума волнъ и плеска могучаго прибоя послышался какой-то странный голосъ, произнесшій нѣсколько незнакомыхъ словъ. То было своеобразное эхо, которое Инкази, очевидно, принялъ за отвѣтъ дьявола. И не мудрено, потому что даже Симбѣ показалось въ первый моментъ, что тамъ, въ скалѣ, запрятался какой-то человѣкъ и отвѣчаетъ глухимъ голосомъ на слова Инкази.

Между тѣмъ послѣдній снова направилъ свой челнокъ въ открытое озеро и еще нѣкоторое время молчалъ. Симба начиналъ терять терпѣніе, у него стало уже бурчать въ желудкѣ; свѣжій утренній воздухъ развивалъ аппетитъ. Поэтому, указавъ на кошель съ съѣстными припасами, онъ сказалъ:

— Теперь мы уже принесли жертву Муциму и подарили женѣ черта бусы и накормили самаго чорта. Не пора-ли подумать о себѣ и позавтракать?

Инкази весело кивнулъ головой и принялся доставать припасы изъ своей котомки.

— Вѣдь, онъ намъ отвѣтилъ! — сказалъ Инкази многозначительно и при этомъ откусилъ кусокъ сушеной рыбы.

Симба ничего не сказалъ и принялся ѣсть, не ожидая приглашеній.

Очевидно, что Муциму и супруга черта охраняли нашихъ путешественниковъ во время ихъ пути. Солнце только что начало склоняться къ закату, когда они очутились ввиду Удшидши.

— Теперь уже не далеко отъ Коршунова мѣста! — сказалъ Инказии указалъ рукой на песчаное мѣсто, гдѣ Симба дѣйствительно увидѣлъ кучу коршуновъ или ястребовъ.

*

— Что-же это за мѣсто?—спросилъ онъ,—я его почему-то не замѣтилъ, когда плылъ изъ Удшидши къ вамъ, въ заливъ Лувулунгу.

— Можетъ быть, тогда коршунамъ не было здѣсь работы,—отвѣчалъ Инкази,—это мѣсто отведено для успокоенія негровъ невольниковъ, когда сердце ихъ перестанетъ биться. Но, какъ ты видишь, они и здѣсь не покоятся. Коршуны съѣдаютъ ихъ тѣла, а солнце бѣлитъ только остовъ! Смотри, сюда легко можетъ попасть и твой Лео, Симба, если Солиманъ найдетъ нужнымъ избить его до смерти!

Теперь только Симба понялъ, въ чемъ дѣло. Между тѣмъ ихъ челнокъ съ быстротою птицы летѣлъ прямо къ тому мѣсту которое носило названіе невольничьяго кладбища Удшидши. Все яснѣе и яснѣе выдѣлялись всѣ мельчайшія подробности этого печальнаго мѣста.

На этомъ кладбищѣ не было ни одного могильнаго холма, ни одного креста, какъ у насъ, ни могильной плиты, ни кипарисовъ, какъ это водится у магометанъ; вѣдь, это было мѣсто погребенія невольниковъ, а невольники, по воззрѣнію арабовъ,—не люди!

Покойниковъ невольниковъ безъ всякихъ хлопотъ вывозили за городъ и бросали на песокъ, а коршуны и гіены, зная прекрасно это мѣсто, постоянно являлись сюда и исполняли обязанности могильщиковъ, справляя въ тоже время и поминки по усопшимъ. Симба невольно содрогнулся и почувствовалъ нѣкоторое облегченіе лишь тогда, когда заходившее въ этотъ моментъ солнце разомъ скрылось и быстро спустившаяся на землю темнота закрыла отъ него эту отвратительную картину. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда, наконецъ, это кладбище осталось далеко позади.

Таково было первое привѣтствіе Удшидши, этой торговой метрополіи Танганайки и резиденціи богатыхъ арабовъ, торговцевъ живымъ товаромъ, которые со своими ловцами невольниковъ держали въ своихъ рукахъ всю Африку и наводили страхъ и ужасъ на всю страну, совершая повсюду вопіющія злодѣянія. Симбѣ вспомнилось, сколько

крови пролито было и сколько ея еще проливается каждый разъ при ловлѣ невольниковъ. Кажется, этой кровью можно было-бы окрасить всю Танганайку! И въ рукахъ одного изъ такихъ извергов, одного изъ самыхъ жестокихъ ловцовъ невольниковъ, находится теперь и его Лео!

Подъ вліяніемъ этой мысли съ необычайной поспѣшностью выскочилъ онъ изъ лодки, когда та, наконецъ, причалила къ одной изъ пристаней гавани Удшидши. Освѣдомившись у перваго встрѣчнаго о жилищѣ Солимана, онъ торопливымъ шагомъ направился туда.

Инкази послѣдовалъ за нимъ, неся за спиною свою котомку; что-же касается челнока, то негръ зналъ, что въ гавани никто не можетъ украсть его.

Въ душѣ онъ очень удивлялся, что Симба не нашелъ сказать ему ни одного слова благодарности за тотъ по истинѣ диковинный подвигъ, какой сегодня совершилъ для него! Такъ быстро онъ еще ни разу въ жизни не поспѣвалъ въ Удшидши. Пусть-ка бѣлый поищетъ другого такого гребца, который доставилъ бы его такъ быстро изъ бухты Лувулунгу сюда!

Такихъ гребцовъ пришлось-бы долго поискать, потому что такую мастерскую штуку не всякій способенъ продѣлать.

Домъ, въ которомъ жилъ Солиманъ, подобно всѣмъ другимъ домамъ арабовъ въ Удшидши, былъ грубой массивной мазанкой, имѣвшей со стороны улицы довольно обширную, прохладную веранду.

На этой-то верандѣ находились въ данный моментъ Солиманъ, Османъ и нѣсколько рабовъ невольниковъ. При свѣтѣ небольшой масляной лампы и нѣсколькихъ факеловъ можно было видѣть, что арабы оживленно жестикулировали и находились, повидимому, въ крайне возбужденномъ состояніи.

— Псы! — крикнулъ какъ разъ Солиманъ, — плетью-бы всѣхъ васъ перепороть! Вы плохо его искали, если не съумѣли найти. Завтра я самъ лично выѣду отсюда. Держите „*Змѣю*“ наготовѣ!

Негры поспѣшно удалились, благословляя судьбу за то, что могли уйти съ глазъ своего разгнѣваннаго господина.

Теперь Симба взошелъ на веранду въ сопровожденiи своего вѣрнаго спутника Инкази и подошелъ къ Солиману и его племяннику. Солиманъ былъ положительно пораженъ въ первую минуту, но затѣмъ радостно воскликнулъ:

— Великъ Аллахъ! Онъ привелъ Симбу въ мой домъ! Чего ты желаешь отъ меня и чѣмъ я могу служить тебѣ?— обратился онъ къ гостю.

Симба, не теряя ни минуты, прямо пошелъ къ цѣли своего посѣщенія.

— Я хотѣлъ-бы купить у тебя одного изъ твоихъ рабовъ, Солиманъ,—сказалъ онъ,—именно Лео, котораго знавалъ раньше, и который мнѣ теперь былъ-бы очень нуженъ

— Лео! Этого негодяя Лео?!—гнѣвно воскликнулъ Солиманъ,—не издѣвайся надо мною, Симба! Ты, вѣроятно, уже слышалъ! Вѣдь, всѣ въ Удшидши говорятъ о немъ!

— Какъ могъ я слышать что-либо,—возразилъ Симба,— когда я всего нѣсколько минутъ какъ прибылъ въ Удшидши и прямо съ гавани пришелъ сюда. Скажи мнѣ, что онъ совершилъ такого ужаснаго?

— Такъ ты еще ничего объ этомъ не знаешь?—сказалъ Солиманъ, понемногу успокаиваясь.—Знай-же, что Лео бѣжалъ и мои люди тщетно ищутъ его. Но я долженъ, во что-бы то ни стало, разыскать его и примѣрно наказать этого подлаго раба. И я сдѣлаю это, какъ святъ Богъ! На немъ я покажу страшный примѣръ всѣмъ бѣглецамъ и покараю безъ милости этого негодяя, котораго я подарилъ своимъ довѣрiемъ, сдѣлавъ его своимъ первымъ, старшимъ рабомъ!

— Зачѣмъ ты такъ волнуешься, Солиманъ,—проговорилъ Симба,—мало-ли у тебя рабовъ и невольниковъ? Однимъ больше или однимъ меньше—для тебя все равно! Я помогу тебѣ разыскать его, если ты обѣщаешь мнѣ, что продашь мнѣ, когда онъ отыщется. Назначь сейчасъ-же цѣну и я уплачу тебѣ теперь-же за него. Пусть этотъ бѣглый рабъ будетъ моимъ, а тебѣ не придется и заботиться о немъ!

Солиманъ отступилъ на шагъ назадъ и смѣрилъ Симбу удивленнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ, затѣмъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по верандѣ, очевидно, обдумывая что-то. Лицо его становилось все гнѣвнѣе и злобнѣе, а подъ конецъ онъ разразился громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха, ха! Солиманъ, старый дуракъ: онъ ищетъ Лео здѣсь, въ окрестностяхъ Удшидши, а птичка упорхнула куда дальше! Онъ укрывается въ горахъ Кунгве, но я съумѣю разыскать его и тамъ, и тогда отомщу ему и месть моя будетъ ужасна. За находящагося въ бѣгахъ раба еще никто никогда не предлагалъ ни одного куска ткани! Ты видѣлъ его и знаешь, гдѣ онъ находится, и явился, чтобы спасти его отъ заслуженной кары, купивъ его у меня. Но нѣтъ, ты ошибаешься, Симба! Знай, что я никогда ни за какія сокровища не соглашусь продать тебѣ его; Лео останется у меня и будетъ моихъ рабомъ до тѣхъ поръ, пока не попадетъ на коршуново поле!

Симба мрачно посмотрѣлъ на араба.

— Солиманъ,—сказалъ онъ по прежнему невозмутимо спокойно,—мнѣ чужда всякая ложь, и я смѣю тебя увѣрить именемъ Бога Всемогущаго, что я не знаю, гдѣ теперь скрывается Лео. Я не видѣлъ его ни въ Удшидши, ни на берегахъ Танганайки. Тебя, быть можетъ, удивляетъ, что я принимаю такое участіе въ этомъ человѣкѣ. Но, если хочешь, я скажу тебѣ—почему. Много лѣтъ тому назадъ, на берегахъ далекаго Нила, онъ былъ мнѣ вѣрнымъ, преданнымъ слугой. Я подарилъ ему свободу и обѣщалъ всегда помогать и содѣйствовать ему за то, что онъ въ трудное время не покидалъ меня и дѣлилъ со мной всякое горе, нужду и опасности. Правда, мнѣ представился случай облагодѣтельствовать его, что я, конечно и сдѣлалъ, и Лео не забылъ меня. Когда мой Сузи былъ здѣсь, въ Удшидши, чтобы нанять барку для моихъ товаровъ, онъ случайно встрѣтился съ Лео, и тотъ послалъ мнѣ съ нимъ поклонъ,—поклонъ и ничего болѣе, увѣряю тебя, Солиманъ. И вотъ, я пріѣхалъ сюда,

чтобы повидать его и перекупить, если можно, такъ какъ теперь имѣю надобность въ слугѣ.

— На котораго ты могъ-бы вполнѣ положиться, не такъ-ли?—насмѣшливо добавилъ Солиманъ,—и ты все же хочешь купить его, хотя сейчасъ только слышалъ, что онъ бѣглецъ и ненадежный человѣкъ? Я охотно вѣрю тебѣ, Симба, но для меня это дѣло другого рода, чѣмъ для тебя

— Я владѣю огромнымъ числомъ рабовъ, и только путемъ жестокой строгости могу держать ихъ въ должномъ порядкѣ. Кража и даже убійство въ моихъ глазахъ меньшія преступленія, чѣмъ бѣгство. А ты желаешь, чтобы я оставилъ его безнаказаннымъ! Нѣтъ, это положительно невозможно!

— Великодушіе красить человѣка!—наставительно проговорилъ Симба.

— Да, но и справедливость также краситъ его!—глухо возразилъ Солиманъ.

— А если у него здѣсь жена и ребенокъ? Неужели онъ бросилъ ихъ на произволъ судьбы?—вдругъ спросилъ Симба, хотѣвшій также узнать что-нибудь о судьбѣ Зюлейки и ея сына.

Солиманъ удивленно отступилъ на шагъ.

— Ты, я вижу, интересуешься и всей его семьей!—сказалъ онъ, улыбаясь.—Лео единственный изъ всѣхъ моихъ рабовъ, который не имѣетъ ни жены, ни семьи. Онъ все еще, кажется, тоскуетъ по своей колдуньѣ, на которой былъ женатъ тамъ, въ странѣ Динка.

— Ты ее зналъ?—съ живостью спросилъ Симба,—она была когда-то моей невольницей!

— Ты, можетъ быть, желалъ-бы купить и ее?—сказалъ Солиманъ,—но въ такомъ случаѣ ты обратился не къ тому человѣку, къ кому тебѣ слѣдовало. Зюлейка, такъ зовутъ эту колдунью, предалась дьяволу. Она скрылась тогда-же въ пещерѣ, обитаемой дьяволами и охраняемой змѣями, и съ тѣхъ поръ ее больше не видѣли.

— Ты бывалъ въ Бахръ-эль-Газалѣ, Солиманъ?—перебилъ его Симба.

— Да, я не отрицаю этого,—отвѣтилъ тотъ,—мало того, смѣю тебѣ сказать, что Лео я самъ лично захватилъ тогда!

Въ этотъ моментъ къ Солиману подошелъ Османъ и, отозвавъ его немного въ сторону, шепнулъ.

— Ты выдалъ себя, Солиманъ!

— Не прерывай меня!—досадливо и вмѣстѣ презрительно оборвалъ его старикъ, а затѣмъ продолжалъ, обращаясь къ Симбѣ.

— Да, я захватилъ его, и потому-то онъ мнѣ особенно дорогъ и я не могу и не хочу продать его ни за какія сокровища въ мірѣ!

Симба молчалъ нѣкоторое время, а старикъ между тѣмъ, казалось, все болѣе и болѣе успокаивался.

— Но что-же мы здѣсь стоимъ и говоримъ другъ съ другомъ, точно враги!—вдругъ спохватился Солиманъ,—войди въ мой домъ, покуримъ, выпьемъ кофе и побесѣдуемъ!

Симба послѣдовалъ его приглашенію, а Инкази, не понимавшій ни слова по арабски, отошелъ въ сторону и прислонился къ одному изъ столбовъ веранды.

— Солиманъ,— началъ снова Симба,—знаешь ты пещеру „Злыхъ духовъ" въ странѣ Динка?

— Слышалъ я о ней много, даже видѣлъ и входъ въ нее!—отвѣтилъ тотъ.

— Но ты, конечно, не рѣшился войти въ нее?

— Иншаллахъ!—воскликнулъ арабъ,—конечно!

— А я въ ней былъ!—медленно произнесъ Симба.

— Ты?—спросилъ Солиманъ съ дѣланнымъ удивленіемъ.

— Развѣ ты не слыхалъ въ Бахръ-эль-Газалѣ о Бѣлой Бородѣ—Нѣжномъ Сердцѣ?

— Онъ тамъ живетъ въ сердцахъ и въ памяти всѣхъ!—сказалъ арабъ, на лицѣ котораго виднѣлось напряженіе.

— Онъ сидитъ здѣсь,—передъ тобою!—сказалъ спокойно и просто Симба,—и я могъ-бы многое разсказать тебѣ о той пещерѣ и той странѣ. Ты, вѣрно, знаешь, если былъ въ Бахръ-эль-Газалѣ, что Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце никогда не лжетъ: такъ слушай-же, что я скажу. Ты только

что съ насмѣшкою сказалъ, что не уступишь мнѣ Лео, даже если-бы я предложилъ тебѣ за него всѣ сокровища Удшидши. Здѣсь, конечно, я не могу предложить ихъ тебѣ, но въ Бахръ-эль-Газалѣ я могъ-бы дать тебѣ болѣе того, потому что тамъ я знаю мѣста, гдѣ скрыты громадныя сокровища.

При этихъ словахъ глаза Солимана разгорѣлись отъ алчности; Османъ также придвинулся къ говорящимъ. Извѣстно, что всѣ жители востока—большіе охотники до сказокъ и различныхъ сказочныхъ таинственныхъ разсказовъ со всякой небывальщиной и страхами. Симба сразу замѣтилъ это, но молчалъ.

— Слышалъ и я объ этомъ!—сказалъ немного погодя Солиманъ,—но скажи, почему ты не вырылъ этихъ сокровищъ, если знаешь, гдѣ они зарыты?

— Потому, что тому, кто нашелъ этотъ кладъ, мужественному другу моему, Хассану, онъ стоилъ жизни!—глухо промолвилъ Симба.

— Да, это также правда,—объ этомъ говорятъ всѣ въ Бахръ-эль-Газалѣ!—воскликнулъ Солиманъ, удивленіе котораго возрастало съ каждой минутой.

— Такъ разскажи-же намъ объ этомъ, Симба!—прибавилъ онъ.

— Къ чему?!—отвѣчалъ Симба,—все равно, ни одинъ человѣкъ не рѣшится теперь войти туда. И сейчасъ еще меня пронимаетъ дрожь отъ одного воспоминанія о тѣхъ ужасахъ, которые мнѣ пришлось пережить тамъ!

— Ахъ, разскажи, разскажи намъ!—воскликнулъ теперь, въ свою очередь, и Османъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій разсказа и уже заранѣе предвкушавшій несказанное удовольствіе при мысли о томъ, что онъ сейчасъ услышитъ.

— Теперь ужъ поздно, въ другой разъ когда-нибудь!—улыбаясь уклонился Симба.

— Ахъ, все это сказки!—презрительно воскликнулъ Османъ,—ни одинъ человѣкъ, даже и ты, никогда не видалъ этихъ сокровищъ.

— Къ чему мнѣ лгать?—отвѣтилъ Симба,—что намъ за

польза отъ сокровищъ, зарытыхъ за многія сотни миль отсюда?

— Какъ, что за польза?—воскликнулъ Османъ,—вѣдь, мы вскорѣ опять вернемся въ Бахръ-эль-Газаль!

— И потому ты хочешь, чтобы я указалъ тебѣ мѣсто, гдѣ зарыты эти сокровища?—съ ѣдкой ироніей сказалъ Симба,—Солиманъ не желаетъ даже оказать мнѣ пустой услуги и продать одного раба, а я долженъ вамъ съ перваго слова указать путь къ тому мѣсту, гдѣ вы найдете средство пріобрѣсти сотни рабовъ? Да что намъ торговаться? Вѣдь, рабъ этотъ ужъ не въ твоихъ рукахъ, Солиманъ, или ты все еще надѣешься, что твои люди разыщутъ его въ окрестностяхъ Удшидши?

— Теперь находится на поискахъ еще одинъ отрядъ моихъ людей, они должны вернуться завтра утромъ!—отвѣчалъ старый арабъ, измѣнившій теперь свое мнѣніе о Симбѣ.

— Ну, такъ я зайду къ тебѣ завтра поутру освѣдомиться,—сказалъ Симба, вставая,—а теперь пойду къ другу моему Магомету, гдѣ намѣренъ переночевать! Да умѣритъ Господь твой гнѣвъ и да склонитъ Онъ сердце твое къ добру!—добавилъ онъ, прощаясь.

Оба араба долгое время смотрѣли въ слѣдъ удалявшемуся гостю. Симба и Инкази давно уже успѣли скрыться въ темнотѣ, а Солиманъ и Османъ все еще не обмѣнялись между собой ни словомъ. Наконецъ, младшій заговорилъ первый.

— Продай ты ему этого раба!—сказалъ онъ.

Солиманъ злобно расхохотался.—Болванъ!—воскликнулъ онъ,—теперь-то именно для меня особенно важно вернуть этого негодяя Лео, такъ какъ все, что извѣстно Симбѣ, извѣстно и ему, и я заставлю его во всемъ сознаться. Если оба сообщатъ мнѣ одно и то-же, то мы изъ ихъ сообщеній съумѣемъ извлечь пользу, вернувшись въ Бахръ-эль-Газаль; если-же эти собаки лгутъ, то оба они поплатятся за это жестокой смертью!

VII. Гонка.

Рынокъ въ Удшидши.—Большое портмонэ.—Изъ Тюрингенскаго лѣса къ берегамъ Танганайки. — Приготовленія на берегу. — Носовые платки вмѣсто денегъ.—*„Стрѣла“* и *„Змѣя“*.—Гонка начинается.—Заколдованная тростинка.—Враждебные рыбаки.—Соко, лѣсной человѣкъ.—Вновь у Мудимы.

Гавань Удшидши является въ то-же время и мѣстнымъ рынкомъ и съ самаго ранняго утра здѣсь начинаетъ кипѣть жизнь и оживленіе. Однимъ изъ первыхъ прибылъ сюда въ этотъ день Симба, когда Инкази еще спалъ.

Къ югу отъ рынка, раскинувшагося на пространствѣ приблизительно 2,500 квадратныхъ метровъ, виднѣлись тэмбе арабовъ, обширныя, массивныя мазанки съ плоскими крышами и прохладными выходящими на улицу верандами. Пальмы и дынныя деревья зеленѣли вокругъ этихъ домовъ, гранаты и бананы граціозно склоняли свои вѣтви надъ крышами и стѣнами этихъ жилищъ, въ числѣ которыхъ стояло и тэмбе Солимана. Съ рынка тэмбе его было прекрасно видно, и Симба могъ прослѣдить съ рыночной площади возвращеніе отряда, высланнаго на поиски Лео. Весь берегъ былъ занятъ арабскими судами. Здѣсь были и торговыя, и военныя суда, въ числѣ ихъ находился и *„Лѣнтяй“* шейха Абдуллаха, большое, громоздкое, неуклюжее судно, имѣвшее до пятнадцати метровъ въ длину, около трехъ въ ширину и не болѣе полутора въ глубину. Это было, если можно такъ выразиться, козырное судно Танганайки; оно имѣло на передовой части нѣчто въ родѣ маленькаго укрѣпленія, производившаго на туземцевъ впечатлѣніе настоящей плавучей крѣпости и внушавшаго имъ большое уваженіе, не чуждое извѣстной доли чувства страха.

Большинство этихъ арабскихъ судовъ было крайне неуклюже и, безъ сомнѣнія, парусность ихъ не могла считаться отличной. Только одна „Змѣя“ съ перваго-же взгляда производила впечатлѣніе легкаго быстроходнаго судна. Это былъ настоящій крейсеръ озера Танганайки. „Змѣя“ счита-

лась самымъ ходкимъ судномъ, не имѣвшимъ себѣ соперниковъ въ этихъ водахъ, но Инкази увѣрялъ, будто онъ на своемъ маленькомъ челнокѣ изъ коры можетъ обойти любую парусную яхту, въ томъ числѣ и „Змѣю“, хотя до сихъ поръ ему не представлялось случая къ такого рода гонкѣ.

Между тѣмъ рынокъ начиналъ, мало-по-малу, оживляться. Картина становилась все пестрѣе и разнообразнѣе. Начинали прибывать поселяне и торговцы изъ окрестныхъ селеній съ бобами, пшеномъ и кафрскимъ зерномъ. Въ большихъ горшкахъ и чанахъ стояло вывезенное на продажу пальмовое вино и медъ изъ Укарангскихъ лѣсовъ; вездѣ виднѣлись груды всевозможныхъ плодовъ, банановъ, дынь огурцовъ, хлѣбныхъ плодовъ и сахарнаго тросника. Прибывали сюда также одни за другими жители Увира съ издали слышнымъ лязгомъ и звономъ своихъ желѣзныхъ издѣлій, браслетъ и колецъ для щиколодокъ ногъ, и проволоки всѣхъ сортовъ. Тутъ-же мычали быки, блеяли козы и овцы, и клохтали куры...

За ними явились и покупатели съ большими „портмонэ“, представлявшими не малый грузъ, такъ какъ здѣшняя ходячая монета состояла изъ кусковъ синяго и бѣлаго холста англійскихъ фабрикъ, клѣтчатыхъ тканей и стеклянныхъ бусъ *Софи*, напоминающихъ тоненькія стеклянныя дудочки длиною въ полъ-дюйма, сливая въ одно безпредѣльное море торговыхъ сношеній глубину Тюрингенскихъ лѣсовъ съ прибрежьемъ Танганайки.

Теперь уже повсюду шелъ оживленный торгъ и устанавливались цѣны на товаръ. За козу давали два метра полотна, за десять литровъ пальмоваго вина—два метра, за мѣру маиса—одинъ метръ и т. д. Въ другомъ углу площади уплачивались болѣе высокія цѣны. Тамъ былъ товаръ другого рада: торговали живымъ товаромъ, живыми людьми. За молодую дѣвушку, почти ребенка, просили восемьдесятъ метровъ холста, за другую, болѣе взрослую, полтораста; за мальчика-невольника десяти лѣтъ предлагали пятнадцать метровъ, за старика пятидесяти лѣтъ—только десять мет-

ровъ. Таковы были въ этотъ день цѣны на этомъ африканскомъ рынкѣ.

Но Симба не обращалъ вниманія на кипѣвшую кругомъ него жизнь и суету; онъ поминутно поглядывалъ по направленію тэмбе Солимана, поджидая возвращенія людей высланныхъ на поиски. „Куда-бы могъ бѣжать Лео“?—размышлялъ онъ.—Конечно, только къ нему, въ горы Кунгве, а ближній путь туда велъ по озеру Танганайкѣ“ и этимъ именно путемъ и ушелъ Лео. У Симбы почва горѣла подъ ногами, ему хотѣлось-бы сейчасъ сѣсть въ свою лодку и отплыть обратно, но ему надо было непремѣнно переговорить еще разъ съ Солиманомъ и убѣдиться окончательно въ томъ, что бѣгство Лео удалось.

Симба окружилъ себя въ глазахъ этихъ арабовъ ореоломъ обладателя тайнами кладовъ, и, зная прекрасно этихъ людей,—сознавалъ, что этимъ вызвалъ въ нихъ большее уваженіе къ себѣ. Этимъ онъ надѣялся, до извѣстной степени, смягчить участь Лео, въ случаѣ, если-бы тотъ опять попалъ въ ихъ руки. Грубые и жесткіе люди были всѣ эти арабскіе торговцы, но чувства алчности и суевѣрія не уступали въ нихъ чувству жестокости, и потому-то Симба и противупоставилъ звѣрской жестокости и злобѣ Солимана его алчность къ наживѣ и его суевѣрный страхъ передъ всѣмъ, что таинственно и непонятно для него.

Правда, между Симбой и Солиманомъ лежалъ еще одинъ огромный камень преткновенія: предполагалось вооруженное нападеніе на Лугери въ самомъ непродолжительномъ времени, и другъ его Могаметъ сообщилъ ему, подъ видомъ строгой тайны, что Солиманъ и Османъ снарядили цѣлый отрядъ и что къ югу отъ Удшидши не долго будутъ царить миръ и тишина.

Но теперь, конечно, объ этомъ не стоило говорить. Нападеніе слѣдовало отразить силою оружія, а не переговорами; въ данный-же моментъ Симба и Солиманъ еще не стояли на враждебной почвѣ другъ противъ друга.

Размышляя такимъ образомъ, Симба окинулъ разсѣян-

нымъ взглядомъ гавань и берегъ и, къ немалому своему удивленію, увидѣлъ, что на „*Змѣѣ*“, готовятся къ поспѣшному отплытію, ставятъ паруса, грузятъ товары и припасы. Инкази, также совершенно готовый къ отъѣзду, сидѣлъ въ своемъ маленькомъ челнокѣ и съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за работой вадшидши, находящихся на службѣ у Солимана и хлопотавшихъ теперь надъ снаряженіемъ „*Змѣи*“ въ далекій путь.

Значитъ, старикъ-то не шутилъ вчера, когда сказалъ, что отправится завтра въ горы Кунгве отыскивать Лео. Къ чему-же иначе это спѣшное приготовленіе къ отъѣзду?

Въ это время на рыночной площади появилась кучка измученныхъ, заморенныхъ негровъ, направлявшаяся къ жилищу Солимана. Очевидно, это были люди, высланные для поимки Лео, и возвращавшіеся съ безплодныхъ поисковъ. Симба послѣдовалъ за ними и, придя къ Солиману, услышалъ изъ его устъ подтвержденіе своего предположенія, а именно, что Лео еще не удалось захватить.

На этотъ разъ Солиманъ казался болѣе спокойнымъ и былъ болѣе предупредителенъ по отношенію къ Симбѣ, чѣмъ вчера.

— Какъ видно, мой невольникъ избралъ путь водою. Я самъ поѣду сейчасъ на югъ и буду разспрашивать о немъ во всѣхъ прибрежныхъ селеніяхъ, а также побываю въ тэмбе Мудимы и тамъ навѣдаюсь о немъ! Кстати, я узналъ, что ты прибылъ сюда въ жалкомъ челнокѣ, и такъ какъ моя „*Змѣя*“, вѣроятно, придетъ гораздо раньше въ заливъ Лувулунгу, то, если хочешь, я съ готовностью предлагаю тебѣ отправиться вмѣстѣ со мной на моей баркѣ!—проговорилъ Солиманъ.

— Весьма благодаренъ тебѣ за твое предложеніе, Солиманъ,—отвѣчалъ Симба,—но я обѣщалъ Инкази, что вернусь съ нимъ, а такъ какъ ты, навѣрное, меня нагонишь, то въ случаѣ, если-бы мой челнокъ дѣйствительно оказался неудобнымъ, я съ большою радостью воспользуюсь твоимъ любезнымъ предложеніемъ. Итакъ, до скораго свиданія!

Онъ съ облегченнымъ сердцемъ распростился съ работорговцемъ и поспѣшилъ въ гавань.

— Инкази,—крикнулъ онъ,—намъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе вернуться!

— Хорошо, Симба,—отвѣтилъ тотъ,—но намъ надо захватить съ собой что-нибудь изъ пищи. Ты, вѣдь, хотѣлъ купить рабовъ, а у тебя нѣтъ даже двухъ, трехъ бусъ, чтобы вымѣнять курицу.

Симба смутился, однако, вспомнилъ, что при немъ есть „деньги", два не бывшихъ еще въ употребленіи носовыхъ платка. Это была самая настоящая африканская мелкая ходячая монета. Доставъ ихъ изъ кармана, онъ передалъ Инкази и сказалъ:

— Думаю, что тебѣ этого хватитъ! Бѣги скорѣе и купи на рынкѣ все, что тебѣ покажется нужнымъ!

Инкази не заставилъ себѣ повторять дважды это приказаніе; въ одну минуту онъ исчезъ и вслѣдъ за тѣмъ почти тотчасъ-же возвратился бѣгомъ къ своему челноку, неся довольно объемистый узелъ съ съѣстными припасами. Спустя всего нѣсколько минутъ маленькій челнокъ изъ древесной коры уже покинулъ гавань Удшидши, весело покачиваясь на волнахъ.

— Инкази,—проговорилъ Симба,—ты видѣлъ, что „*Змѣя*" готовится къ отплытію. Какъ ты думаешь, когда она снимается съ якоря?

— Да она можетъ сняться хоть сейчасъ!—отвѣчалъ негръ.

— Ну, а скажи, кто идетъ шибче—„Змѣя" или-же твой челнокъ?

— Симба, — отвѣтилъ укоризненнымъ тономъ юноша и въ голосѣ его слышалась затаенная обида, — ты даже не спросилъ объ названіи моего челнока,—зовутъ его „Стрѣла", а теперь суди самъ, кто изъ двухъ проворнѣе, „Змѣя" или „Стрѣла"?

— Прекрасно! — воскликнулъ Симба, — знай-же, другъ мой, что Солиманъ сейчасъ направляется въ Лувулунгу. Онъ

полагаетъ, что Лео бѣжалъ туда, да и я самъ того-же мнѣнія, а потому мы должны, во что-бы то ни стало, вернуться прежде него въ нашу бухту!

— Да, онъ намѣревается уѣхать изъ Удшидши, — сказалъ Инкази, — смотри, опи уже отчалили отъ берега. Ну, такъ посмотримъ, Солиманъ, — крикнулъ онъ, привскочивъ въ своемъ челнокѣ,—вѣдь, мы вышли немного впередъ!

— Обойди его, Инкази! — подзадоривалъ его Симба,—я щедро вознагражу тебя!

— Хо! хо! — крикнулъ Инкази, воодушевляясь,—побѣда останется за нами! Посмотри только, сколько онъ народа забралъ съ собой, да и товаръ у него также есть; смотри, они вѣдь слишкомъ нагрузили судно! Съ такимъ-то полнымъ брюхомъ „Змѣѣ“ трудно будетъ быстро плыть! Прекрасно. Намъ необходимо поспѣть раньше Солимана къ Мудимѣ и къ Лугери, потому что Солиманъ ищетъ въ горахъ Кунгве не одного только Лео. Я знаю, онъ хочетъ посѣтить и Муриро, и Индша и ведетъ съ собой всѣхъ своихъ воиновъ. Впередъ! Вѣтеръ для насъ попутный! — И упавъ на колѣни, юноша поднялъ руки къ небу, воскликнувъ молитвенно: „О Муциму, защити землю и народъ Вавенди!

Симба также мысленно творилъ молитву, обращаясь къ Единому Истинному Богу и Творцу всей вселенной. Но Инкази окликнулъ его.

— Налягъ на весла, Симба! Налягъ сильнѣе, намъ нельзя терять даромъ ни одной минуты!

Они уже поравнялись съ печальнымъ кладбищемъ невольниковъ; Удшидши начинала скрываться изъ вида, а „Змѣя“ съ раздутымъ вѣтромъ большимъ парусомъ устремлялась впередъ. Но и „Стрѣла“ быстро неслась по волнамъ, и Инкази поминутно измѣрялъ взглядомъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ „Змѣи“.

— Ну, гонка началась!

Медленно уходилъ изъ глазъ гребцовъ восточный берегъ Танганайки; холмы смѣнялись долинами, долины—холмами.

Прошло около часа времени съ тѣхъ поръ, какъ продол-

жалась эта гонка, когда Инкази со вздохомъ облегченія сказалъ:

— Теперь мы можемъ отдохнуть: „Змѣя“ ни за что не нагонитъ насъ!

Дѣйствительно, разстояніе между двумя судами значительно увеличилось. Теперь даже Симба, славившійся своей необычайной зоркостью, не могъ уже различать отдѣльныхъ фигуръ на дэкѣ „Змѣи“ не вооруженнымъ глазомъ.

— Посмотри-ка, Инкази, эта трубка у меня не простая: она можетъ приблизить къ намъ „Змѣю“,—проговорилъ улыбаясь Симба, передавая своему спутнику бывшую при немъ небольшую зрительную трубу.

Нерѣшительно и какъ-то боязливо приблизилъ ее Инкази къ своему глазу.

— Закрой другой глазъ! — поучалъ его Симба, и послушный Инкази забавно закрылъ его всей ладонью, такъ что Симба невольно громко расхохотался.

— Что-же ты видишь теперь?—спросилъ онъ.

— Воду, кажется... да, это вода!—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, а теперь?—продолжалъ разспрашивать Симба, поправивъ подзорную трубу.

— Все еще воду! — отвѣтилъ молодой негръ, но голосъ его уже звучалъ какъ-то сдавленно и глухо.

— А теперь?

Вмѣсто отвѣта Инкази вдругъ откинулся назадъ такъ внезапно, что „Стрѣла“ покачнулась и чуть было не перевернулась. Закрывъ лицо обѣими руками, молодой негръ воскликнулъ молящимъ, полнымъ ужаса голосомъ:

— Симба, Симба! это злое колдовство! Брось скорѣй въ воду эту гадкую трубу; она приближаетъ къ намъ „Змѣю“!

— Не болтай глупостей,—смѣясь, возразилъ Симба,—эта труба только помогаетъ мнѣ лучше видѣть и различать то, что надо. Я полагалъ, что ты обрадуешься, когда увидишь, что Солиманъ стоитъ на палубѣ и съ поднятымъ хлыстомъ подгоняетъ своихъ вадшидши грести сильнѣе! Онъ понялъ что перегнать насъ не такъ легко!

— Да, я видѣлъ Солимана съ плетью!—сказалъ Инкази, немного успокоившись, — но прошу тебя, Симба, задвинь и убери твою заколдованную трубку; она какая-то страшная, когда такъ блеститъ и отсвѣчиваетъ на солнцѣ!

— Погоди, милый мой Инкази, — отозвался Симба, — прежде всего эта зрительная труба должна сказать мнѣ, сколько человѣкъ воиновъ везетъ съ собой Солиманъ въ горы Кунгве; мнѣ надо сосчитать ихъ!—И, приставивъ къ глазу трубу, онъ продолжалъ медленно говорить,—Османъ тутъ-же съ нимъ... эти черномазые парни съ ружьями, это, очевидно, его солдаты... погоди!... сколько ихъ?... пять, семь... одиннадцать... пятнадцать... семнадцать... ну, около двадцати, никакъ не больше... прекрасно! остальные просто вадшидши, они не сойдутъ на берегъ!—Симба замолчалъ и еще въ продолженіи нѣкотораго времени смотрѣлъ все въ томъ-же направленіи, а затѣмъ, сдвинувъ трубу, сказалъ:

— Да, ихъ человѣкъ двадцать, не болѣе, я не ошибся!

Тѣмъ временемъ Инкази совершенно успокоился, видя, что зрительная труба скрылась въ кожанной сумкѣ Симбы и, немного погодя, сказалъ:

— Съ двадцатью человѣками Солиманъ не начнетъ войны. Вслѣдъ за нимъ прибудутъ еще другіе двадцать человѣкъ.

Между тѣмъ Симба развязалъ узелъ съ припасами и принялся закусывать; его примѣру охотно послѣдовалъ и Инкази.

Подкрѣпившись и отдохнувъ немного, наши гребцы съ новыми силами и новымъ рвеніемъ взялись за весла.

Солнце поднималось все выше и выше, а „Змѣя" становилась все меньше и незамѣтнѣе на дальнемъ горизонтѣ: „Стрѣла" съ честью вышла изъ боя!

Около полудня на „Змѣѣ", очевидно, поняли, что имъ за „Стрѣлой" не угнаться; „Змѣя" стала все больше и больше отставать; вскорѣ отъ нея на горизонтѣ остался только одинъ парусъ, а послѣ полудня и онъ скрылся изъ вида.

*

— Они не сходятъ съ мѣста!—замѣтилъ Инкази,—вѣрно, тамъ случилось какое нибудь несчастіе.

Теперь наши гребцы уже не такъ спѣшили. Инкази приходилось часто держаться поближе къ берегамъ, потому что Симба въ каждомъ рыбачьемъ челнокѣ полагалъ встрѣтить то утлое судно, которое несло по озеру бѣжавшаго отъ Солимана Лео.

При этомъ имъ не разъ приходилось начинать отчаянную погоню за этими встрѣчными челноками, такъ какъ мѣстные рыбаки принимали чужеземца за своего опаснаго врага и, завидѣвъ его, уходили отъ „Стрѣлы", какъ только могли. Но каждый разъ, прежде чѣмъ имъ удавалось скрыться въ густыхъ тростникахъ прибрежья, подзорная трубка Симбы успѣвала доставить ему возможность разглядѣть рыбаковъ; и каждый разъ бѣдный Симба разочарованно опускалъ трубу, такъ какъ тѣ, кого онъ видѣлъ въ лодкѣ, были чужіе люди, а не Лео.

Пришла, однако, и „Стрѣлѣ" очередь бѣжать вмѣсто того, чтобъ гнаться, какъ до тѣхъ поръ, за рыбачьими челноками. Въ окрестностяхъ мыса Кабого выходила въ озеро маленькая флотилія рыбацкихъ челноковъ, числомъ около шести. По приказанію Симбы, Инкази долженъ былъ подойти къ нимъ поближе, чтобы спросить этихъ людей, не видали-ли они въ окрестностяхъ своихъ селеній незнакомаго, пришлаго негра, или не встрѣчали-ли его здѣсь, на озерѣ, держащимъ путь къ горамъ Кунгве. Но рыбаки почему-то возымѣли недовѣріе къ „Стрѣлѣ" и, вѣроятно, предполагали въ тѣхъ, кто въ ней сидѣлъ, ловцовъ невольниковъ и полагали, что имъ не трудно будетъ побѣдить этихъ двоихъ и ограбить ихъ, благодаря тому, что рыбаковъ было много и что всѣ они могли дѣйствовать сообща.

Съ дикими криками и гикомъ собирались они окружить со всѣхъ сторонъ „Стрѣлу", махали копьями и положительно осыпали бѣдный челнокъ цѣлымъ градомъ стрѣлъ.

Въ виду этого съ ними никакъ нельзя было вступить въ переговоры, а приходилось только съ возможной поспѣш-

ностью удаляться. Инкази съумѣлъ ловко увернуться отъ нихъ и, несмотря на всѣ военныя хитрости и уловки рыбаковъ, маленькая „Стрѣла“ вскорѣ опять неслась, подгоняемая попутнымъ вѣтромъ, по волнамъ открытаго озера.

Нападающіе остались далеко позади и напутствовали бѣглецовъ тщетными угрозами, въ которыя и сами, конечно, не вѣрили.

Подъ вечеръ, „Стрѣла“ снова проходила вблизи густо поросшаго лѣсомъ берега, и вдругъ Инкази показалось, что онъ видитъ тамъ, на опушкѣ лѣса, страннаго вида чужеземнаго негра.

— Смотри, Симба,—проговорилъ онъ,—видишь, онъ сидитъ тамъ, притаившись въ кустахъ!

Симба съ лихорадочной поспѣшностью схватилъ свою зрительную трубу и направилъ ее въ указанномъ направленіи.

Инкази, дѣйствительно, былъ правъ; странно выглядѣлъ этотъ „*человѣкъ*“, сидѣвшій на самомъ берегу на суку свѣсившагося надъ водою дерева и любопытнымъ взглядомъ слѣдившій за маленькикъ судномъ. Конечно, онъ былъ весьма мало похожъ на жителей прибрежья Танганайки, хотя и былъ кореннымъ мѣстнымъ жителемъ. Это былъ „*Соко*“, какъ его называютъ туземцы или, иначе говоря, шимпанзе.

Вѣроятно, этому лѣсному человѣку, какъ и Инкази, зрительная труба Симбы тоже показалась страшной, потому что однимъ проворнымъ скачкомъ онъ исчезъ и скрылся въ густолиственныхъ вершинахъ деревьевъ.

Но въ душѣ Симба этотъ *Соко* вызвалъ особенно живое воспоминаніе объ одной охотѣ на этого „лѣсного человѣка“, во время которой Гассанъ ловкимъ выстрѣломъ спасъ жизнь Лео. И уйдя въ свои воспоминанія, Симба молча сидѣлъ въ лодкѣ, погрузившись въ задумчивость.

Ночь уже успѣла совершенно спуститься на землю и на озеро прежде, чѣмъ наши путники достигли „жилища чорта и его супруги“ и острова Муциму. Вслѣдствіе постепенно свѣжѣвшаго вѣтра озеро начинало волноваться и утро на-

чинало брежжить, когда „*Стрѣла*“ вошла, наконецъ, въ заливъ Лувулунгу.

Инкази проѣхалъ немного дальше къ тэмбе Лугери, чтобы предупредить своего зятя о грозившей ему опасности.

Симба же прямо поднялся въ гору къ тэмбе Мудимы.

— Лео здѣсь?—было его первымъ вопросомъ, обращеннымъ къ выбѣжавшему встрѣтить его Сузи.

Тотъ удивленно смотрѣлъ на него.—Лео? Да какъ-же онъ можетъ быть здѣсь?—спросилъ онъ.

Теперь и Симба опустилъ голову. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ Лео найти дорогу къ неприступной твердынѣ Мудимы? Совершенно чужой среди мѣстныхъ племенъ, едва-ли успѣвшій достаточно изучить мѣстный языкъ и нарѣчіе, какъ могъ онъ добраться сюда? Судьба его была почти что рѣшена. Онъ долженъ былъ или умереть въ этой дикой пустынѣ горъ и лѣсовъ, или-же попасть, въ концѣ концовъ, въ руки Солимана.

Цѣлый день вплоть до глубокой ночи просидѣлъ Симба на каменной площадкѣ скалы передъ домомъ Мудимы, но паруса „Змѣи“ и „Стрѣлы“ не появлялись въ водахъ залива Лувулунгу.

Между тѣмъ въ тэмбе все готовились къ военнымъ дѣйствіямъ; въ пылу возбужденія войны Мудима хотѣлъ подвергнуть Фераджи жестокой пыткѣ, такъ какъ теперь заподозрилъ въ немъ измѣнника и предателя. Онъ хотѣлъ выпытать у него какое-то признаніе, но Симба воспротивился этому, и Мудима уважилъ волю своего названнаго брата. Измученный и тѣломъ, и душой рѣшился, наконецъ, Симба кинуться на свою постель, чтобы заснуть. Это была безплодная, мучительная погоня, розыски, не приведшіе ровно ни къ чему. Солиманъ, вѣроятно, поступилъ гораздо разумнѣе; онъ дѣйствовалъ не такъ поспѣшно, но систематически, заходилъ въ каждую деревню и повсюду разспрашивалъ о своемъ бѣглецѣ, вызнавая, не видалъ-ли кто чужеземнаго негра,—и такимъ путемъ онъ, конечно, скорѣе могъ, если не розыскать Лео, то хоть напасть на слѣдъ бѣглеца.

———

VIII. Подъ защитой Муциму.

Арабская Армада.—Салютъ *„Лѣнтяя“*.—Черное знамя.—Солиманъ и Мудима.—Чистосердечно.—Пусть бѣгутъ, Господь съ ними!—Лео подъ защитой Муциму.—Встрѣча на островѣ Муциму.—Преслѣдуемый.—Тихій заливъ и его тайна.—Ибрагимъ и Мабруки.

На слѣдующій день взошедшее солнце освѣтило пеструю картину, полную оживленія, въ заливѣ Лувулунгу.

При самомъ входѣ въ бухту расположилась цѣлая армада арабскихъ судовъ. Дѣйствительно, Солиманъ не сталъ начинать войны, имѣя въ своемъ распоряженіи всего двадцать человѣкъ воиновъ. Въ числѣ его судовъ, кромѣ *„Змѣи“*, былъ и грозный *„Лѣнтяй“*, и еще два небольшихъ судна, на которыхъ прибыло до ста человѣкъ наемныхъ солдатъ или воиновъ. А такія четыре судна да сотня воиновъ являлись для береговъ Танганайки и его мирныхъ рыбаковъ—громадной силой.

Гордо развѣвались на верхушкахъ мачтъ красные вымпелы, а большой красный флагъ (штандартъ) съ золотымъ полумѣсяцемъ красовался на *„Змѣѣ“*.

Симба, стоя на горномъ плато передъ домомъ Мудимы считалъ враговъ. Конечно, твердынѣ Мудимы эта грозная сила не могла нанести вреда, но его страшила участь тэмбе Лугери.

Вдругъ съ палубы *„Лѣнтяя“* блеснулъ огонекъ и затѣмъ показался дымокъ; звукъ выстрѣла изъ маленькой мортиры, единственнаго орудія въ Удшидши, явственно донесся до той высоты, на которой находился Симба.

Собственно говоря, это орудіе было ничто иное, какъ маленькая потѣшная пушка въ родѣ тѣхъ, какія употребляются въ Германіи на праздникахъ стрѣлковъ, для приданія наибольшей торжественности виватамъ и для того только, чтобы производить шумъ. Но здѣсь эта потѣшная пушка носила громкое названіе *„Громобой“*, и съ помощью ея Солиманъ надѣялся навести настоящую панику на туземцевъ.

Но Симба иначе понялъ значенiе этой пальбы; по его мнѣнiю, этотъ страшный выстрѣлъ, повергшiй бѣдныхъ вадшидши на „*Лънтянъ*" въ неописуемый ужасъ, былъ просто салютомъ, а такъ какъ самъ онъ, Симба, не могъ отвѣчать на него отсюда ружейными выстрѣлами, которые не были-бы слышны тамъ, внизу, то онъ распорядился поднять на своей хижинѣ, стоявшей на самомъ краю обрыва, свой собственный флагъ, привезенный имъ изъ Европы,—черный съ изображенiемъ посрединѣ большого золотого льва, которому онъ былъ обязанъ своимъ прозвищемъ—Симба.

Вскорѣ послѣ этого отвѣтнаго сигнала Соламанъ и Османъ въ сопровожденiи человѣкъ тридцати вооруженныхъ негровъ сошли на берегъ и направились къ крѣпости Мудимы.

Однако, послѣднiй безповоротно рѣшилъ не допустить ихъ къ себѣ и поспѣшилъ вмѣстѣ съ Симбой къ тому мѣсту, гдѣ начиналось узкое ущелье, и гдѣ доступъ въ него преграждали естественныя ворота узкаго прохода.

На вершинѣ горной стѣны, какъ по правую, такъ и по лѣвую сторону ущелья, были уже разставлены люди, готовые не только осыпать вторгавшихся противъ воли Мудимы въ его владенiе людей, градомъ стрѣлъ, но и скатить на ихъ головы громадныя каменныя глыбы, нагроможденныя надъ обрывомъ.

Мудима и Симба въ сопровожденiи нѣсколькихъ вооруженныхъ негровъ, остановились посрединѣ ущелья и поджидали своихъ непрошенныхъ гостей. Тѣ вскорѣ вышли изъ лѣса на открытую поляну, разстилавшуюся передъ самымъ входомъ въ ущелье, и вдругъ остановились при видѣ воинственнаго вида Мудимы и Симбы и грозныхъ фигуръ, замѣченныхъ ими на горныхъ высотахъ по обѣ стороны ущелья.

— Насторожѣ и наготовѣ, какъ всегда! — пробормоталъ про себя Солиманъ и затѣмъ крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Мы идемъ къ вамъ съ мирнымъ намѣренiемъ и названный братъ твой Симба можетъ смѣло дозволить намъ войти въ его домъ! Мы не тронемъ волоса съ головы

его, ручаюсь тебѣ въ томъ своей головою, мы хотимъ только говорить съ тобой!

— Мудима охотно приметъ васъ и окажетъ вамъ полное радушіе, если ты и Османъ захотите одни взойти въ гору. Но эту толпу вооруженныхъ негровъ онъ не желаетъ впускать къ себѣ во дворъ!—отвѣчалъ Симба.—И ты не въ правѣ претендовать на то, что Вавенди не довѣряютъ Солиману; вспомни, что въ прежніе годы ты въ этихъ самыхъ долинахъ совершалъ неслыханные ужасы и звѣрства!

— Какъ хотите,—отозвался Солиманъ,—если такъ, то мы оставимъ здѣсь своихъ вѣрныхъ негровъ, и пойдемъ къ вамъ одни.—Идемъ же, Османъ! — обратился онъ къ племяннику,—а вы, ребята, можете идти обратно на берегъ!—добавилъ онъ, обращаясь къ своимъ воинамъ.

Послѣ того Мудима самъ повелъ ихъ въ гору, указывая имъ путь, тогда какъ Симба съ неграми Вавенди составили арьергардъ. Съ нескрываемымъ любопытствомъ разглядывали арабы страшное ущелье и приспособленныя въ немъ средства къ защитѣ и оборонѣ.

— Какъ видишь, Солиманъ, — насмѣшливо замѣтилъ Симба,—это гнѣздо въ скалахъ надежно. Но скажи, удалось тебѣ изловить Лео, и согласенъ-ли ты уступить его мнѣ? Вѣдь, ты сказалъ, что хочешь поговорить со мною!

— Да, но не теперь, не во время пути, а тамъ, на верху, мы поговоримъ о всемъ этомъ!—отвѣчалъ арабъ, при чемъ окинулъ Симбу проницательнымъ, испытующимъ взглядомъ, какъ бы желая угадать, какого рода впечатлѣніе произвели на бѣлаго его слова. Но тщетно отыскивалъ онъ въ лицѣ своего собесѣдника хотя-бы слабый слѣдъ любопытства или тревоги и нетерпѣнія. Лицо того оставалось невозмутимо спокойно, такъ что арабъ невольно пришелъ къ убѣжденію, что Симба, навѣрное, знаетъ, что Лео спасенъ. „Быть можетъ, этотъ бѣглый невольникъ укрывается теперь тамъ, въ этой горной твердынѣ!“—думалось ему.

Молча вошло все маленькое общество во дворъ тэмбе Мудимы, и такъ-же молча всѣ разсѣлись для отдыха.

— Что же ты хотѣлъ сказать мнѣ, Солиманъ?—спросилъ, наконецъ, Симба,—теперь мы сидимъ здѣсь и ничто болѣе не мѣшаетъ намъ говорить о дѣлѣ!

— Будемъ мы откровенны другъ съ другомъ?—спросилъ арабъ.

— Я всегда откровененъ! — отвѣтилъ Симба, — какъ съ друзьями, такъ и съ врагами!

— И я хочу быть откровеннымъ съ тобою, — сказалъ Солиманъ,—я знаю, гдѣ Лео провелъ эту ночь...—при этомъ онъ вдругъ остановился и проницательнымъ взглядомъ впился въ своего собесѣдника, но, хотя сердце Симбы при этомъ судорожно забилось, ни одинъ мускулъ его лица не дрогнулъ и не выдалъ его внутренняго волненія.—Да и ты,—продолжалъ арабъ,—ты тоже это знаешь!

Симба пожалъ плечами.

— Неужели ты это называешь откровенностью, Солиманъ?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Да, такъ подай ты первый примѣръ! — воскликнулъ Солиманъ, постепенно начинавшій волноваться.

Симба смѣрилъ его холоднымъ, строгимъ взглядомъ и сказалъ:

— Что это значитъ, Солиманъ? Ты явился сюда, значитъ, у тебя есть до меня какое-нибудь дѣло,—отчего же не сказать прямо, чего ты отъ меня желаешь? Скажи мнѣ правду,—и я тебѣ отвѣчу тѣмъ же!—проговорилъ Симба. Ему стало ясно, что арабъ не изловилъ еще Лео; быть можетъ, ему удалось напасть только на слѣдъ бѣжавшаго невольника, но, очевидно, онъ снова потерялъ его.

Солиманъ продолжалъ.

— Послушай, Симба, Лео—драгоцѣнный рабъ. Я теперь знаю, почему онъ слылъ самымъ богатымъ негромъ во всей странѣ Динка; онъ зналъ о существованіи тѣхъ сокровищъ слоновой кости, о которыхъ ты разсказывалъ мнѣ, и, по мѣрѣ надобности, бралъ оттуда сколько ему было нужно. Скажи, какъ ты думаешь, успѣлъ онъ овладѣть всѣмъ сокровищемъ?

Симба мысленно улыбнулся; какъ видно, таинственная пещера духовъ имѣла и здѣсь свое магическое вліяніе, и какъ много лѣтъ тому назадъ, она спасла его, такъ точно, казалось, и теперь ей было суждено смягчить участь Лео.

— Какъ ты полагаешь, могъ-ли Лео отважиться проникнуть въ эту заколдованную пещеру?—возразилъ онъ,—ты же долженъ знать негровъ не хуже меня, Солиманъ!

— Значитъ, онъ ничего не знаетъ объ этихъ сокровищахъ слоновой кости?—спросилъ тотъ.

— Мы обѣщали другъ другу откровенность,—проговорилъ Симба,—и я говорю тебѣ, Солиманъ,—онъ ничего не знаетъ!

Оба араба быстро переглянулись съ видомъ полнаго разочарованія.

— Ну, а если я прикажу его пытать,—лукаво спросилъ Солиманъ,—онъ и тогда ничего знать не будетъ?

Тутъ Симба въ раздраженіи вскочилъ на ноги и гнѣвно воскликнулъ:

— Сдѣлай только это и ты совершишь непростительный грѣхъ, потому что подвергнешь пыткѣ человѣка безвиннаго! Клянусь, онъ не знаетъ этого мѣста!

— Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце!—прошепталъ улыбаясь Солиманъ,—такимъ именно мнѣ его и описывали.—Затѣмъ онъ продолжалъ уже вслухъ.—Ты выдалъ себя, Симба, я хотѣлъ только выпытать, не запрятанъ-ли Лео гдѣ-нибудь здѣсь, у тебя, но теперь вижу, что и ты не разыскалъ его, хотя твоя „*Стрѣла*“ и обогнала на много „*Змѣю*“. Теперь я радъ и доволенъ, такъ какъ знаю, что теперь онъ уже не уйдетъ отъ меня. Да, онъ бѣжалъ къ тебѣ, онъ разыскивалъ тебя; его видѣли здѣсь, вблизи залива Лувулунгу, всего въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отсюда. Но онъ не дошелъ до тебя, потому что путь къ твердынѣ Мудимы скрытъ со всѣхъ сторонъ и найти его мудрено. Мои люди зорко охраняютъ и берегъ, и озеро; самъ я не спускаю глазъ съ этихъ мѣстъ, а друзья мои, бандиты Ндэрее, устраи-

ваютъ на него облавы. Они обязаны привести мнѣ его живымъ, такъ какъ Лео—драгоцѣнный невольникъ!

Солиманъ поднялся со своего мѣста и торжествующимъ взглядомъ смѣрилъ Симбу. Но послѣднiй сказалъ все также невозмутимо спокойно:

— Судьба каждаго человѣка въ рукахъ Божiихъ. Кого Онъ захочетъ спасти, того спасетъ, хотя бы тысячи враговъ ополчились на него!

На это Солиманъ только пожалъ плечами и сказалъ:

— Ты говоришь, точно какой-нибудь факиръ, Симба! Благодарю тебя, что ты былъ настолько же откровененъ со мной, какъ и я съ тобой. А теперь мнѣ пора внизъ; намъ предстоитъ еще обыскать долы и горы, но я увѣренъ, что твои друзья, Вавенди, съ радостью выдадутъ мнѣ за пару бусъ этого бѣглаго невольника!—И онъ пошелъ къ воротамъ тэмбе, но вдругъ остановился на полъ-пути и, указавъ на группу негровъ, стоявшихъ по одаль и отличавшихся по одеждѣ своей отъ остальныхъ жителей тэмбе,—спросилъ:

— Это всѣ твои люди, Симба?

Симба сразу понялъ, что Солиманъ не досчитывается Фераджи—и отвѣчалъ спокойно и небрежно:

— Да, они всѣ тутъ на лицо, всѣ до единаго! какъ видишь, толпа рѣдѣетъ, наемные слуги измѣняютъ и бѣгутъ также, какъ невольники.

— О! — воскликнулъ Солиманъ, — если я при случаѣ встрѣчу ихъ на своемъ пути, то прикажу связать и доставить къ тебѣ немедленно!

— Благодарю, но я желаю имѣть у себя людей, которые разъ измѣнили мнѣ; такихъ мнѣ совсѣмъ не надо. Пусть себѣ съ Богомъ бѣгутъ на всѣ четыре стороны!

— Какъ знаешь!—отозвался тотъ.—Я пробуду здѣсь еще нѣсколько дней и, какъ только изловлю своего Лео, возвѣщу тебѣ о томъ пушечнымъ выстрѣломъ. А до тѣхъ поръ, пока я здѣсь, прошу тебя, приходи, когда вздумаешь, на мое судно, и тамъ мы на свободѣ поболтаемъ съ тобой объ Бахръ-эль-Газалѣ.

Вслѣдъ, затѣмъ арабы распрощались, и ихъ проводили внизъ по ущелью вплоть до долины.

Симба-же вошелъ въ свою хижину и зарядилъ свою двухстволку; онъ не могъ болѣе спокойно оставаться здѣсь, на верху, въ то время, когда Солиманъ тамъ, внизу, въ долинахъ устраивалъ облавы на Лео. И онъ не думалъ также какъ и арабы охотиться за нимъ: быть можетъ, онъ случайно наткнется на своего чернокожаго друга. Какъ знать! вѣдь, все можетъ случиться!

Размышляя такимъ образомъ, онъ вышелъ за порогъ своей хижины и собирался крикнуть Сузи, котораго хотѣлъ взять съ собой, какъ къ нему подошелъ Инкази. Молодой негръ былъ, видимо, сильно взволнованъ; онъ порывисто схватилъ руку Симбы и сказалъ:

— Симба, Муциму великъ и могучъ! Не удивляйся тому, что я скажу! Я нашелъ того бѣглеца!

— Лео!—радостно воскликнулъ Симба.—Гдѣ онъ? предупредилъ-ли ты его? Въ надежномъ-ли онъ мѣстѣ?

— Да, онъ подъ надежной защитой, подъ защитой сильнѣйшаго на Танганайкѣ! Никто не посмѣетъ тронуть волоса съ его головы, потому что самъ Муциму охраняетъ его!

— Я не понимаю тебя, Инкази, скажи мнѣ, гдѣ же онъ находиться теперь? далеко отсюда?-- спросилъ немного досадливо Симба, волнуясь еще болѣе отъ темныхъ намековъ Инкази.

— Это настоящее чудо, какъ я нашелъ его! — продолжалъ Инкази.—Сегодня ночью я покинулъ Лугери, предупредивъ его о грозящей всѣмъ намъ, а ему особенно, опасности, и направился къ острову Муциму, которому долженъ былъ принести благодарность за счастливое плаваніе. Я успѣлъ уже давно миновать заливъ Лувулунгу, когда замѣтилъ при тускломъ свѣтѣ луны невдалекѣ отъ меня парусъ. Я подумалъ, конечно, что это суда Солимана, и направилъ свой челнокъ къ западу, разсчитывая такимъ образомъ обойти ихъ, описавъ большой крюкъ. Солнце выслало

уже своимъ предвѣстникомъ утреннюю звѣзду, когда я достигъ острова Муциму. Я присталъ къ священному берегу и, сойдя на островъ, отъ всего сердца принесъ благодарственную жертву Могучему духу озера. Какъ тебѣ извѣстно, мы не смѣемъ оставаться на этомъ островѣ долѣе, чѣмъ необходимо, и я хотѣлъ уже вернуться къ своему челноку, какъ услышалъ за собой легкій шорохъ, напоминавшій звукъ тихихъ шаговъ. Вообрази-же мой испугъ и мое удивленіе, когда я обернувшись увидѣлъ передъ собой совершенно незнакомаго мнѣ человѣка. Что это былъ чужеземецъ,—я увидѣлъ съ перваго-же взгляда; человѣкъ этотъ родился не на берегахъ Танганайка, потому что волосы на головѣ его отливали при свѣтѣ взошедшаго уже солнца совершенно инымъ цвѣтомъ, чѣмъ волосы людей тѣхъ племенъ, которыя живутъ по берегамъ великаго озера. Кромѣ того, и роста онъ былъ громаднаго, и сложенія сильнаго, и голова совсѣмъ иная, чѣмъ у мѣстныхъ туземцевъ. Я даже отскочилъ назадъ, но онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я остался, и я остался, а онъ спросилъ меня такимъ молящимъ голосомъ, который тронулъ меня до глубины души: — „Добрый человѣкъ, не можешь-ли ты мнѣ сказать, гдѣ здѣсь живетъ Симба, бѣлый человѣкъ съ сѣдою головой и бѣлой бородой“?

— Я взглянулъ на него; всякая тѣнь сомнѣнія исчезла изъ моей души, и я воскликнулъ радостно „Такъ это ты! тебя зовутъ Лео“?

Но онъ вмѣсто того, чтобы обрадоваться также, какъ я, отпрянулъ назадъ; я же воскликнулъ снова:

— Да, ты Лео, рабъ Солимана, Лео, котораго мы ищемъ!

Онъ вдругъ бросился бѣжать. И я забывъ, что я нахожусь на священномъ островѣ, пустился догонять его, крича во слѣдъ:

— Да остановись же, вѣдь мы ищемъ тебя! Послушай ты! Куда ты бѣжишь?

Но онъ все продолжалъ бѣжать, пока не достигъ священной рощи, а я, наскучивъ кричать ему въ догонку мои увѣренія, двумя громадными прыжками нагналъ его. Онъ

принялъ оборонительную позу, но было замѣтно, что онъ сильно усталъ и ослабъ, такъ что я безъ труда выбилъ у него изъ рукъ ножъ и отбросилъ его въ сторону. Неужели молодое солнце только что выглянувшее изъ нашихъ горъ должно было увидѣть кровопролитіе?

— Симба — мой другъ, — сказалъ я ему,—а съ проклятымъ Солиманомъ у меня нѣтъ ничего общаго. Съ Симбой вмѣстѣ мы искали тебя въ Удшидши; вѣдь ты же Лео, сознайся!

И онъ сознался. Тутъ только я вспомнилъ, гдѣ я, и объяснилъ ему, какое это священное мѣсто, а потомъ повелъ къ своему челноку. Мы сѣли и отчалили, а выйдя въ открытое озеро, долго и много разговаривали съ нимъ.

Инкази перевелъ духъ, онъ говорилъ такъ быстро и съ такой поспѣшностью, что совершенно запыхался. Симба схватилъ его за обѣ руки и воскликнулъ:

— Инкази, ты—добрый и благородный юноша; не мучь же меня, скажи, гдѣ теперь Лео!

— Въ надежномъ убѣжищѣ, Симба, какъ я уже сказалъ тебѣ! Но дай мнѣ разсказать все по порядку!... И такъ я взялъ Лео къ себѣ, въ свою лодку, и мы долго разговаривали между собой. Сперва мнѣ пришлось много разсказать ему о тебѣ; онъ часто прерывалъ меня, говоря что ты всегда былъ такой, что всегда ненавидѣлъ тѣхъ арабовъ, которые наѣзжаютъ въ негритянскія деревни и селенья, чтобы уничтожить и увести въ рабство несчастныхъ жителей, что всегда и всюду дѣлалъ много добраго.—Онъ разсказалъ мнѣ...

— Ну, да, — прервалъ его Симба, — но, вѣроятно, онъ разсказалъ тебѣ о своей судьбѣ.

— Да, онъ бѣжалъ изъ Удшидши вскорѣ послѣ того, какъ господинъ его, Солиманъ отплылъ со своимъ племянникомъ въ первый разъ на „Змѣѣ“. Онъ бѣжалъ въ маленькомъ челнокѣ прямо къ тебѣ. Путь къ горамъ Кунгве онъ заранѣе подробно разузналъ, но не осмѣливался открыто плыть по Танганайкѣ, опасаясь повстрѣчать Солимана или кого нибудь изъ его друзей. Онъ пробирался все время

вдоль самаго берега, потому, что тутъ всегда могъ укрыться въ камышахъ, а въ крайнемъ случаѣ даже бѣжать въ лѣса, которыми былъ окаймленъ весь берегъ. Только тогда, когда на всемъ необозримомъ пространствѣ озера не виднѣлось нигдѣ ни одного паруса, тогда онъ смѣло перерѣзывалъ бухты и заливы, минуя ихъ на своемъ пути.

Въ ту самую ночь, когда мы вернулись назадъ, онъ также благополучно достигъ нашихъ горъ и мечталъ подъ покровомъ темной ночи поскорѣе добраться до залива Лувулунгу и крѣпости Мудима. Но ты знаешь, Симба, что въ ту ночь озеро стало ходить высоко, и вотъ съ нимъ случилась такого рода бѣда, что волной его противъ воли нагнало на песчаную отмель, о которую ударившись челнокъ его сильно пострадалъ. Съ большимъ трудомъ ему удалось добраться до берега и маленькой рыбацкой деревеньки. Здѣсь Лео за бисеръ и сукно, которые были при немъ, нанялъ себѣ другой челнокъ и на слѣдующій день съ наступленіемъ ночи покинулъ деревню, думая продолжать свой путь. Но едва только онъ успѣлъ оставить за собой эту прибрежную деревню, какъ увидѣлъ не вдалекѣ суда Солимана, при блѣдномъ свѣтѣ луны. Одна изъ его барокъ пристала на его глазахъ къ берегу, и Лео понялъ, что ему грозитъ страшная опасность, что рыбаки, вѣроятно, выдадутъ его Солиману, и потому считалъ единственнымъ спасеніемъ выплыть на средину Танганайка, потому что былъ увѣренъ, что преслѣдователи будутъ искать его вдоль берега. Вдругъ онъ увидѣлъ островъ Муциму, и подумалъ, что тамъ, въ высокихъ тростникахъ, ему легче всего будетъ укрыться; онъ съ полнымъ довѣріемъ сталъ грести къ острову. Видя это, Муциму самъ пришелъ къ нему на помощь. Онъ выслалъ къ нему на встрѣчу громаднаго бегемота, который незамѣтно приблизился къ самому челноку Лео; послѣдній хотѣлъ было отогнать его весломъ, но бегемотъ схватилъ своими могучими челюстями челнокъ, раздробилъ него и подбросилъ высоко вверхъ, такъ что Лео былъ выброшенъ прямо въ волны и, конечно, поспѣшилъ вплавь до-

браться до острова Муцицу. Островъ былъ тутъ-же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— Тутъ онъ былъ уже въ совершенной безопасности и могъ считать себя спасеннымъ, потому что, ты знаешь Симба, всякій, пристававшій къ острову въ моментъ гибели, или вообще спасаясь отъ бѣды, вправѣ придти подъ кровъ Муциму, который принимаетъ всѣхъ преслѣдуемыхъ подъ свою защиту. И вотъ, когда на небѣ заблестѣла утренняя звѣзда, Муциму привелъ и меня на берегъ своего священнаго острова, и я нашелъ того, кого мы съ тобой такъ долго искали!

— Тамъ, подъ охраною могущественнаго духа озера, я и оставилъ Лео, такъ какъ среди бѣлаго дня не рѣшился привезти его сюда. Я зналъ, что суда Солимана будутъ охранять всѣ входы въ бухту, а его солдаты—весь берегъ Лувулунгу, но когда настанетъ ночь, я отправлюсь туда въ своемъ челнокѣ и привезу его. Я бы охотно остался тамъ съ нимъ, но меня неудержимо тянуло къ тебѣ съ радостной вѣстью. Мнѣ хотѣлось сказать тебѣ: „Симба, я его нашелъ"!

Симба стоялъ неподвижно, но глаза его были влажны отъ слезъ, а губы чуть слышно шептали:

— Да, Всемогущій спасаетъ, кого захочетъ спасти, если даже сотни враговъ стараются погубить его!—Затѣмъ горячо обнялъ Инкази и, улыбаясь сквозь слезы, сказалъ. — Ты не долженъ болѣе подвергать себя опасностямъ, Инкази! Я знаю путь къ острову Муциму; найду туда и самъ дорогу, и самъ привезу моего Лео сюда, мимо всѣхъ судовъ Солимана.

Теперь улыбнулся Инкази:

— Я знаю, Симба, что ты смѣлъ и рѣшителенъ,—сказалъ онъ,—но мимо судовъ Солимана ты не долженъ проѣзжать! Подожди только вечера и тогда я тебѣ скажу, какимъ образомъ мы, незамѣченные никѣмъ, можемъ добраться до острова Муциму и вернуться обратно оттуда. Вѣдь, путь не дальній, а ночь темна и длинна!

Несмотря на полученныя имъ свѣдѣнія, Симба все-же отправился съ Сузи на охоту.

Онъ зналъ, что весь лѣсъ кишитъ теперь людьми Солимана, но былъ увѣренъ, что эти люди не посмѣютъ тронуть его. Симба надѣялся направить погоню на ложный слѣдъ.

Люди Солимана получили наказъ обыскать весь лѣсъ вдоль и поперекъ и, конечно, послѣдуютъ по пятамъ за Симбой, полагая, что онъ отыскиваетъ своего Лео.

— Инкази,—сказалъ онъ,—я хочу ввести въ заблужденіе этихъ ищеекъ!

— Ты, вѣдь, знаешь тихую бухту, отдѣленную отъ озера высокой изгородью тростниковъ и представляющую собой скорѣе прудъ, расположенный между горъ, чѣмъ бухту.

— Мы отсюда, съ нашей возвышенной терассы, отлично можемъ видѣть эту живую изгородь. Мнѣ стоило громаднаго труда найти доступъ къ ней, а теперь я хочу пойти туда и сдѣлать видъ, что я тамъ съ кѣмъ-то переговариваюсь. Я готовъ поручиться, что въ послѣ-обѣденное время люди Солимана обыщутъ весь этотъ тихій прудъ.

Но Инкази при этихъ словахъ Симбы проявилъ признаки тревоги и безпокойства.—Нѣтъ, Симба, это не годится,—сказалъ онъ,—къ этимъ тихимъ водамъ нельзя никому указывать дорогу!

— Развѣ они также посвящены Муциму?

— Нѣтъ, не то, но эти тихія воды хранятъ такую важную тайну, о которой извѣстно было до сихъ поръ только отцу моему и мнѣ. Сегодня ночью я сообщу ее и тебѣ, а пока скажу, что оттуда, изъ этой тихой бухты, мы и отправимся сегодня ночью за Лео!

— Аа!—воскликнулъ удивленный Симба,—но какъ мы доберемся незамѣтно туда, въ эту бухту? Вѣдь, внизу повсюду разставлены часовые Солимана, а у насъ нѣтъ крыльевъ, чтобы прямо слетѣть съ высоты нашихъ заоблачныхъ скалъ на воды тихой бухты.

— Послѣ я объясню тебѣ все это,—проговорилъ Инкази.— Тогда ты узнаешь также, какимъ путемъ я подслушалъ Солимана и Фераджи. А теперь мы уже не можемъ болѣе говорить объ этомъ: вонъ и Сузи идетъ!

— Мы возьмемъ съ собой только двоихъ, Сузи,—сказалъ Симба, обращаясь къ своему вѣрному занзибарскому негру.— Мы пойдемъ не далеко; Мабруки стрѣляетъ не дурно: пусть онъ идетъ съ нами.

Вслѣдъ за тѣмъ маленькая группа покинула тэмбе и вскорѣ скрылась въ густомъ лѣсу.

Спустя нѣсколько времени они наткнулись на небольшой отрядъ людей Солимана подъ предводительствомъ полукровнаго араба Ибрагима. Встрѣча была отнюдь не враждебная, а, напротивъ, вполнѣ дружественная. Ибрагимъ почтительно привѣтствовалъ Симбу, и затѣмъ люди его присоединились къ эскорту Симбы, хотя послѣдній былъ не особенно доволенъ этимъ обществомъ. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобы его спутники не отходили, и оставались все время около него, однако, негры Солимана постоянно успѣвали оттѣснять ихъ, а Ибрагимъ пустился даже съ неграми Симбы въ длинный разговоръ, котораго Симба не могъ хорошенько разслышать. Это показалось ему довольно подозрительнымъ, и онъ остановился, поджидая, чтобы его негры поравнялись съ нимъ.

Ибрагимъ, отъ котораго не укрылось безпокойство Симбы, улыбнулся и сказалъ:

— Путь нашъ лежитъ теперь въ другую сторону, господинъ, и намъ нужно съ тобой разстаться!

Симба не замѣтилъ, что арабъ передъ тѣмъ долго разговаривалъ съ Мабруки и теперь обмѣнялся съ нимъ многозначительнымъ взглядомъ, а потому вздохнулъ свободнѣе, когда эти непрошенные спутники, наконецъ, совершенно отстали отъ него, избравъ другое направленіе.

— Это общество мнѣ не совсѣмъ-то было по душѣ, — обратился онъ къ Сузи, — и если-бы наши мясные запасы не истощились, то я сейчасъ-же послѣ встрѣчи съ ними повернулъ обратно! Но я знаю здѣсь одно мѣсто, гдѣ мы безъ труда съумѣемъ уложить одного или двухъ буйволовъ. Намъ надо спѣшить! — и Симба быстрыми шагами пошелъ впередъ въ сопровожденіи Сузи.

Спустя нѣсколько часовъ, когда Симба еще охотился на буйволовъ, а Инкази въ своей хижинкѣ еще крѣпко спалъ послѣ трудовъ минувшей ночи, пара злорадныхъ темныхъ глазъ, выглядывая изъ густыхъ тростниковъ, обрамлявшихъ таинственный прудъ, устремилась вверхъ къ крѣпости Мудимы. То былъ никто иной, какъ метисъ Ибрагимъ, который съ дьявольскимъ злорадствомъ прошепталъ по адресу невидимыхъ враговъ: „Ну, теперь намъ извѣстны ходы и выходы. Спокойной ночи вамъ, орлы и коршуны на горной вершинѣ“.

Вслѣдъ за тѣмъ тростники на берегу едва замѣтно заколыхались, и Ибрагимъ, какъ кошка, проползъ и скрылся. А на берегу тихаго пруда воцарилась снова невозмутимая тишина, лишь изрѣдка нарушаемая крикомъ какой-нибудь птицы.

IX. Потайныя ворота.

Предатель-часовой. — Наконецъ-то, на волѣ! — Подслушиватель. — Тайныя ворота. — Внизъ въ бездну. — Потайная лодка. — Плывущій бѣглецъ. — Удары веселъ. — Во время бѣгства.—Бегемоты-спасители крѣпости. — Безпечные стражи.— Военный совѣтъ.—Западня.—Разбойники приближаются.—Смерть Османа.

Вечеръ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Симба, только что наступилъ. Во дворѣ тэмбе негры занялись сушкой и засоломъ мяса убитыхъ утромъ буйволовъ; другіе стояли на своихъ сторожевыхъ постахъ, въ томъ числѣ и у одного стараго козьяго сарая, примыкавшаго къ хижинкѣ Инкази. У этого сарая стоялъ часовымъ Мабруки, одинъ изъ тѣхъ двухъ негровъ, которые ходили по утру съ Симбой на охоту. На его обязанности лежало сторожить заключеннаго Фераджи.

Съ момента прибытія флота Солимана, по приказу Мудимы, предателя связали особенно крѣпко и стерегли особенно усердно. Онъ никоимъ образомъ не могъ освободиться отъ своихъ узъ; кромѣ того, къ дверямъ сарая постоянно

ставили часоваго. Мабруки, который на этотъ разъ былъ на очереди, считался особенно вѣрнымъ и надежнымъ стражемъ. Прислонясь спиной къ дверямъ сарая, онъ зоркимъ взглядомъ обводилъ кругомъ, желая убѣдиться, что по близости нѣтъ никого.

Симба и Инкази сидѣли передъ домомъ Мудимы, а негры работали въ дальнемъ концѣ двора. Мабруки незамѣтно обернулся лицомъ къ двери и сквозь дверную скважину прошепталъ: „Фераджи"!

— А, это ты, Мабруки!—послышался глухой голосъ изъ сарая.

— Воздухъ чистъ, ничѣмъ сомнительнымъ теперь не пахнетъ, мы можемъ говорить съ тобой. Симба, этотъ дуралей, бралъ меня сегодня съ собой на охоту въ долину! Мнѣ удалось говорить съ людьми Солимана. Они будутъ поджидать насъ сегодня ночью, и мы съумѣемъ уйти отсюда, если ты дѣйствительно знаешь какой-то потайной путь.

— Объ этомъ не заботься! — прошепталъ голосъ Фераджи.—Инкази былъ круглый болванъ, что приказалъ запереть меня въ своей хижинѣ. Мы можемъ уйти въ любой моментъ и совершенно незамѣтно, если только мнѣ удастся прокрасться въ хижину Инкази, и если въ ней не будетъ никого.

— Теперь уже совсѣмъ стемнѣло и хижина пуста!—тихо прошепталъ Мабруки.—Притиснись поближе къ щели двери, чтобы я могъ перерѣзать своимъ ножемъ твои путы.

Спустя немного дверь подалась подъ давленіемъ сильнаго нажима и щель значительно расширилась. Мабруки, не теряя времени, сталъ перерѣзать путы, которыми были связаны руки Фераджи. Это было не такъ легко, но въ концѣ концовъ все же удалось.

— Ну, вотъ,—сказалъ Мабруки,—теперь возьми ножъ и съ остальнымъ управься самъ. Но вдругъ онъ прошепталъ тревожно,—тихо! ложись скорѣй въ свой уголъ и прикинься, будто ты спишь. Симба и Инкази идутъ сюда!

Почти тотчасъ-же изъ сарая послышалось громкое храпѣнье.

Инкази подошелъ къ сараю и отперъ дверь, чтобы заглянуть въ него, но увидѣлъ Фераджи, свернувшагося на землѣ въ самомъ темномъ углу, и храпѣвшаго, что есть мочи.

— Да,—промолвилъ со вздохомъ Мабруки,—ему, собакѣ, лучше, чѣмъ намъ: онъ можетъ спать вволю, а мы здѣсь карауль его, да сторожи!

— Сузи сейчасъ смѣнитъ тебя!—сказалъ Симба и пошелъ вмѣстѣ съ Инкази въ хижину послѣдняго.

Кругомъ вновь воцарилась полнѣйшая тишина. Мабруки тихо кашлянулъ въ щель двери сарая.

— Фераджи!—чуть слышно прошепталъ затѣмъ часовой,—они пошли въ хижину Инкази. Сузи сейчасъ придетъ смѣнить меня.

До слуха Мабруки донеслось глухое проклятіе; въ слѣдующій за тѣмъ моментъ дверь сарая широко распахнулась, и Фераджи свободный стоялъ на порогѣ.

— Фераджи! въ умѣ-ли ты?!—воскликнулъ, обезумѣвъ отъ ужаса Мабруки.

— Теперь или никогда!—отвѣтилъ тотъ,—наконецъ-то, я снова свободенъ и могу выпрямить свои члены!

— Войди въ сарай, Фераджи! Войди скорѣй,—задыхаясь отъ страха, прошепталъ Мабруки, дрожа отъ волненія,—войди, не то мы погибли!

— Тогда я дорого продамъ имъ свою жизнь,—прошипѣлъ Фераджи,—оставайся ты здѣсь, а я долженъ послушать, что тамъ эти двое говорятъ между собою.—И не взирая на опасность, которой онъ подвергалъ себя, Фераджи подкрался къ двери хижины Инкази и сталъ подслушивать. То былъ тихій, пѣвучій голосъ Инкази, говорившій слѣдующія слова:

— Да, черезъ этотъ тайный ходъ я спустился и въ ту ночь, когда подслушалъ Фераджи и Солимана. Спускайся ты впередъ, вѣдь, Лео ждетъ насъ, а къ острову Муциму, сегодня не такъ легко будетъ добраться!

Затѣмъ нѣкоторое время царила полнѣйшая тишина. Но

вотъ послышался изнутри хижины какой-то глухой звукъ, точно закрылся трапъ, и снова стало тихо.

Фераджи, приложившись ухомъ къ двери, съ жадностью ловилъ каждый звукъ. Всѣ силы его души сосредоточены были въ этотъ моментъ въ слухѣ, а сердце билось все скорѣе и скорѣе, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи послѣднихъ секундъ онъ уже не слышалъ въ хижинѣ ни малѣйшаго звука.

Мабруки же, который опасался, что вотъ-вотъ отворится дверь, и Симба и Инкази неминуемо наткнутся прямо на Фераджи, дрожалъ, какъ листъ, неподвижно стоя на своемъ посту. Неизъяснимый страхъ, овладѣвшій имъ не только лишилъ его языка, но даже и сознанія; онъ положительно не понималъ и не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что происходило вокругъ него.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что Фераджи схватилъ его за руку и задыхающимся отъ радости, торжествующимъ голосомъ крикнулъ ему въ самое ухо:

— Иди-же! путь свободенъ! Мы можемъ бѣжать!

Мабруки, не сопротивляясь, далъ себя увлечь и машинально вошелъ вслѣдъ за Фераджи въ темную хижину. Фераджи плотно заперъ за нимъ дверь.

— Видишь, дружище,—заговорилъ онъ,—когда меня связаннаго бросили сюда, я въ неизъяснимомъ бѣшенствѣ катался по землѣ и головой ударился о стѣну. Вдругъ та стѣна, что въ самомъ темномъ углу, дала такой звукъ, какъ будто эта тоненькая переборка, а не стѣна, и будто проломить ее ничего не стоитъ. Ахъ, будь-ка у меня тогда руки свободны! Но этотъ Инкази скрутилъ меня такъ крѣпко, что я положительно не могъ шевельнуться; когда я попытался ослабить свои путы, то они до крови врѣзались въ мои руки. Пришелъ Симба, увидѣлъ мои окравленныя руки и приказалъ ослабить путы. Тогда, дружище, мнѣ удалось высвободить одну руку, такъ что я могъ пощатать эту стѣнку. Оказалось, что это родъ трапа, ведущаго въ глубокую пропасть или ущелье между двумя черными скалами.

Я заглянулъ въ глубь этой зіяющей пропасти,—и морозъ

пробѣжалъ у меня по кожѣ: болѣе двадцати футъ въ глубину спускались отвѣсныя черныя стѣны скалъ, пока, наконецъ, нога могла найти твердую точку опоры, и на страшной глубинѣ я увидѣлъ дневной свѣтъ, врывавшійся во мракъ ущелья. Тамъ ждала меня свобода и я внутренно ликовалъ при одной мысли объ этомъ. И вотъ, я увидѣлъ на краю этой пропасти толстый канатъ, надежно привязанный къ стволу большого дерева. Канатъ этотъ былъ свернутъ, но не подлежало сомнѣнію, что онъ достаточно длиненъ, чтобы хватить до дна. Итакъ я случайно нашелъ потайной ходъ, но тогда не могъ бѣжать, потому что правая рука моя и нога были связаны крѣпко и я съ трудомъ могъ шевелиться. Не успѣлъ я освободиться окончательно отъ своихъ путъ, какъ явился Инкази и приказалъ запереть меня въ этотъ проклятый хлѣвъ. Но теперь, теперь ничто не помѣшаетъ намъ бѣжать черезъ это ущелье! Симба и Инкази только что удалились этимъ самымъ путемъ; мы послѣдуемъ ихъ примѣру! Идемъ же, другъ! Я имѣю для Солимана важныя вѣсти, надо спѣшить!

Спустя нѣсколько минутъ въ хижинѣ Инкази воцарилась мертвая тишина, пока вспугнутыя людскими голосами крысы не появились вновь и не принялись опять за свою обычную возню около стѣнъ и надъ потолкомъ.

Между тѣмъ Симба и Инкази, спустившись по канату, очутились на скалистой площадкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ густымъ кустарникомъ. Отсюда шла круглая тропинка, спускавшаяся внизъ, вплоть до берега тихаго пруда, и терявшаяся въ густыхъ заросляхъ тростника, запружавшихъ почти до половины эту бухточку Танганайки.

— Это такая глушь, такое непролазное болото,—сказалъ Инкази,—что ни одна душа не заподозритъ здѣсь тропы, ведущей къ нашему нагорному тэмбе. Допустимъ даже, что кто нибудь найдетъ эту тропу, что изъ того? вѣдь, на голый утесъ въ двадцать футъ вышиной не такъ легко взобраться.

— Нѣтъ, Инкази, я нахожу, что вы весьма безпечны,—

отвѣчалъ Бѣлая Борода.—Я самъ исходилъ эту бухту вдоль и поперекъ, и если-бы только приложилъ нѣкоторое стараніе, то конечно, не преминулъ бы найти эту тропу, ведущую къ ущелью. Двадцать футъ не такъ уже много, чтобы ловкій гимнастъ не могъ взобраться вверхъ, а разъ удастся взобраться одному, то ничто не мѣшаетъ ему сбросить другимъ веревку или канатъ, по которому подымутся безъ труда всѣ.

Инкази улыбнулся со свойственной всѣмъ неграмъ безпечностью.

— Это все кажется тебѣ такъ легко и возможно,—сказалъ онъ,—потому что ты все это знаешь! Ничего не стоило бы воздвигнуть здѣсь крѣпкія ворота, но лучше, если никто не подозрѣваетъ объ этомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ хотя одинъ потайной ходъ, которымъ, въ случаѣ надобности, всегда можемъ пользоваться и никѣмъ незамѣченные входить и выходить изъ своего тэмбе. Къ тому же не далѣе какъ всего какихъ нибудь полъ года тому назадъ мнѣ пришла въ голову мысль спускаться по канату черезъ это ущелье въ долину.

— Тѣмъ хуже!—воскликнулъ Симба,—значитъ, ты даже не можешь знать, не замѣтилъ-ли кто въ послѣднее время твоего таинственнаго появленія и исчезновенія изъ тэмбе, и не прослѣдили ли за тобой этотъ ходъ.

Инкази отрицательно покачалъ головой, упорно отрицая подобную возможность.

— Вернемся и скажемъ, по крайней мѣрѣ, Мудимѣ, чтобы онъ вытащилъ канатъ до нашего возвращенія,—продолжалъ настаивать Симба.

— Къ чему?—возразилъ Инкази,—могу тебя увѣрить, что намъ нечего безпокоиться.

Теперь они вошли уже по колѣно въ воду, пробираясь туда, гдѣ бухта узкимъ каналомъ соединялась съ озеромъ Танганайка. Здѣсь, въ самой чащѣ кустовъ, низко склонявшихся надъ водою, была спрятана лодка, которая могла свободно вмѣстить трехъ человѣкъ. Инкази, не задумываясь, вско-

чилъ въ лодку и предложилъ Симбѣ послѣдовать его примѣру, при чемъ таинственно шепнулъ ему.

— Видишь ты тамъ этотъ старый поросшій мхомъ и различными паразитами стволъ? Это мой потайной челнокъ; въ немъ я часто отправляюсь по волнамъ Танганайки, когда хочу въ ночную пору незамѣченнымъ побывать гдѣ-нибудь. Стволъ этотъ выдолбленъ внутри и я удобно могу лежать въ немъ закрывшись крышкой; въ ней есть спереди небольшое отверстіе, черезъ которое можно обозрѣвать окрестность и видѣть все, что происходитъ вокругъ, а сзади есть другое отверстіе для весла, сдѣланнаго изъ живыхъ вѣтвей. Вотъ въ этомъ то самомъ челнокѣ я и подслушалъ тогда Солимана и Ферaджи!

При этомъ Симба не проявилъ ни малѣйшаго удивленія, какъ того ожидалъ Инкази, но оставался по прежнему погруженнымъ въ глубокую задумчивость.

Таинственные вымыслы бѣднаго Инкази были прикрыты весьма прозрачной пеленой. Всякій, кто обладалъ нѣкоторою долей проницательности и хоть сколько нибудь былъ знакомъ со хитростями и пріемами войны дикарей, безъ труда могъ раскрыть всѣ его тайны. Участь тэмбе Мудимы не на шутку заботила и тревожила теперь Симбу. Ему вдругъ вспомнилось, что здѣсь, въ этой самой тихой, стоячей бухтѣ, были съ нимъ и Сузи, и Мабруки, и Фераджи. Весьма возможно, что кто-нибудь изъ нихъ, вѣрнѣе всего Фераджи, отличавшійся особенной хитростью и коварствомъ и чрезвычайно зоркимъ глазомъ, замѣтилъ болѣе того, чѣмъ видѣлъ даже самъ Симба.

Мало того, люди Солимана, обыскивавшіе весь этотъ берегъ, каждый камень и каждый кустъ, весьма легко могли проникнуть и сюда, въ этотъ узкій проливъ, и при дневномъ свѣтѣ разглядѣть эту тропу, которая вела въ гору къ ущелью. И вотъ, Симба сталъ размышлять и соображать, что если какая нибудь отважная горсть смѣльчаковъ, изъ числа рабовъ Солимана, сдѣлаетъ попытку взобраться на верхъ подъ покровомъ темной ночи. Вѣдь, они найдутъ даже канатъ,

готовый къ ихъ услугамъ для облегченія довольно затруднительнаго подъема въ узкомъ ущельѣ, — а тогда крѣпость Мудимы безвозвратно погибла!

Между тѣмъ какъ такого роду мысли тревожили и волновали Симбу, Инкази молча слѣдилъ за переливами тѣней, которыя бросалъ на зыбкую поверхность озера всплывшій высоко блѣдный мѣсяцъ.

— Скоро луна зайдетъ, — беззаботно замѣтилъ онъ,—и тогда намъ можно будетъ пуститься въ путь.

Вдругъ послышался плескъ въ водѣ, и Симба и Инкази одновременно нагнулись впередъ и стали вглядываться въ даль въ томъ направленіи, откуда раздался шумъ. Какъ разъ передъ глазами Симбы разстилался узкій проливъ соединявшій стоячую бухту съ озеромъ Танганайка, надъ которымъ два мощныхъ дерева сплетали свои вѣтви, образуя ворота. Послѣднія теперь казались черной разинутой пастью и только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ вѣтви раздвоялись въ сплошной зелени воротъ образовывалось небольшое отверстіе. Блѣдный лучъ луны, прокрадываясь сквозь это отверстіе, освѣщалъ узкую полоску воды въ проливѣ. И вотъ, въ тотъ самый моментъ, какъ Симба смотрѣлъ на эту свѣтлую полосу воды, ему показалось, что на этой свѣтлой полосѣ показалась чья то голова, и тотчасъ-же исчезла въ темнотѣ. Что это было? Обманъ зрѣнія? Онъ сталъ всматриваться пристальнѣе, но теперь только свѣтлый лучъ мѣсяца дрожалъ на зыбкой поверхности воды.

— Инкази,—шепнулъ ему Симба—видѣлъ ты что нибудь?

Молодой негръ взглянулъ на Симбу съ выраженіемъ крайняго удивленія.

— Я думалъ, что мнѣ это только показалось.

— Но что ты видѣлъ? - спросилъ напряженно Симба.

— Человѣка, который плылъ въ сторону Танганайки!— сказалъ Инкази.

— Такъ значитъ, это не было обманомъ зрѣнія!—встревоженно отвѣчалъ Симба,—мы были не одни здѣсь, Инкази, намъ надо спѣшить обратно къ Мудимѣ!

Инкази молча понурилъ голову и выразилъ знакомъ свое согласіе; они готовы были уже направиться въ обратный путь, какъ вдругъ послышался опять тихій плескъ въ водѣ. Привычный слухъ Инкази тотчасъ же уловилъ этотъ звукъ.

— Это удары веселъ!—прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ,—они доносятся сюда съ озера; вотъ теперь лодка въѣзжаетъ въ проливъ!

— Это—Солиманъ, онъ хочетъ захватить насъ врасплохъ!—сказалъ Симба сквозь зубы, — намъ надо спѣшить, чтобы раньше ихъ добраться до тропы въ ущелье!

Вдругъ со стороны пролива послышался шумъ голосовъ и разомъ смолкъ, точно по командѣ.

— Впередъ!—сказалъ Симба, — намъ нельзя терять ни минуты!

И они пустились въ обратный путь, сперва осторожно—изъ опасенія, чтобы плескъ воды не выдалъ ихъ, а затѣмъ уже смѣло, потому что всякая предосторожность стала излишней. Изъ чащи тростниковъ, росшихъ вдоль берега, вышло цѣлое стадо бегемотовъ. Очевидно, Муциму посылалъ ихъ на помощь своему вѣрному Инкази. Адскій шумъ, который производили эти громадныя чудовища, сопѣвшія, храпѣвшія и ломавшія все на своемъ пути, дѣлалъ всякаго рода осторожность при ходьбѣ совершенно излишней. Они по шуму слышали, что бегемоты направились черезъ проливъ въ озеро, что несказанно обрадовало Симбу: онъ зналъ, что передъ этимъ стадомъ и судамъ Салимана поневолѣ придется отступить, а это, во всякомъ случаѣ, дастъ имъ т. е. Инкази и Симбѣ, возможность выиграть время. Поднявшись на извѣстную высоту по горной тропинкѣ, ведущей къ ущелью, Симба сталъ оглядываться назадъ. Въ зеленыхъ воротахъ при входѣ въ тихую бухту освѣщенная мѣсяцемъ полоса воды все еще находилась въ такомъ волненіи, что была совершенно недоступна для какого бы то ни было судна. — „Спасибо вамъ, милые бегемоты!"—произнесъ мысленно Симба,—„гуси спасли нѣкогда Капитолій, а вы спасли сегодня твердыню Мудимы". Въ этотъ моментъ луна зашла

за горы и наступила совершенная тьма. И это было дѣло Муциму, и этимъ онъ содѣйствовалъ своему избраннику. Теперь наши друзья на много опередили своихъ враговъ; непроглядная тьма совершенно скрывала отъ глазъ послѣднихъ дѣйствія Симбы и Инкази.

— Бѣдный Лео, тебѣ никто не можетъ оказать помощи въ это время! Тѣ, что выѣхали, чтобы спасти тебя отъ грозящей опасности, сами бѣжали теперь, какъ спугнутыя серны по горной тропѣ вверхъ къ зубчатымъ вершинамъ горъ!— прошепталъ Симба.

Наконецъ, они достигли скалистаго плато въ концѣ ущелья. Канатъ попрежнему висѣлъ на своемъ мѣстѣ. Кругомъ царила мертвая тишина.

— Живо, живо!—сказалъ Симба.

Инкази проворно сталъ взбираться вверхъ, Симба держалъ канатъ, раскачивавшійся изъ стороны въ сторону; когда же, по его разсчету, Инкази долженъ былъ быть уже наверху, онъ и самъ, не долго думая, послѣдовалъ за нимъ.

Въ хижинѣ Инкази царила тоже полнѣйшая тишина.

— Смотри,—сказалъ Симба,—черезъ этотъ твой потайной ходъ можетъ сюда пробраться цѣлое войско, между тѣмъ какъ воины ваши спокойно спятъ въ своихъ домахъ!

Онъ вышелъ за дверь между тѣмъ, какъ Инкази поспѣшно втянулъ на верхъ веревку: онъ сталъ теперь вдругъ осторожнымъ.

Во дворѣ тэмбе ничто не давало повода подозрѣвать, что здѣсь случилось нѣчто особенное. Развѣдчики и часовые стояли за оградой крѣпости, а Сузи преудобно расположился у дверей сарая, присѣвъ на землѣ и глядя куда-то въ даль. Сидя? Да, въ Африкѣ существуетъ своеобразная военная дисциплина; тамъ часовые могутъ не только сидѣть, а даже лежать.

— Все въ порядкѣ?—спросилъ Симба у часоваго.

— Да!—отвѣтилъ Сузи.

Симба съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Приведи Ферадджи въ мою хижину,—приказалъ онъ, соображая, что мѣсто заключенія никакъ не должно было находиться въ столь блазкомъ сосѣдствѣ съ хижиной Инкази и ея потайнымъ ходомъ. Какъ наивны и простодушны были дѣйствительно эти негры; не мудрено, что ловкіе охотники работорговцы съ такою легкостью раззоряютъ ихъ села и деревни и уводятъ ихъ въ плѣнъ!

Отворивъ дверь сарая, Сузи крикнулъ:

— Ферадджи!

Отвѣта не послѣдовало.

— Ферадджи!—крикнулъ онъ еще громче.

Но въ сараѣ по прежнему нераздавалось ни звука.

Тогда Сузи вошелъ въ него, а минуту спустя вышелъ опять на дворъ съ выраженіемъ полнаго недоумѣнія на лицѣ.

— Онъ исчезъ!—прошепталъ онъ.

Инкази, который какъ разъ подошелъ къ этому времени къ сараю, въ свою очередь заглянулъ туда и затѣмъ тоже вошелъ въ него. Симба ждалъ, пока онъ выйдетъ, не шевелясь, не проронивъ ни слова.

— Его тамъ нѣтъ!—сказалъ Инкази, выйдя изъ сарая и, видимо, удивляясь этому обстоятельству.

— А видѣлъ ты Ферадджи или по крайней мѣрѣ слышалъ-ли ты, что онъ въ сараѣ, когда ты занялъ мѣсто караульнаго?—спросилъ Симба своего слугу.

— Нѣтъ!—простодушно отвѣтилъ тотъ.

— А Мабруки былъ на своемъ посту, когда ты пришелъ смѣнить его?—продолжалъ допрашивать Симба.

— Нѣтъ, когда я пришелъ, его уже не было! Я пологалъ, что вы, господинъ, услали его куда-нибудь!—оправдывался Сузи.

Симба сжалъ кулаки: все та-же ограниченность и безпечность; та-же неосторожность и непредусмотрительность! Этотъ Инкази съ своей простодушной безпечностью и этотъ Сузи съ своимъ непростительнымъ легкомысліемъ были типичнѣйшими представителями своей расы, настоящіими типами негровъ.

— Скорѣе разбуди всѣхъ людей и приведи ко мнѣ Мабруки!—приказалъ Симба,—а ты, Инкази,—обратился онъ къ юношѣ,—зови скорѣй сюда Мудиму. Намъ надо сейчасъ-же держать совѣтъ, что теперь слѣдуетъ дѣлать!

Сузи забилъ тревогу. Негры повыбѣжали изъ своихъ хижинъ; тамъ и сямъ показались женщины, которыя, крича и бранясь, развели огни. Началась перекличка и бѣготня, но Мабруки нигдѣ нельзя было найти: его, а такъ-же и Фераджи слѣдъ простылъ.

Тѣмъ временемъ Симба вышелъ на край каменной терассы передъ домомъ Мудимы, чтобы взглянуть оттуда на заливъ Лувулунгу, гдѣ расположился непріятельскій флотъ. Но надъ озеромъ Танганайка разстилался легкій бѣлый туманъ и среди прозрачнаго мрака ночи не было видно ни слѣда судовъ Солимана. Симба глядѣлъ впередъ въ совершенно пустое пространство и въ мозгу его созрѣвалъ постепенно извѣстный планъ. Онъ мелькнулъ у него въ головѣ еще по пути къ тэмбе Мудимы, когда онъ вмѣстѣ съ Инкази возвращался изъ тихой бухты, но тогда онъ отвергъ его. Вѣдь, это былъ не честный, открытый бой, не явная открытая война. Тутъ хитрость играла главную роль, а Симба презиралъ всякія уловки тамъ, гдѣ возможно было обойтись безъ нихъ. Теперь-же этотъ планъ напрашивался какъ бы самъ собою. И почему, въ самомъ дѣлѣ, не осуществить его? Кто были тѣ, съ кѣмъ ему приходилось вести борьбу? Гурьба разбойниковъ, для которыхъ всѣ средства хороши, которые ни мало не гнушались измѣной и самымъ подлымъ предательствомъ и сами прибѣгали ко всякаго рода хитростямъ и уловкамъ! Развѣ эти люди не старались перехитрить его, обойти его?—Такъ хорошо-же! если они могли на то рѣшиться, могли дерзнуть одурачить его, такъ пусть-же на себя пеняютъ, если сами попадутся въ ту самую ловушку, которую они хотѣли подставить ему!—И твердымъ шагомъ Симба направился къ Мудимѣ, который шелъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ Инкази.

Не теряя ни одной минуты, всѣ трое стали совѣщаться.

Симба вполголоса открылъ Мудимѣ свой планъ, а тотъ утвердительно и одобрительно кивалъ головой, между тѣмъ какъ глаза Инкази разгорались живымъ огнемъ.

Затѣмъ Мудима удалился отъ нихъ; собравъ всѣхъ своихъ воиновъ, онъ разставилъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ по стѣнамъ крѣпости, назначилъ часовыхъ и сторожевыхъ ко всѣмъ входамъ и выходамъ тэмбе и приказалъ значительно усилить отрядъ сторожевыхъ воиновъ, расположенный по обѣ стороны громаднаго оврага или ущелья, по которому пролегалъ путь къ главнымъ воротамъ крѣпости Мудимы. Затѣмъ и самъ онъ отправился туда, чтобы принять на себя главное начальство надъ этимъ отрядомъ на случай, если-бы отважный Солиманъ рѣшился напасть на его крѣпость съ этой стороны. Тогда должны были скатиться на головы нападающихъ тѣ страшныя каменныя глыбы, которыя были предусмотрительно нагромождены по обѣ стороны ущелья на самомъ краю обрыва, неся съ собою смерть и гибель всему живому тамъ, внизу.

Между тѣмъ Симба и Инкази вошли въ хижину послѣдняго и основательно изслѣдовали тотъ толстый, громадный стволъ дерева, перекинутый надъ отверстіемъ узкаго колодца ущелья, на которомъ былъ укрѣпленъ канатъ, служившій вмѣсто лѣстницы. Они довольно долго возились надъ нимъ съ ломами и крѣпкими дубинами и затѣмъ спустили въ ущелье канатъ. Симба долго прислушивался, но тамъ, на днѣ ущелья, царила мертвая тишина.

Между тѣмъ тамъ, снаружи, къ хижинѣ Инкази подошелъ довольно многочисленный отрядъ негровъ, подъ начальствомъ Сузи, и неслышно оцѣпилъ ее со всѣхъ сторонъ.

Тѣмъ временемъ Инкази обмоталъ крѣпкой толстой веревкой тотъ стволъ, что лежалъ надъ пропастью, и, пропустивъ концы этой веревки въ небольшую щель въ тонкой тростниковой перегородкѣ, стоялъ теперь неподвижно на своемъ посту, держа обѣими руками концы этой веревки.

Въ тэмбе было опять ужъ совершенно тихо и спокойно; людямъ строго было запрещено переговариваться и пере-

шептываться между собой; женщинамъ приказано было оставаться въ своихъ жилищахъ и не перебѣгать къ сосѣдкамъ. Ничего, кромѣ шума прибоя расходившейся Танганайки, не было слышно здѣсь, на этой недосягаемой высотѣ, куда этотъ шумъ доносился изъ ущелій Кабого.

Въ темной хижинѣ Инкази Симба притаился, присѣвъ у самой дверки трапа потайного хода. Онъ немного приподнялъ эту дверку и жаднымъ ухомъ ловилъ каждый малѣйшій звукъ тамъ, въ глубинѣ ущелья. Но все было тихо и беззвучно; ни одинъ кузнечикъ не трещалъ тамъ, а въ самой горницѣ бѣгали крысы, несмотря на присутствіе здѣсь человѣка; эти грызуны были даже на столько смѣлы, что, не стѣсняясь, перескакивали и перебѣгали по спинѣ человѣка, прижавшагося, точно котъ, къ щели приподнятаго трапа.

Однако, тѣмъ, кто стоялъ снаружи, наскучило неподвижно стоять на своихъ мѣстахъ тѣмъ болѣе, что они не были посвящены въ подробности самаго плана, и имъ казалось весьма страннымъ, что ихъ заставили такъ строго караулить хижину Инкази.

Начинало уже свѣтать. Вдругъ Симба услышалъ нѣчто похожее на шумъ приближающихся шаговъ. Онъ дальше сунулъ голову въ щель дверцы и заглянулъ внизъ, на дно ущелья, но ничего не могъ разглядѣть. Тамъ царилъ полнѣйшій мракъ. И сколько онъ не напрягалъ свое зрѣніе, всѣ его усилія оставались тщетными. Кровь прилила у него къ головѣ, свѣтящіяся точки и кроваво-красныя пятна запрыгали передъ глазами.

Онъ закрылъ на минуту вѣки, понявъ, что въ данный моментъ зрѣніе безсильно, что теперь онъ можетъ разсчитывать только на свой привычный, чуткій слухъ.

Затѣмъ снова сталъ прислушиваться и теперь услышалъ, что происходило тамъ, на глубинѣ двадцати футъ; слышалъ даже каждое слово, которое произносилось тамъ. Узкое ущелье доносило до него каждый звукъ, какъ настоящая

звуковая труба, такъ что даже и самый шепотъ казался громкимъ говоромъ.

— Чшъ!—послышался звукъ, подобный шипѣнію змѣи.

— Чшъ!—отозвался кто-то;—мы здѣсь! Канатъ виситъ!—Это былъ голосъ Фераджи.

— Смирно! Тихо взбирайся вверхъ!—прозвучали командныя слова Османа.

Затѣмъ послышался мѣрный шумъ многочисленныхъ тихихъ шаговъ, да еще раздававшійся время отъ времени звукъ скатывавшагося внизъ камня.

— Всѣ здѣсь?—послышался снова голосъ Османа.

— Мабруки нѣтъ!—отозвался одинъ изъ ловцовъ невольниковъ.

— Подлый трусъ!—презрительно выругался Фераджи.

— Теперь взбирайся всѣ, по очереди!—скомандовалъ Османъ.—Фераджи подымется первый, я—за нимъ, а тамъ и вы всѣ, одинъ за другимъ! А теперь тихо! Никто ни звука ни здѣсь, ни тамъ, вверху!

Все стихло внизу. Прошло нѣсколько жуткихъ секундъ. Канатъ качался изъ стороны въ сторону. Очевидно, Фераджи колебался повиноваться приказу Османа.

— Ахъ, ты трусъ!—прошипѣлъ Османъ,—вотъ я покажу всѣмъ вамъ, что значитъ смѣлость. Я пойду первый, но вы послѣдуете за мной всѣ до одного, иначе я самъ первый размозжу вамъ черепъ, клянусь Аллахомъ!

— Мы идемъ за тобой!—тихо отозвалось нѣсколько голосовъ разомъ; то были, безъ сомнѣнія, отважные ловцы рабовъ, служившіе на жалованіи у Солимана.

— Да, на васъ я могу положиться! — тихо сказалъ Османъ.—Знайте, что Солиманъ хочетъ изловить Симбу и Инкази, ему легко будетъ добраться до острова Муциму,—и тамъ они въ его рукахъ. Намъ-же предстоитъ несравненно болѣе трудная задача: мы должны овладѣть непреступной твердыней Мудимы и слава наша прогремитъ надо всемъ озеромъ Танганайка! Впередъ, ребята! честь и слава смѣлымъ и отважнымъ! Мы идемъ на невѣрныхъ; самъ Пророкъ помо-

жетъ намъ и вознаградитъ того, кто поднялъ мечъ свой на невѣрныхъ!

— Позволь мнѣ быть впереди всѣхъ, Османъ!—шепнулъ ему теперь Фераджи.

— Нѣтъ, ты будешь вторымъ!—отвѣтилъ молодой арабъ, сгоравшій отъ нетерпѣнія завоевать славу своему имени, связавъ его съ какимъ нибудь отчаянно отважнымъ дѣломъ.

— Тихо! Молчать и слѣдовать за мной!—скомандовалъ еще разъ Османъ и затѣмъ Симба замѣтилъ, что канатъ, который онъ легко пропустилъ между пальцами, туго натянулся. Очевидно, Османъ взбирался по немъ вверхъ.

Наступила рѣшительная минута.

Симба осторожно спустилъ дверцу трапа и самъ на цыпочкахъ удалился въ тотъ уголъ, гдѣ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, Инкази.

— Все въ порядкѣ, Инкази,—прошепталъ онъ,—Османъ подымается первый. Солиманъ ищетъ насъ на Танганайкѣ. Мы впустимъ только одного Османа!

Онъ сталъ и досталъ изъ кармана заряжевный револьверъ.

Прошло еще нѣсколько секундъ, но вотъ скрипнула дверка трапа,—и Османъ вошелъ въ горницу. Защитники тэмбе Мудимы, несмотря на весьма недостаточный свѣтъ, ясно различали въ общихъ очертаніяхъ фигуру молодого араба, потому что глаза ихъ успѣли уже привыкнуть къ темнотѣ.

Османъ остановился, глядя впередъ и только что хотѣлъ обернуться назадъ, вѣроятно, для того, чтобы осмотрѣть и остальные углы хижины или же чтобы подать знакъ слѣдовавшему за нимъ Фераджи, когда за стѣной, у самыхъ дверей хижины, раздался странный шумъ. Казалось, будто безмолвныя стѣны домика готовы были обрушиться.

Османъ невольно содрогнулся.

На секунду шумъ и трескъ смолкли, но вотъ ужъ снова что-то загремѣло и загрохотало подъ землею точно въ мо-

ментъ землетрясенія; затѣмъ послышался еще одинъ глухой страшно сильный ударъ, сопровождаемый стонами и криками ужаса и отчаянія, которые какъ будто исходили изъ подъ земли.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, но впечатлѣніе этого страшнаго треска, грохота гдѣ-то подъ землею и отчаянные человѣческіе голоса, доносившіеся изъ глубины,—все это производило такое потрясающее впечатлѣніе, что Османъ стоялъ, точно окаменѣлый, въ тотъ моментъ, когда Сузи широко распахнулъ дверь хижины и первые лучи разсвѣта озарили розовымъ блескомъ стройную фигуру араба.

— Съ добрымъ утромъ, Османъ! — насмѣшливо привѣтствовалъ его Симба, выступая изъ мрака.

Это привѣтствіе показалось Сузи и தремъ сопровождавшимъ его неграмъ столь забавнымъ, что всѣ они громко расхохотались и въ свою очередь насмѣшливо привѣтствовали плѣнника тѣми же словами:

— Съ добрымъ утромъ, господинъ!

Тогда только очнулся и пришелъ въ себя ошеломленный всемъ происшедшимъ Османъ. Онъ отступилъ назадъ къ открытой дверцѣ трапа, смѣривъ Симбу надменнымъ взглядомъ, полнымъ непримиримой вражды и ненависти, и грозно замахнулся кинжаломъ, который держалъ въ рукѣ.

Это была по истинѣ красивая и величественная фигура, этотъ молодой арабъ въ своемъ ярко красномъ тюрбанѣ и зеленой затканной золотомъ одеждѣ, съ выраженіемъ самой отчаянной рѣшимости на красивомъ, надменномъ лицѣ.

Симба тотчасъ же понялъ, что Османъ будетъ сопротивляться до послѣдней крайности, — и ему стало жаль его. Тамъ, внизу, и безъ того уже было пролито не мало крови. Не подлежало сомнѣнію, что низвергнутый въ глубину ущелья громадный стволъ, на которомъ держался канатъ, убилъ на поваль Фераджи, а многихъ другихъ изъ его товарищей, частію убилъ, частію ранилъ. Къ чему было еще проливать и эту кровь безъ всякой пользы для себя?

Что выигралъ-бы съ этой смертью Мудима или самъ онъ? Напротивъ, только тогда, когда любимецъ Солимана, его ближайшій родственникъ находился въ ихъ рукахъ въ качествѣ плѣннаго, они могли ставить Солиману, какія имъ заблагоразсудится, условія и отвратить войну.

По этому разсудокъ и доброе сердце одновременно повелѣвали Симбѣ пощадить жизнь молодого араба.

— Османъ,—сказалъ онъ почти дружелюбнымъ тономъ,— брось твой кинжалъ и сдайся! Ты—нашъ плѣнникъ. Я возьму тебя себѣ и, вѣроятно, возвращу Солиману!

Но дѣйствіе этихъ словъ невольно поразило даже самаго Симбу.

— Османъ не сдается никогда!—гнѣвно и хрипло крикнулъ онъ.—Чтобы я былъ рабомъ? Я! Османъ?! Нѣтъ?! лучше я разомъ кинусь внизъ головой въ эту пропасть! — И онъ уже сдѣлалъ движеніе, чтобы откинуть трапъ, но въ этотъ самый моментъ къ нему проворно подскочилъ Инкази, намѣреваясь помѣшать ему, а также и Сузи съ ружьемъ въ рукахъ.

Въ этотъ моментъ произошло нѣчто, въ чемъ никто не могъ дать себѣ тогда яснаго отчета.

Всѣ видѣли, однако, что Османъ вдругъ обернулся въ сторону Инкази и, ловко увернувшись отъ него, вонзилъ кинжалъ глубоко въ грудь своего врага. Громко вскрикнувъ, Инкази повалился на землю, но въ тотъ же самый моментъ на голову его противника грузно опустился прикладъ ружья здоровеннаго Сузи, — и сраженный этимъ ударомъ Османъ упалъ съ раздробленнымъ черепомъ на своего поверженнаго врага.

Симба не успѣлъ воспротивиться случившемуся, не успѣлъ предотвратить ни того, ни другого рокового удара; все это произошло съ быстротою молніи.

Онъ склонился надъ своимъ юнымъ другомъ; изъ страшной раны въ груди струилась темная густая кровь; на губахъ тоже выступала кровавая пѣна.

Симба бережно поднялъ его на руки и вынесъ, какъ ребенка, на порогъ хижины.

Первые лучи восходящаго солнца ласково заиграли на мертвенно блѣдномъ лицѣ умирающаго юноши. Инкази медленно сомкнулъ вѣки. Неужели онъ въ послѣдній разъ видѣлъ солнечный свѣтъ? Неужели этой молодой жизни пришелъ конецъ?

X. Муциму гнѣвается.

Предчувствіе Мудимы. — Солиманъ колеблется. — Потрясающее событіе. — Святотатство противъ Муциму. — У тѣла Османа. — Смертельные враги. — Возвращеніе въ Удшидши. — Осторожный капитанъ. – Муциму гнѣвается. — Послѣдній взглядъ на „Змѣю".

Съ восходомъ солнца вернулся Мудима со своего поста. Врагъ не показывался съ той стороны. Теперь его ужасно тревожила мысль о томъ, что произошло въ эту ночь тамъ, у потайнаго хода. Удался ли планъ его названнаго брата? Дался-ли Солиманъ въ западню? О, если бы только онъ могъ увидѣть Солимана плѣнникомъ въ крѣпости Мудимы. Этого Солимана, съ которымъ онъ уже столько лѣтъ имѣлъ счеты, видѣть его въ своей власти! О, какою радостью, какимъ упоеніемъ наполняла эта мысль душу стараго Мудимы!

Но не даромъ звали его „Мрачнымъ". При входѣ его въ ворота тэмбе, сердце его стало сжиматься какимъ-то тягостнымъ предчувствіемъ. Почему никто не спѣшилъ возвѣстить ему радостную вѣсть? Никто не вышелъ встрѣтить его, порадовать! Почему въ его домѣ и во дворѣ царила такая мертвая тишина? Почему не раздавалось здѣсь ни криковъ радости и торжества, ни веселой пальбы изъ ружей, какою негры ознаменовываютъ всякое радостное событіе? Вонъ часовые; всѣ они стоятъ молча и неподвижно на своихъ мѣстахъ... онъ ускорилъ шагъ—предчувствіе не обмануло его; случилось какое-то несчастіе!

О, какъ спѣшилъ онъ теперь черезъ ворота и широкій дворъ прямо къ хижинѣ Инкази, гдѣ тѣсною толпой стояли

скучившись, точно стадо барановъ, и негры Симба, и его воины, и женщины. Кто-же лежитъ тамъ распростертый на землѣ? Надъ кѣмъ склонился Симба?

Кажется, онъ узнаетъ его! Это—Инкази, единственный сынъ его!

Да, вотъ онъ передъ нимъ! Душу раздирающій крикъ вырвался изъ груди старика — затѣмъ, не сказавъ ни слова, онъ опустился на землю подлѣ своего любимца.

Онъ не спросилъ, кто его ранилъ на смерть; онъ видѣлъ только изнеможенное лицо, и тяжело вздымавшуюся грудь, жадно впивался глазами въ своего любимца, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, предсмертные-ли это муки, или же есть еще хоть какая нибудь надежда.

Немного погодя, онъ взглянулъ на Симбу, и въ его взглядѣ было нѣчто такое, чего Симба не въ силахъ былъ вынесть; казалось, его названный братъ безмолвно упрекалъ его въ томъ, что онъ лишилъ его единственнаго сына.

Одновременно съ этимъ другая пара глазъ съ мучительной тревогой глядѣла съ палубы „Змѣи“ въ заливѣ Лувулунгу, вверхъ, къ тэмбе Мудимы: то Солиманъ безпокоился о своемъ любимцѣ!

Наканунѣ къ Солиману явился Ибрагимъ и доложилъ, что онъ, какъ кажется, нашелъ потайной ходъ къ тэмбе Мудимы. Изъ одной отдаленной и незамѣтной бухтѣ Танганайки ведетъ таинственными изворотами едва замѣтная крутая тропа прямо въ гору, и, насколько можно судить, отъ подножія скалъ въ долинѣ, чуть не къ самому тэмбе.

Вслѣдствіе этого сообщенія, Солиманъ рѣшилъ въ эту же ночь сдѣлать неожиданно нападеніе на крѣпость Мудимы. Далѣе, Ибрагимъ одновременно сообщилъ ему неожиданное извѣстіе о томъ, что Фераджи находится въ заключеніи, но что онъ еще въ эту ночь потайнымъ ходомъ думаетъ бѣжать и явиться къ нему. Фераджи поручилъ передать Солиману, что проситъ его ожидать его у тѣснаго пролива, ведущаго къ скрытой бухтѣ озера Танганайки, которая ле-

житъ близь той косы или мыса, гдѣ они встрѣтились и бесѣдовали въ ту памятную ночь.

Понятно, Ибрагимъ предварительно выслушалъ разсказъ Мабруки о таинственной бухтѣ и затѣмъ отправился на розыски послѣдней, которую и нашелъ весьма благополучно. Но чтобы выслужиться въ глазахъ своего господина, онъ передалъ ему это въ обратномъ порядкѣ, желая удержать всецѣло за собой славу открытія таинственной бухты.

Съ двумя меньшими судами и сорока человѣками изъ числа храбрѣйшихъ изъ своихъ людей Солиманъ отправился съ наступленіемъ ночи къ маленькому проливу, ведущему въ бухту, и столкнулся тутъ съ Ферaджи.

Отъ него онъ узналъ, что Симба и Инкази отправились на островъ Муциму, гдѣ скрывается Лео,—узналъ также и всѣ подробности о потайномъ ходѣ къ тэмбе Мудимы и тутъ же рѣшилъ разомъ уничтожить врага. Османъ долженъ былъ взять на себя менѣе трудную и опасную часть этой задачи, какъ полагалъ Солиманъ, именно,—захватить въ расплохъ Мудиму въ его тэмбѣ; самъ же онъ намѣревался отправиться на „Змѣѣ" на священный островъ и тамъ сдѣлать опаснаго для всѣхъ нихъ Симбу безвреднымъ.

Тридцать человѣкъ своихъ отборныхъ солдатъ отдалъ онъ въ распоряженіе Османа; такой военной силы было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы овладѣть застигнутымъ врасплохъ тэмбе. Вѣдь, въ настоящій моментъ тамъ не было никого, кромѣ однихъ простыхъ негровъ; Грозный Левъ плылъ теперь по волнамъ Танганайки за своимъ другомъ и любимцемъ Лео.

Однако, достигнувъ залива Лувулунгу и пересѣвъ на „*Змѣю*", Солиманъ вдругъ предался опасеніямъ и сомнѣніямъ. Вѣдь, нападеніе на крѣпость Мудимы было ужъ, само по себѣ, дѣло не легкое и не безопасное, и его особенно удивляло, почему онъ до сихъ поръ не видитъ зарева пожара. Вѣдь, пожаръ тэмбе былъ бы для него самымъ очевиднымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ успѣха нападенія. Но на вершинѣ зубчатой горы было по прежнему

темно и мрачно, и озабоченный все болѣе и болѣе участью своего любимца Солиманъ отплылъ не въ сторону острова Муциму, какъ намѣревался, а обратно, къ узенькому проливчику, ведущему въ тайную бухту, разсчитывая служить здѣсь прикрытіемъ тыла отважныхъ смѣльчаковъ, отправившихся брать приступомъ неприступную крѣпость Мудимы.

Когда уже разсвѣло, къ нему прибѣжало нѣсколько человѣкъ изъ его людей, данныхъ съ собой Осману, бѣжавшихъ, подъ впечатлѣніемъ страшной паники и сообщившихъ ему печальную вѣсть о томъ, что Османъ первый поднялся наверхъ, за нимъ слѣдовалъ Ферадж и. Они разсказали, какъ съ высоты обрушился громадный стволъ, убившій наповалъ Фераджи и Ибрагима и ранившій нѣкоторыхъ другихъ, послѣ чего всѣ бѣжали.

Солиманъ былъ положительно убитъ и пришибленъ этой вѣстью. Какая страшная участь постигла его любимца? Что сталось съ нимъ? Живъ-ли онъ еще? Старикъ забылъ даже свой кровожадный планъ относительно Лео и Симбы; онъ рвалъ на себѣ волосы въ порывѣ гнѣва и отчаянія, и безъ толку лавировалъ взадъ и впередъ передъ тихою бухтой.

Но вдругъ онъ вскочилъ со своего мѣста и воскликнулъ:

— Что я сѣтую и колеблюсь? Ясно, что онъ теперь въ рукахъ Мудимы и я могу еще спасти его, если мнѣ самому удастся захватить въ плѣнъ его единственнаго сына!

Быть можетъ, онъ теперь еще сидитъ тамъ, на островѣ Муциму!—Онъ приказалъ поднять паруса,—и „*Змѣя*“ быстро понеслась по голубымъ волнамъ озера, направляясь къ священному острову.

Тихо и безмолвно было на островѣ, какъ въ то утро, когда Симба и Инкази посѣтили его. Но грубые ловцы невольниковъ приблизились къ нему не съ подобающимъ уваженіемъ, а съ шумомъ и гамомъ. Напрасно остерегали ихъ гребцы изъ Удшидши, напрасно увѣщевали не гнѣвать всесильнаго духа озера и отказаться отъ преслѣдованія бѣглеца, который нашелъ себѣ убѣжище въ этомъ святилищѣ. Солиманъ первый сошелъ на берегъ; за нимъ гурьбой послѣдо-

вали его люди. Цвѣтущій садъ Муциму они затоптали святотатственными ногами, птицъ его распугали и громкими криками нарушили царившую здѣсь тишину и спокойствіе. Но, несмотря на то, что эта разбойничья орда обыскала и всякій кустъ, и каждый камень, ни бѣглеца, ни Симбы, ни Инкази не найдено было и слѣда.

— Ихъ больше нѣтъ здѣсь! Бѣгство имъ удалось! — воскликнулъ, наконецъ, Солиманъ, принужденный сознаться, что всѣ его дальнѣйшія усилія отыскать ихъ здѣсь останутся безплодными.

Мрачный и разстроенный вернулся онъ обратно въ заливъ Лувулунгу.

Безмолвные и подавленные какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ сидѣли на своихъ скамьяхъ вадшидши (т. е. гребцы). Святотатство Солимана вопіяло къ небу объ отомщеніи и они опасались, что Муциму грозно подыметъ свою главу и непремѣнно постарается уничтожить ихъ.

Но что происходило тамъ, на берегу, у самаго устья Лувулунгу?

Подлѣ обломковъ „Утки" стояла толпа негровъ. Солиманъ узналъ въ томъ числѣ и своихъ людей, и одѣтыхъ въ полосатыя рубашки негровъ экспедиціи Симбы. А вотъ и самъ онъ стоитъ, прислонясь къ кормѣ разбившагося судна.

А что это, что лежитъ тамъ, на опрокинутомъ килѣ этого судна?—Какой-то продолговатый предметъ, завернутый во что-то бѣлое.

Страшное предчувствіе сдавило вдругъ грудь Солимана. Почему такъ судорожно, такъ болѣзненно забилось его сердце? Какую вѣсть принесъ ему Симба? Конечно, ничего радостнаго онъ не могъ ожидать, но во всякомъ случаѣ онъ теперь узнаетъ нѣчто положительное объ участи, постигшей его любимца.

Солиманъ сошелъ на берегъ, чувствуя, что колѣни у него подгибаются. Не смотря на страшное усиліе овладѣть

собой, онъ шатаясь подошелъ къ группѣ, среди которой выдѣлялась мощная фигура Симбы.

Кучка негровъ поспѣшно разступилась и сквозь двойныя шпалеры друзей и враговъ, столпившихся вмѣстѣ, Солиману пришлось идти на встрѣчу Симбѣ. Тотъ стоялъ неподвижно, съ выраженіемъ несомнѣнной скорби на лицѣ, и голосъ его прозвучалъ мягко и ласково, когда онъ первый обратился къ Солиману.

-- Мужайся, Солиманъ! Я принесъ тебѣ не веселыя вѣсти. Тотъ, кого ты любилъ, погибъ, но онъ погибъ геройской смертью и ты можешь гордиться имъ! Это былъ смѣлый воинъ и всѣ мы отдаемъ ему эту честь!

— Османъ! Османъ!—вырвалось душу раздирающимъ крикомъ изъ груди Солимана,—я знаю, ты покоишься здѣсь, подъ этимъ бѣлымъ покрываломъ! — И онъ приблизился къ мертвецу; рука его, которую онъ протянулъ къ покрову, чтобы сдернуть его, сильно дрожала.

Симба продолжалъ:

— Мужайся, Солиманъ! Вѣдь ты мужчина и воинъ, посѣдѣвшій въ бояхъ! Тебѣ-ли падать духомъ? Ты самъ хотѣлъ этой войны, а война всегда требуетъ жертвъ!

И Солиманъ собрался съ духомъ. Твердой рукой откинулъ онъ покровъ и долго смотрѣлъ на безжизненное, но прекрасное лицо своего любимца; смотрѣлъ долго-долго, и слезы катились по его щекамъ, но затѣмъ онъ съ горечью воскликнулъ:

— Я давалъ клятву твоей матери, что буду беречь тебя, какъ зеницу ока, и допустилъ тебя идти на вѣрную гибель и смерть! Прости мнѣ это безуміе! Мой смѣлый, мой отважный Османъ! Прости, что я не съумѣлъ удержать твой юношескій пылъ, что уступилъ твоимъ мольбамъ, твоему воинственному задору!

При этомъ онъ взялъ руку умершаго и долго держалъ ее въ своихъ, молча опустивъ глаза въ землю.

— Теперь клянусь тебѣ, Османъ, ты будешь отомщенъ! Я не покину этихъ мѣстъ прежде, чѣмъ не обращу въ прахъ

и пепелъ селенья и деревни Вавенди! Какъ я теперь горюю по тебѣ, такъ будутъ горевать сотни отцовъ о своихъ убитыхъ сыновьяхъ, сотни матерей оплакивать своихъ погибшихъ дѣтей! Да, Османъ, клянусь тебѣ всемогущимъ Аллахомъ, ты будешь отомщенъ!

Затѣмъ онъ накрылъ мертвеца покровомъ и, гордо поднявъ голову, бросилъ Симбѣ взглядъ, полный непримиримой ненависти и вражды.

— Прими мою благодарность, Симба, за то,—произнесъ онъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ,—что ты отдалъ мнѣ его тѣло, а не бросилъ его на пищу коршунамъ и гіенамъ. Прими же мою благодарность за это и иди къ твоему названному брату! Но берегись меня, Симба, знай, гдѣ бы я тебя ни встрѣтилъ, я буду стараться убить тебя; буду подстерегать тебя, какъ охотникъ подстерегаетъ леопарда; буду неутомимо идти по твоему слѣду, потому что съ этого момента мы съ тобой смертельные враги!

— Солиманъ, — возразилъ на это Симба, — проклятіе за проклятіемъ призываешь ты на свою голову этими словами! Милосердый Богъ не приметъ твоей клятвы и не допуститъ, чтобы ты могъ ее исполнить. Подъ его всесильной охраной я чувствую себя въ полной безопасности и не боюсь ни тебя, ни твоихъ сообщниковъ. Даю тебѣ добрый совѣтъ, Солиманъ: удались скорѣе изъ страны Вавенди, потому что здѣсь бѣда за бѣдой и напасть за напастью будутъ преслѣдовать тебя на каждомъ шагу. Теперь мнѣ достовѣрно извѣстны твои намѣренія, но помни, что если ты встанешь на моемъ пути, то я съумѣю сразить тебя. Я такъ же далъ клятву, клятву охранять и защищать друзей моихъ Вавенди и быть имъ вѣрнымъ другомъ и братомъ и въ радости, и въ горѣ, и въ счастьѣ, и въ несчастьѣ, и сдержу свою клятву, какъ живъ Богъ, Который Самъ поможетъ мнѣ въ этомъ! Друзья Вавенди—мои друзья, и враги ихъ,—мои враги!—добавилъ онъ и повернулся, чтобы идти въ гору, но вдругъ остановился и еще разъ обратился къ Солиману:

— Прими и ты мою благодарность, Солиманъ, за то, что

оказалъ мнѣ великую услугу, быть можетъ, самъ того не подозрѣвая: за то, что ты переманилъ къ себѣ тѣхъ изъ моихъ людей, которые были склонны къ измѣнѣ и предательству! Но остерегайся продолжать далѣе эту коварную игру. Я—не безправный негръ, я стою подъ высокимъ покровительствомъ Занзибарскаго султана, и шейхъ Удшидши съумѣетъ поговорить съ тобой, если я захочу ему пожаловаться на тебя!

Солиманъ отвѣчалъ на это злобнымъ хохотомъ.

— О, шейхъ Удшидши!—воскликнулъ онъ,—я самъ съумѣю навязать его тебѣ на шею. Я знаю, что ты скрываешь тамъ, въ этотъ орлиномъ гнѣздѣ того раба, который бѣжалъ отъ меня; онъ—моя собственность, и ты укралъ его у меня. Я скажу объ этомъ шейху Удшидши, и всѣ арабы, какъ одинъ человѣкъ, возстанутъ на тебя и ты станешь безправнымъ въ этой странѣ. Только въ горахъ и ущельяхъ будешь ты влачить свое жалкое существованіе, подобно друзьямъ твоимъ, проклятымъ псамъ Вавенди! А когда истощатся твои запасы, когда ты израсходуешь свой порохъ и пули, тогда, Симба, ты попадешь ко мнѣ въ руки: я заморю тебя здѣсь голодомъ до тѣхъ поръ, пока ты спустишься внизъ, въ долину, вымолить кусокъ хлѣба и сдаться мнѣ на мою милость или кару.

Какую радостную новость сообщилъ ему, самъ того не подозрѣвая, Солиманъ! Симба думалъ, что въ эту ночь врагу его удалось схватить Лео, и считалъ друга своего и прежняго слугу безвозвратно погибшимъ, а теперь изъ словъ самого Солимана ясно, что Лео еще не пойманъ, что надежда найти его еще не потеряна для Симбы.

Слѣдовало, во что бы то ни стало, поддержать въ Солиманѣ увѣренность въ томъ, что Лео дѣйствительно скрывается теперь въ тэмбе Мудимы, и потому Симба не сталъ возражать Солиману на это, а только коротко замѣтилъ:

— Языкомъ я не люблю сражаться, Солиманъ! О человѣкѣ судятъ лишь по его поступкамъ и дѣламъ, а не по словамъ. Какъ извѣстно, кто много обѣщаетъ, тотъ мало

исполняетъ, кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаетъ! — И Симба сталъ подниматься въ гору, Сузи и его негры послѣдовали за нимъ.

Неужели гнѣвъ Солимана такъ скоро прошелъ?—Около полудня, — вся его грозная „*Армада*“ покинула берега залива Лувулунгу и двинулась къ Удшидши. Какъ мало было похоже это возвращеніе флота Солимана на торжественное прибытіе въ бухту Лувулунгу! Тогда Солиманъ возвѣстилъ о себѣ громкимъ выстрѣломъ изъ единственнаго орудія, виданнаго когда-либо на берегахъ Танганайки; теперь онъ уходилъ молча, тихо и незамѣтно. На „*Змѣѣ*“ былъ теперь покойникъ: Солиманъ сознавалъ, что онъ разбитъ. Погибни двадцат человѣкъ изъ его отборныхъ воиновъ, онъ не призналъ бы себя побѣжденнымъ, но смерть Османа сразила его.

Онъ не позволилъ схоронить его тамъ, на берегу; нѣтъ, онъ увозилъ его въ Удшидши, желая показать это мертвое тѣло всѣмъ арабамъ на площади Удшидши.

— Смотрите!—хотѣлъ онъ воскликнуть, — Симба убилъ одного изъ нашихъ братьевъ! И за что?—За то, что Османъ хотѣлъ отнять у него, изъ его берлоги, бѣжавшаго у меня раба, который скрывается въ тэмбѣ Мудимы. Онъ и теперь еще находится тамъ, подъ защитою двухъ названныхъ братьевъ. Друзья мои! Неужели вы попустите безнаказанно совершать такія дѣла? Неужели и здѣсь долженъ водвориться тотъ же новый порядокъ, благодаря которому мы изгнаны теперь съ береговъ Нила и области Занзибара? Можемъ ли мы позволить, чтобы каждый бѣлый, явившійся сюда, оказывалъ покровительство бѣглымъ рабамъ и укрывалъ ихъ у себя! Берегитесь, друзья арабы съ береговъ Танганайки! Берегитесь, говорю вамъ. Симба вооружаетъ негровъ противъ насъ; онъ снабжаетъ ихъ порохомъ и оружіемъ; онъ поведетъ ихъ войной на насъ и станетъ здѣсь властелиномъ, а вы—его рабами!

— Взгляните на этого мертвеца! Его убилъ Симба! Если вы не бабы, то снаряжайте свои суда и пойдемъ вмѣстѣ со мной

войной на Симбу и проклятыхъ негровъ Вавенди! Взгляните на него, на этого убитаго! Кровь его вопіетъ о мщеніи!!

Такъ хотѣлъ онъ обратиться къ своимъ единоплеменникамъ въ Удшидши и былъ увѣренъ, что всѣ они подымутся, какъ одинъ человѣкъ, и пойдутъ войной на его враговъ. А тогда тэмбе Лугери должно пасть, а горное гнѣздо Мудимы должно будетъ сдаться отъ голода. Тогда гордый, надмѣнный Симба попадетъ въ его руки. Иначе не могло быть. Да, но Солиманъ не подумалъ о томъ, что арабы завидовали ему и втайнѣ радовались его пораженію. Онъ не допускалъ возможности, что большинство изъ нихъ отвернется отъ него и осыпетъ его насмѣшкой и презрѣніемъ. Развѣ не могли они отвѣтить ему:

— Почему-же ты, Солиманъ, отправился въ горы съ такими запасами пороха и пуль, съ такимъ множествомъ воиновъ для того только, чтобы изловить Лео? Не втирай намъ очки? Не разсказывай сказки! Что намъ за нужда доставать для тебя каштаны изъ огня; у насъ свои дѣла и свои интересы. Каждый изъ насъ охотится самъ для себя! Пускай твое несчастье послужитъ тебѣ урокомъ, Солиманъ: будь осторожнѣе въ другой разъ, а на насъ не разсчитывай!

Да, если бы Солиманъ могъ разсуждать спокойно, онъ, вѣроятно, самъ сказалъ бы себѣ, что его братья и единоплеменники издавна имѣли привычку покидать въ нуждѣ своихъ ближнихъ и братьевъ. Но горе лишило его разсудка, и онъ дѣйствовалъ исключительно подъ вліяніемъ своихъ чувствъ, а отнюдь не своего разсудка или здраваго смысла, не принимая во вниманіе, что его чувства легко могли ввести его въ заблужденіе.

Онъ приказалъ теперь немедленно двинуться въ путь и выдти изъ залива Лувулунгу, не взирая на ропотъ вадшидши, которые указывали на небо, увѣряя, что видятъ на горизонтѣ несомнѣнные признаки близкой непогоды. Но Солиманѣ не видѣлъ ничего, кромѣ безоблачнаго неба и легкой дымки тумана, и повторилъ еще разъ свое приказаніе не-

медленно сниматься съ якоря и выходить въ открытое озеро. Вадшидши продолжали роптать:

— Онъ оскорбилъ сегодня Муциму! Онъ вызывалъ его, и Муциму гнѣвается. Поплывемъ какъ можно ближе къ берегу вѣдь, мы идемъ прямо на встрѣчу бурѣ!

„Лѣнтяй“ плылъ у самаго берега, вмѣстѣ съ двумя остальными судами; только „*Змѣя*“, которой камандовалъ самъ Солиманъ, далеко ушла въ озеро и быстро неслась на всѣхъ парусахъ по синимъ волнамъ громадной водяной равнины.

— Смотри, какъ почернѣла вода, — сказалъ капитанъ „*Лѣнтяя*“,— я хорошо знаю, что это означаетъ — „Будь остороженъ и береги мое судно“,—говорилъ мнѣ господинъ мой, шейхъ Махометъ. — Знаете, ребята, мы возьмемъ курсъ на Ндэрее и тамъ пробудимъ, пока не пройдетъ буря? Заливъ прекрасно защищенъ, а тамъ намъ нечего опасаться. Вѣдь, нашъ „*Лѣнтяй*“ не такой проворный, какъ „*Змѣя*“, и не вынесетъ, если сердитыя волны станутъ слишкомъ бурно ударяться о его бока. Его шпангоутъ такъ же дряблъ, какъ и ребра того злополучнаго судна, которое теперь отдыхаетъ навсегда отъ всѣхъ своихъ трудовъ тамъ, на берегу, у залива Лувулунгу.

Всѣ воины и гребцы одобрили разумную рѣчь капитана. Никто изъ нихъ не хотѣлъ рисковать жизнью на волнахъ бурнаго озера, которое теперь уже начинало волноваться. Да къ тому-же, какая нужда была такъ спѣшить обратно въ Удшидши?

— Смотрите „*Лѣнтяй*“ пошелъ къ Ндэрее—воскликнули гребцы на двухъ остальныхъ баркахъ.—Это въ самомъ дѣлѣ разумная мысль; тамъ мы можемъ переждать, пока Муциму сведетъ свои счеты съ Солиманомъ!—и оба судна послѣдовали примѣру „*Лѣнтяя*“; гребцы приналегли на весла, чтобы скорѣй добраться до тихой бухты. Не смотря на полное затишье, тамъ, на сѣверѣ, поднималась темная, грозная туча; точно каменная стѣна, выроставшая изъ воды все выше и

выше. И вотъ уже изрѣдка на темномъ фонѣ этой грозовой тучи, стали вздрагивать огненные зигзаги молній.

Вскорѣ прибой у Кабого сталъ раскатистѣй и громче.

— Уу! Буря уже добралась до Кабого!—крикнули рыбаки гребцы, — смотрите, какъ онъ спѣшитъ. Смотрите, видите, „Змѣю“ ужъ захватилъ ураганъ. Впередъ, ребята, впередъ! еще тысяча шаговъ, не больше, — и мы будемъ у берега!

И работа закипѣла; заливъ былъ уже близко, когда первые мощные порывы бурнаго вѣтра налетѣли, закрутили и запѣнили воду.

Но до вершинъ горъ Кунгве не долетѣла буря, разыгравшаяся надъ озеромъ: черный флагъ Симбы едва примѣтно колыхался надъ его хижиной. На этотъ разъ, кромѣ флага надъ домомъ Симбы, торчали еще высоко въ воздухѣ надъ домомъ Мудимы на высокихъ шестахъ двѣ мертвыхъ головы. Это были облѣпленныя мухами головы Ферaджи и Ибрагима,—трофеи побѣды Вавенди. Голова Османа также должна была-бы красоваться тутъ же, но Симба настоялъ на томъ, чтобы тѣло отважнаго молодого воина было возвращено Солиману не тронутымъ.

Изъ дома Мудимы, куда внесли и положили раненаго Инкази, вышли теперь Симба и Мудима.

— Не отчаявайся, Мудима, — сказалъ Симба, — онъ теперь заснулъ, а это добрый признакъ: онъ молодъ и силенъ, въ немъ много силы и здоровья; онъ еще, быть можетъ, оправится!

Мудима молча кивнулъ головою, а затѣмъ, указавъ рукою къ сѣверу, сказалъ:

— Смотри, Симба, Муциму выплываетъ изъ озера!

Нельзя было болѣе картинно и вмѣстѣ вѣрно опредѣлить приближеніе бури въ томъ видѣ, какимъ оно представлялось отсюда, съ этой высоты. Казалось, что темныя грозовыя тучи выплывали прямо изъ подернутыхъ дымкой тумана, какъ бы дымящихся водъ Танганайки. Одаренный извѣстной долей воображенія человѣкъ могъ легко различить извѣстные образы и очертанія въ клубахъ разорван-

ныхъ тучъ. Точно громадная голова великана, вздымались надъ горизонтомъ верхнія облака; подъ ними клубились темныя массы тучъ, точно могучій торсъ великана, а вправо и влѣво, точно два огненныхъ крыла, раскинулись ярко освѣщенныя солнцемъ серебристо сѣрыя волокнистыя облака надъ самымъ озеромъ. Подобно развѣвающимся покровамъ тянулись по горизонту остальныя обрывки тучъ и облаковъ, то сцѣпляясь, то отрываясь и исчезая въ общей массѣ.

— Смотри! смотри! Онъ выплываетъ!—воскликнулъ Мудима,—онъ схватитъ своими мощными руками „Змѣю". Вонъ она виднѣется тамъ, точно бѣлое перышко на волнахъ. Она далеко отъ берега,—и ей нѣтъ спасенія. О, Солиманъ, Муциму гнѣвается на тебя! Онъ мечетъ молніи! Спасибо тебѣ, Муциму, что ты караешь этихъ нечестивыхъ арабовъ!

Симба, точно прикованный, смотрѣлъ вдаль. Дѣйствительно, было что-то сверхъестественное въ проявленіи этихъ разбушевавшихся стихій. То была буря, какой онъ еще не разу въ жизни не видалъ. Солнце еще освѣщало своими лучами облака, подоспѣвавшія къ главной массѣ черныхъ тучъ, особенно ярко выдѣлялся ихъ свинцово-черный цвѣтъ. Грозныя огненныя стрѣлы молній ежеминутно прорѣзывали эту черную почти сплошную массу, а тамъ, гдѣ уже выпадалъ дождь, тамъ казалось, что Танганайка вздымалась къ самымъ небесамъ, а на гребнѣ этого грознаго пѣнящагося вала, точно орѣховая скорлупка, виднѣлась „Змѣя". Симба навелъ туда свою зрительную трубу, но было уже поздно, чтобы разсмотрѣть; онъ видѣлъ только, что „Змѣя" вдругъ безслѣдно скрылась въ пѣнѣ ужаснаго водоворота.

— Онъ погибъ!—воскликнулъ Мудима ликующимъ голосомъ,—погибъ несомнѣнно!

Въ этотъ самый моментъ и надъ вершинами горъ Кунгве разразился ураганъ и гроза. Сузи едва только успѣлъ спустить и убрать черный флагъ Симбы, иначе буря сорвала бы его и унесла, Богъ вѣсть куда, въ озеро Танганайку. Тучи заволокли теперь все небо и заслонили солнце, а тяжелыя, крупныя капли дождя начали падать на землю. Всѣ жители

тэмбе спѣшили укрыться въ своихъ хижинахъ, гдѣ они могли разсчитывать, что будутъ хоть сколько нибудь защищены отъ разразившагося теперь сильнаго ливня.

До глубокой ночи неистовствовала и бушевала гроза: настала Мафика, т. е. дождливая пора года.

XI. Послѣ бури.

Разрушеніе судовъ. — Предательская семья обезьянъ. — Потайная лодка и Мабруки.—Коршуны на островѣ Муциму.—Посѣщеніе Лео.—Жилище Муциму.—Гибель „Змѣи“.—Старая Шооль.—Блеклые листья.

— Видишь,—сказалъ Мудима обращаясь къ Симбѣ,—Муциму окончилъ свой полетъ надъ родной стихіей! Тамъ, на сѣверѣ, выплылъ онъ со дна озера, а теперь тамъ, въ южномъ углу Танганайки, уходитъ опять на дно своего царства!

Это было на слѣдующее утро послѣ бури, когда остатки разорванныхъ тучъ замѣтно таяли и точно уходили въ волны на южной части горизонта, а все остальное небо было уже безоблачно и ясно.

— Ты хочешь отправиться туда, на островъ Муциму, и отыскать твоего Лео, — продолжалъ старикъ, — да, теперь ты смѣло можешь это сдѣлать, потому-что „Змѣя“ Солимана, навѣрное, не вынесла этой бури: я навѣрно знаю; я родился, выросъ и состарѣлся на Танганайкѣ и знаю, что когда могучій духъ озера такъ гнѣвается, какъ въ эту ночь, тогда онъ губитъ всѣ суда, находящіяся на его волнахъ. Помни только одно, Симба, если ты ступишь на островъ Муциму, не забудь принести ему жертву!

— Не безпокойся, братъ мой,—отвѣчалъ Симба,—я никогда не сдѣлаю ничего такого, за что ваше божество стало бы гнѣваться на Вавенди!— и, пожавъ руку своему названному брату, онъ въ сопровожденіи Сузи спустился внизъ къ заливу Лувулунгу.

Здѣсь, на берегу, лежала ладья, нанятая Сузи въ Удшидши, а также и челнокъ Инкази, знаменитая „Стрѣла“.

— Мы возьмемъ „Стрѣлу“,—сказалъ Симба,—а эта грузная, неповоротливая ладья только затруднитъ насъ.

— И я такъ думаю, господинъ!—отозвался Сузи и старательно принялся сталкивать въ воду челнокъ Инкази.

— Стой! — крикнулъ Симба, — эти разбойники привели его въ негодность! Смотри, какую дыру они пробили въ немъ! Впрочемъ, намъ и слѣдовало ожидать, что капитанъ „Змѣи“ никогда не проститъ „Стрѣлѣ“ своего пораженія! Ну, дѣлать нечего, придется мириться и съ этимъ неповоротливымъ увальнемъ! Спускай ее на воду, Сузи!

Сузи послушно направился къ громадной ладьѣ и осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ. — Господинъ, — крикнулъ онъ,—и это судно приведено въ негодность: смотрите, у него киль проломленъ въ двухъ мѣстахъ!

— Въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ Симба, осматривая, въ свою очередь, громоздкую ладью, законтрактованную для него въ Удшидши,—Солиманъ умѣетъ мстить! Прежде чѣмъ удалиться, онъ уничтожилъ весь нашъ флотъ!

— На починку нашихъ судовъ потребуетсл не мало времени,—жалобно сѣтовалъ Сузи,—придется вернуться опять на верхъ за разными орудіями! Какъ видно, сегодня намъ съ вами не побывать на островѣ.

Симба все еще продолжалъ разглядывать поврежденія.

— Что пользы разглядывать?—промолвиль Сузи—дыры громадныя: ихъ не заткнешь ничѣмъ! Впрочемъ, надо еще сказать спасибо Солиману, что онъ не увелъ съ собой наши суда!

Съ минуту Симба стоялъ въ задумчивости, какъ бы соображая что-то, затѣмъ радостно воскликнулъ:

— Слушай, Сузи! Я знаю еще одну лодку; она запрятана тамъ, въ потайной бухтѣ! Надо полагать, что люди Солимана не съумѣли розыскать ее!

И они проворно зашагали вдоль берега до того мѣста, гдѣ узкій проливъ соединялъ бухту съ озеромъ Танганайка.

Дойдя до устья этого пролива, Симба невольно остановился: на вѣтвяхъ, низко нависшихъ надъ водою деревьевъ, весело забавлялась цѣлая семья обезьянъ.

Почтенный „отецъ семейства“ усѣлся на одномъ изъ болѣе крупныхъ и надежныхъ суковъ, повыше остальныхъ, и серьезно смотрѣлъ на веселую возню своей многочисленной семьи. Нѣсколько самокъ и цѣлая куча молодыхъ рѣзвились и забавлялись, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, или перебѣгали взадъ и впередъ по большому толстому стволу, лежавшему въ водѣ у самаго берега. Они отламывали отъ него прутья и срывали пласты мха, которыя затѣмъ кидали въ воду и чрезвычайно радовались, глядя, какъ эти маленькіе кусочки и вѣточки купались и ныряли на мелкой зыби залива.

Однако, стволъ этотъ показался знакомъ Симбѣ, и чѣмъ больше онъ приглядывался къ нему, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что шаловливыя обезьянки разрушаютъ искусственное произведеніе Инкази, его потайной челнокъ. Наконецъ, произошло нѣчто такое, что разомъ положило конецъ всѣмъ его сомнѣніямъ. Одинъ изъ самыхъ здоровенныхъ и бойкихъ дѣтенышей, крупный и бойкій парень обезьяньяго рода, возился у верхняго конца ствола и, очевидно, замѣтилъ тамъ щелку, въ которую тотчасъ-же, со свойственнымъ всей его породѣ любопытствомъ, засунулъ лапу и убѣдился, что верхнюю часть ствола можно слегка приподнять. Онъ долгое время раздумывалъ и осматривалъ этотъ стволъ со всѣхъ сторонъ, точно опытный плотникъ, пока, наконецъ, въ головѣ его не созрѣлъ извѣстный планъ, который онъ тутъ же съ удивительной быстротой привелъ въ исполненіе. Принявъ возможно удобное для себя положеніе, онъ обѣими передними лапами ухватилъ крышку и разомъ опрокинулъ ее, такъ что большая часть обезьяньяго общества полетѣла въ воду. Эта неожиданная ванна, которую пришлось принять его товарищамъ, повидимому, ужасно радовала веселаго парнишку, но при этомъ онъ совершенно забылъ, что надъ нимъ царитъ высшая власть родителя. Дѣйствительно, въ тотъ моментъ, когда онъ менѣе того ожидалъ, „отецъ семейства“ очутился у него за спиной и надѣлилъ его сперва здоровой затрещиной, затѣмъ принялся трепать

его самымъ наставительнымъ образомъ. Только благодаря вмѣшательству Симбы прекратилось это проявленіе родительской строгости,— и вся гурьба съ визгомъ разбѣжалась въ одно мгновеніе.

Сегодня Симба не смѣялся надъ забавною дракой и проказами обезьянъ, всегда смѣшившей его; его занимали теперь гораздо болѣе серьезныя мысли. Вѣдь, этотъ потайной челнокъ былъ запрятанъ въ глубинѣ тихой бухты, и, какъ онъ отлично помнилъ, крѣпко привязалъ къ кустамъ, росшимъ на берегу. Какимъ же образомъ могъ онъ очутиться здѣсь? Буря не могла оторвать его, да и обезьяны врядъ-ли съумѣли-бы совершить такое дальнее плаваніе на этомъ челнокѣ.

Можетъ быть, люди Солимана, обыскивая тихую бухту, случайно увидѣли этотъ челнокъ и сволокли его сюда. Если такъ, то они, вѣроятно, догадались, что этотъ древесный стволъ въ сущности потайной челнокъ и, быть можетъ, привели и его въ негодность. Симба хотѣлъ теперь убѣдиться, можетъ-ли этотъ маленькій челнокъ вмѣстить двухъ человѣкъ; съ этою цѣлью онъ вошелъ въ него,—и вдругъ ему бросился въ глаза маленькій блестящій предметъ на днѣ лодочки. Онъ нагнулся, чтобы по ближе разглядѣть его, и убѣдился, что это одна изъ тѣхъ металлическихъ пуговицъ, какія имѣли на своихъ рубашкахъ негры его экспедиціи.

Какъ могла очутиться здѣсь эта пуговица?—Прежде всего у Симбы явилась мысль, что Ферадҗи хотѣлъ воспользоваться этой лодкой, но затѣмъ онъ вспомнилъ, что, вѣдь, Ферадҗи былъ убитъ стволомъ тамъ, въ ущельѣ подъ тайнымъ ходомъ. Но вдругъ ему стало ясно: вѣдь, кромѣ Ферадҗи, бѣжалъ еще и Мабруки, и его при нападеніи на крѣпость Мудимы не досчитывались въ числѣ нападающихъ. Вѣроятно, во время бѣгства стрѣлковъ Солимана изъ злополучнаго ущелья, онъ побоялся пристать къ нимъ изъ опасенія, что Солиманъ припишетъ неудачу предпріятія этимъ измѣнникамъ и, такъ какъ Ферадҗи былъ убитъ, то выместитъ весь свой гнѣвъ на немъ, на Мабруки.

Въ виду всего этого, этотъ трусъ скрылся здѣсь у тихой бухты и затѣмъ намѣревался воспользоваться этой потайной лодкой для бѣгства. Придя къ этому убѣжденію, Симба тщательно изслѣдовалъ берега тихой бухты и, къ немалому своему удивленію, нашелъ на мокромъ пескѣ прибрежья совершенно свѣжій слѣдъ негра. Значитъ, Мабруки былъ гдѣ-нибудь здѣсь, по близости!

Онъ хотѣлъ было позвать Сузи, какъ вдругъ услышалъ за собой громкій возгласъ „Мабруки!“ и вслѣдъ за тѣмъ одинъ за другимъ два выстрѣла.

Симба кинулся къ тому мѣсту, откуда раздались выстрѣлы, и очутился лицомъ къ лицу съ Сузи, который преспокойно заряжалъ свое ружье.

— Что это было, Сузи?—спросилъ онъ, запыхавшись отъ быстраго бѣга.

— Этотъ негодяй промахнулся,—равнодушно отвѣтилъ негръ,—а я угодилъ ему прямо въ сердце. Вонъ онъ тамъ, подъ кустомъ, растянулся. Что онъ готовъ, за это я ручаюсь, господинъ. А теперь пойдемте дальше. Что время-то даромъ терять?!

— Какъ это вышло, что ты съ нимъ повстрѣчался,—спросилъ Симба,—вѣдь, я шелъ впереди тебя?!

— Онъ прямо побѣжалъ на меня; вѣроятно, онъ увидѣлъ васъ и, полагая, что вы одни, наскочилъ прямо на меня. Теперь ничто не мѣшаетъ намъ: мы порасчистили себѣ дорожку! — добавилъ Сузи и безпечно закинулъ ружье за плечо.

Симба молча двинулся къ тихой бухтѣ, а Сузи слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

Оказалось, что потайная лодка Инкази цѣла,—и вскорѣ Симба и Сузи очутились на озерѣ, тихомъ и спокойномъ, какъ зеркало. Отъ страшной бури прошедшей ночи не оставалось и слѣда.

Симба искалъ на гладкой поверхности озера какого-нибудь паруса, ожидая увидѣть одно изъ судовъ Солимана или, быть можетъ, даже и самую „*Змѣю*“, но гордая армада Со-

лимана исчезла безслѣдно,—и маленькій потайной челнокъ Инкази безпрепятственно достигъ острова Муциму.

— Развѣ здѣсь водятся коршуны, на этомъ маленькомъ островкѣ?—освѣдомился Сузи, указывая рукой на одно мѣсто на самомъ берегу, гдѣ, дѣйствительно, собралась цѣлая стая этихъ хищныхъ птицъ.

— Они, какъ видно, за дѣломъ,—продолжалъ онъ,—развѣ здѣсь водятся такія крупныя животныя, что цѣлыя стаи этихъ отвратительныхъ птицъ собираются сюда для своихъ трапезъ!

Лодка направлялась какъ разъ къ этому мѣсту берега.

— Господинъ!—воскликнулъ вдругъ испуганно Сузи,—смотрите, вѣдь это человѣческій трупъ! На него и насѣли эти птицы! Ужъ не Лео-ли это?

И, точно по безмолвному соглашенію, оба они приналегли на весла и погнали лодку, что было мочи; вскорѣ они уже настолько приблизились къ острову, что Симба могъ дать выстрѣлъ по коршунамъ, чтобы спугнуть ихъ.

Эхо, вѣроятно, впервые повторило глухой раскатъ выстѣла въ маленькомъ лѣску священнаго острова. Грузно подымаясь вверхъ, громадные коршуны разлетѣлись во всѣ стороны, тяжело размахивая большими крыльями. Немного спустя Сузи и Симба стояли надъ мертвымъ тѣломъ, распростертомъ на берегу. Лица нельзя было уже узнать, до того оно было обезображено, но по ярко красному тюрбану, зеленой затканной золотомъ одеждѣ и богато изукрашеннымъ пожнамъ кинжала, не трудно было угадать, кто былъ покойный.

Трупъ Солимана лежалъ на берегу, выброшенный волнами на съѣденіе коршунамъ.

— „Змѣя“ погибла, очевидно,—прошепталъ Симба,—Мудима былъ правъ!

— Какая радость, господинъ, —воскликнулъ Сузи,—смертельный врагъ нашъ умеръ! Страна свободна отъ него,—и путь свободенъ! Крѣпости Мудимы не грозитъ голодъ, и намъ не придется спускаться къ устью Лувулунгу, чтобы

вымолить кусокъ хлѣба у того, который самъ теперь лежитъ здѣсь на берегу и служитъ пищей для жадныхъ коршуновъ.

Почему же Симба не принималъ участія въ этой радости своего вѣрнаго слуги? Онъ стоялъ мрачный и задумчивый, неподвижно, точно каменное изваяніе. Въ этотъ моментъ онъ вовсе не думалъ о себѣ; онъ думалъ только, что и здѣсь, въ дальней Африкѣ, существуетъ та-же могучая карающая длань, которая теперь тяжело опустилась на Солимана. Этотъ человѣкъ, на совѣсти котораго лежали жизнь и счастье тысячъ бѣдныхъ негровъ, встрѣтилъ теперь самъ страшный конецъ въ волнахъ разъяреннаго озера; жизненный путь его былъ пройденъ, и теперь онъ стоялъ передъ судомъ вѣчнаго, нелицепріятнаго Судьи. Симба чувствовалъ глубокое сожалѣніе къ несчастному, и въ душѣ его невольно слагалась молитва за него, за своего смертельнаго врага.

— Пусть онъ останется здѣсь, господинъ,—сказалъ, наконецъ, Сузи, которому наскучало ждать,—у насъ есть съ вами болѣе важное дѣло: намъ надо отыскать нашего бѣглеца. Ей, Лео! Лео! Лео!—крикнулъ онъ во всю мочь и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, въ кусты.

Этотъ громкій призывъ вывелъ Симбу изъ задумчивости,— и, слѣдуя примѣру Сузи, онъ крикнулъ въ свою очередь: „Лео! Лео!“

Когда они успѣли уже значительно удалиться отъ того мѣста, куда озеро выбросило несчастную жертву вчерашней бури, то услышали надъ своими головами тяжелые взмахи крыльевъ. Самый смѣлый изъ стаи коршунъ возвращался къ прежнему мѣсту, за нимъ слѣдовали вскорѣ и другіе. Надъ тѣломъ Солимана ужъ снова собралась и кружилась, точно темная туча, стая коршуновъ, спускавшаяся все ниже и ниже надъ трупомъ. Наконецъ, одинъ изъ хищниковъ съ шумомъ опустился на сосѣднее дерево, какъ бы подавая тѣмъ знакъ остальнымъ сдѣлать то же. Со всѣхъ сторонъ слышались тяжелые размахи крыльевъ, трескъ сухихъ вѣтокъ; громадныя птицы съ распростертыми крыльями какъ-то разомъ спускались на деревья, чтобы сѣсть тутъ или тамъ на суку.

И вотъ одинъ громадный коршунъ камнемъ слетѣлъ на землю и, расправивъ крылья, съ вытянутою впередъ шеей, устремился на свою жертву.

Еще минута,—и на томъ мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно стояли Симба и Сузи, теперь не было ничего видно кромѣ громадной копошащейся, крикливой черной кучи; поминутно слышались удары мощныхъ крыльевъ, жадные коршуны толпились, тѣснились и сгоняли другъ друга, судорожно вцѣпляясь когтями и неистово работая клювомъ.

Надъ ними въ воздухѣ стоялъ шумъ, гомонъ и рѣзкій каркающій звукъ сотни хриплыхъ, злобныхъ голосовъ, напоминающихъ скрежетъ и хохотъ.

Таковъ былъ конецъ гордаго, надменнаго и самоувѣреннаго Солимана, этого безсердечнаго и безжалостнаго работорговца; таковы были похороны, какія готовитъ африканская глушь своимъ мертвецамъ!

И тутъ-же рядомъ гнѣздились добродушные робкіе ткачики; зеленоватые дикіе голуби ворковали въ верхнихъ вѣтвяхъ деревьевъ; крикливые, но безобидные попугайчики весело перепархивали съ дерева на дерево и съ куста на кустъ. Вокругъ яркихъ чашечекъ цвѣтовъ жужжа роились пчелы, а солнце лучезарно свѣтило съ высокихъ голубыхъ небесъ, изливая свои ласковые лучи на скорбь и радость, на жизнь и смерть.

Природа воспитываетъ человѣка, и онъ легко свыкается съ пестрымъ рядомъ картинъ, которыя она проводитъ передъ его глазами. Даже самое страшное становится со временемъ заурядным явленіемъ, а среди дикой природы и человѣкъ дичаетъ.

Вотъ почему и Симба въ этотъ моментъ нисколько не тревожился дальнѣйшей участью трупа Солимана. Онъ спокойно шелъ по берегу острова и звалъ:—„Лео! Лео“!

Но ни какой человѣческій звукъ не отвѣчалъ на его призывъ.

Тогда онъ сталъ спокойно заряжать свое ружье, думая при этомъ.

— Прости мнѣ, могучій Муциму, если я еще разъ позволю себѣ нарушить твой покой и тишину здѣшнихъ мѣстъ громкимъ выстрѣломъ. Но этотъ выстрѣлъ не принесетъ смерти ни одному живому существу: я не убью ни одной пташки, такъ довѣрчиво ютящейся на твоемъ зеленомъ островѣ; выстрѣлъ мой долженъ только возвѣстить радость и спасеніе несчастному бѣглецу, нашедшему здѣсь, у тебя, надежное убѣжище и защиту отъ страшнаго врага.

И вотъ надъ тихимъ, мирнымъ островомъ пронесся второй громкій выстрѣлъ, — и Симба вышелъ на открытое мѣсто образующее небольшой выступъ берега.

— Отсюда онъ скорѣе всего увидитъ насъ,—сказалъ бѣлый, обращаясь къ Сузи,—дай-ка и ты выстрѣлъ—другой— изъ своего ружья: надо дать понять Лео, что мы ищемъ его.

Съ равнымъ промежуткомъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ подъ рядъ.

— Это девятый,—сказалъ, наконецъ, Симба, — а девять священное число. Муциму навѣрно обратитъ вниманіе Лео на наши выстрѣлы!

— Ура! вы правы, господинъ!—крикнулъ Сузи,—вонъ онъ идетъ сюда! Онъ узналъ насъ! Смотрите, какъ онъ спѣшитъ къ намъ!.

Симба мигомъ вскочилъ на ноги и бѣгомъ побѣжалъ на встрѣчу негру.

— Бѣлая Борода!

— Лео!

Съ этими словами бѣлый и негръ упали въ объятія другъ друга, и долго оставались такъ. Неизъяснимое чувство наполняло ихъ души,—и это было весьма понятно.

При встрѣчѣ съ другомъ дѣтства или другомъ молодости въ одной изъ оживленныхъ улицъ города, гдѣ толпятся сотни и тысячи людей, мы останавливаемся, пораженные необъяснимо радостнымъ чувствомъ, потому только, что не ожидали встрѣтить этого друга здѣсь; хотя всѣ мы въ цивилизованныхъ странахъ такъ легко переносимся съ помощью пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ на многія сотни верстъ въ

самое короткое время, тѣмъ не менѣе смотримъ на такую встрѣчу, какъ на чудо, и радуемся ей, какъ чѣму то совершенно невѣроятному.

Что же должны были испытывать въ первые моменты встрѣчи эти друзья, встрѣтившіеся въ глухихъ дебряхъ Африки, за тысячу миль отъ того мѣста, гдѣ они разстались навсегда? Они встрѣтились здѣсь среди совершенно чуждыхъ имъ племенъ на берегу еще почти никому неизвѣстнаго озера, въ странѣ, которой раньше не зналъ ни тотъ, ни другой изъ нихъ. Развѣ это не было странной, удивительной случайностью?

Нѣтъ, не странной случайностью называлъ это Симба: для него встрѣча съ Лео имѣла особое значеніе; онъ видѣлъ въ ней чудесный промыслъ Божій.

А въ душѣ Лео жило теперь иное чувство. Его надежда осуществилась: человѣкъ, на котораго онъ нѣкогда, въ странѣ Динка, взиралъ какъ на добраго генія, — человѣкъ этотъ не измѣнился съ годами, оставшись все тѣмъ же, и пришелъ теперь, какъ пришелъ бы тогда, — спасти его. Но не чувство радости о своемъ спасеніи наполняло теперь душу Лео; нѣтъ, одно только чувство безпредѣльной благодарности къ своему благодѣтелю испытывалъ онъ въ эти минуты.

И когда Симба выпустилъ его изъ своихъ объятій, Лео упалъ къ его ногамъ и обхватилъ его колѣни. Онъ не могъ выговорить ни одного слова, а только громко всхлипывалъ, какъ ребенокъ. Слезы радости и глубокаго умиленія стояли въ глазахъ Симбы, когда онъ поднялъ Лео съ земли.

Да, много, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда Лео и Симба вмѣстѣ сражались и боролись на берегахъ Газельей рѣки, но человѣкъ этотъ остался тѣмъ же: Симба—Левъ былъ все тотъ же Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце!

Сузи стоялъ немного поодаль, не рѣшаясь прервать это безмолвное привѣтствіе двухъ друзей. Но глаза его горѣли отъ радостнаго волненія. Вѣдь, и самъ онъ когда-то носилъ ярмо рабства и потому умѣлъ цѣнить доброту и ласку; въ этотъ моментъ онъ гордился своимъ господиномъ. Только

тогда, когда они всѣ трое уже сидѣли въ лодкѣ и плыли обратно по направленію къ крѣпости Мудимы, Лео могъ подробно разсказать Симбѣ происшествія послѣднихъ дней.

— Какъ могло случиться, что Солиманъ, обыскавшій весь этотъ островокъ вдоль и поперекъ, не могъ найти тебя?— спросилъ Симба.

— Этимъ я всецѣло обязанъ той милой дѣвушкѣ, которая пріѣзжала сюда въ то утро вмѣстѣ съ Инкази, такъ, кажется, зовутъ твоего друга!—сказалъ Лео.

— Той дѣвушкѣ?—удивленно переспросилъ Симба,—да развѣ Инкази былъ здѣсь не одинъ.

— Нѣтъ,—простодушно отвѣтилъ Лео,—съ нимъ была здѣсь какая-то дѣвушка, которая все время приставала къ нему, чтобы онъ показалъ ей Муциму. Инкази сначала упорно отказывался сдѣлать это. И только послѣ того, какъ онъ объяснилъ мнѣ, кто такое Муциму, и я торжественно обѣщалъ ему, что не сдѣлаю ничего такого, что могло бы оскорбить могущественнаго духа, покровительствующаго ему, и обѣщалъ самъ принести этому духу жертву, онъ, наконецъ рѣшился показать Муциму той дѣвушкѣ и мнѣ. Весь этотъ разговоръ мы вели съ нимъ на озерѣ, сидя въ его маленькой лодочкѣ, а затѣмъ опять пристали къ священному берегу острова, высадились на него и Инкази повелъ насъ къ громадному развѣсистому хлопчатнику, у котораго онъ осторожно вынулъ часть внѣшней коры, скрывавшую громадное дупло, и весьма искусно приставленную. Въ этомъ дуплѣ, которое хотя и не столь велико, какъ бываютъ дупла въ нашихъ *Мбую* *) въ Суданѣ, въ которыхъ могутъ укрываться въ непогоду цѣлыя стада овецъ, стояла громадная высѣченная изъ дерева фигура. Послѣдняя была, повидимому, очень старая, и Инкази разсказывалъ дѣвушкѣ, которую онъ называлъ Налотэрой, что это и есть Муциму, унаслѣдованный его отцомъ отъ его дѣда и котораго онъ, т. е. отецъ, завѣщалъ Инкази. По словамъ послѣдняго, это изо-

---

*) Мбую, или баобабъ—обезьянье дерево.

браженіе обладаетъ громадною силой и могуществомъ,—и въ качествѣ благодарной жертвы, онъ сложилъ къ его ногамъ всѣ съѣстные припасы, какіе только имѣлъ при себѣ.

— Ну, теперь ты видѣла Муциму,—сказалъ онъ,—пойдемъ!—и мы вышли изъ дупла.

Въ его лодкѣ было достаточно мѣста для насъ троихъ, но онъ увѣрялъ, что не можетъ взять меня теперь съ собою, потому что я неизбѣжно долженъ буду попасть въ руки Солиману, если попытаюсь днемъ добраться до жилища его отца.

— Но, Инкази,—сказала Налотэра,—вѣдь, мы можемъ сдѣлать большой крюкъ, обогнувъ суда Солимана, и пристать прямо у Лугери.

— Нѣтъ, это невозможно!—возразилъ тотъ.—Солиманъ, зорко подстерегаетъ его и непремѣнно будетъ слѣдить за нами, какъ-бы далеко мы не объѣхали его суда: у него на всемъ берегу разставлены сторожевые и лазутчики.

— Но если такъ,—сказала дѣвушка,—то онъ, вѣроятно явится и сюда, на этотъ островъ, и найдетъ этого бѣднаго человѣка.

— Весьма возможно, тогда Лео долженъ отъ него спрятаться!—сказалъ рѣшительно Инкази.—Придумалъ,—продолжалъ онъ, немного погодя,—я нашелъ средство, которое, навѣрное, спасетъ его. Мы сплетемъ тебѣ, Лео, изъ тростника и водорослей громадный шлемъ, который ты надѣнешь на голову, если явится Солиманъ, а самъ влѣзешь по горло въ воду и будешь смирно стоять въ тростникахъ: ни одна душа не найдетъ тебя.

И вотъ онъ съ Налотэрой сплели мнѣ такой шлемъ и заставили меня на пробу влѣзть по горло въ воду.

Когда я вышелъ изъ воды, Инкази былъ, очевидно, очень доволенъ, но Налотэра сказала:

— Но Инкази, если Солиманъ вздумаетъ пробыть на островѣ цѣлый день, тогда, вѣдь, этотъ бѣдный человѣкъ не въ состояніи будетъ выдержать все время въ водѣ!

То, что она сказала, казалось мнѣ весьма разумнымъ,

тѣмъ болѣе, что я видѣлъ крокодиловъ у берега; но Инкази гнѣвно нахмурилъ брови и крикнулъ.

— Онъ долженъ будетъ выдержать, потому что ничего другого не остается ему! Какъ и гдѣ ему иначе укрыться отъ нихъ?

— Лучше всего,—ласково возразила она,—было бы для него спрятаться въ жилищѣ Муциму: тамъ для него и мѣста много, и люди Солимана навѣрное не разыщатъ его.

Но Инкази совсѣмъ разсвирѣпѣлъ и сталъ кричать на Налотэру:

— Ты святотатствуешь, дѣвушка! Ни одно живое существо не можетъ обитать въ этомъ дуплѣ, кромѣ Муциму,— и я говорю тебѣ, Лео, если ты осмѣлишься укрыться тамъ отъ твоихъ враговъ, то самъ Муциму покараетъ тебя за это!

Дѣвушка, видя, что Инкази такъ ужасно разгнѣвался, совершенно притихла, а я обѣщалъ ему, если Солиманъ явится сюда спрятаться въ водѣ, но при этомъ усиленно просилъ его пріѣхать за мною въ эту же ночь. Онъ остался, повидимому, совершенно доволенъ, и оба они весело покинули островъ, обѣщая незабыть обо мнѣ.

Когда они уѣхали, и я остался опять совершенно одинъ на островѣ, то сталъ обдумывать все видѣнное и слышанное, и мнѣ стало совершенно ясно, что Инкази не вернется за мною въ эту ночь, потому что онъ хотѣлъ еще отвезти домой Налотэру и, вѣроятно, не особенно спѣшилъ вернуться въ отцовскій домъ.

Но дѣвушкѣ той я во всякомъ случаѣ былъ весьма благодаренъ, потому что только въ силу ея просьбъ и настояній я увидѣлъ прекрасное жилище Муциму. Когда ихъ лодка скрылась изъ виду, а голодъ сталъ нестерпимо мучать меня, я вспомнилъ о съѣстныхъ припасахъ, сложенныхъ Инкази къ ногамъ Муциму, и рѣшился воспользоваться ими.

Муциму не дотронулся еще ни до чего,—и я, прося у него извиненіе за свою дерзость, принялся поѣдать его припасы, а затѣмъ, основательно закрывъ искусно придѣланную висѣвшую дверку, расположился тутъ же у ногъ Муциму и

заснулъ крѣпкимъ сномъ, впервые послѣ многихъ безсонныхъ и тревожныхъ ночей.

Всю ночь я наблюдалъ за берегомъ, но никто не пріѣхалъ за мной, какъ я того и ожидалъ...

— Ахъ, Лео, Лео!—воскликнулъ Симба,—ты не правъ, другъ мой, Инкази, пріѣхалъ-бы со мной въ ту ночь на островъ, но онъ былъ раненъ на смерть и только это помѣшало ему исполнить его обѣщаніе. Но обо всемъ этомъ послѣ, а также и о томъ, почему ты ни однимъ словомъ не долженъ упоминать, что былъ въ жилищѣ Муциму, чтобы не огорчить этимъ моего друга Инкази, а теперь разсказывай дальше.

— По утру, какъ только разсвѣло,—продолжалъ негръ,—я увидѣлъ „*Змѣю*“ и замѣтилъ, что она приближается къ острову. Тогда я скрылся въ жилищѣ Муциму. Солиманъ и его люди обыскали каждый кустъ и каждый камень и пригорокъ, но меня не нашли. И кому я этимъ обязанъ, какъ не милой и доброй Налотэрѣ?!

Лео смолкъ, немного погодя, продолжалъ:

— Кромѣ того жилище Муциму укрыло меня отъ бури въ прошедшую ночь. Когда еще тучи начинали лишь собираться на сѣверѣ, въ южной сторонѣ я увидѣлъ „*Змѣю*“. Я залегъ въ прибрежные кусты и рѣшилъ пролежать тамъ, пока надвигавшаяся гроза не заставитъ меня укрыться въ жилищѣ Муциму.

— На моихъ глазахъ буря схватила и закружила „*Змѣю*“. Я не могу описать тебѣ этого страшнаго момента: въ одно мгновеніе вѣтромъ сорвало парусъ, мачту сломило руль и весла перестали слушаться людей, гребцы напрасно истощали свои силы, а Солиманъ приходилъ въ бѣшенство. Долго „*Змѣя*“ боролась съ разъяренной стихіей; волны нещадно били ее, бросая, какъ мячъ, изъ стороны въ сторону. Я, конечно, могъ видѣть только отдѣльные эпизоды этой страшной борьбы на жизнь и смерть, когда яркія молніи на мгновеніе освѣщали гибнущее судно и сердитыя волны, готовившіяся поглотить его. И я лежалъ на берегу, точно застывъ

отъ ужаса, при видѣ того, что происходило на моихъ глазахъ; не думая, что это мой смертельный врагъ; что онъ съ каждой минутой ближе и ближе ко мнѣ. Но вотъ сверкнули одна за другой нѣсколько молній подрядъ, — и я увидѣлъ, какъ двѣ громадныя волны, точно гигантскія объятія, обхватили съ обѣихъ сторонъ „*Змѣю*" и могучимъ взмахомъ сперва подняли ее высоко—высоко, а затѣмъ разступились, образовавъ подъ ней глубокую пропасть, которая разомъ, точно жадная пасть, поглотила судно. И повѣришь-ли, въ тотъ же самый моментъ огненная молнія ударила въ развершуюся пропасть вслѣдъ за злосчастнымъ судномъ, точно желая добить его до конца и нанести ей послѣдній смертельный ударъ...

Лео глубоко вздохнулъ и долгое время молчалъ, затѣмъ продолжалъ.

„Я было окончательно ослѣпленъ этою молніей, а когда опять сталъ различать окружающіе предметы, то „*Змѣи*" не было и слѣда; только громадныя волны громоздились одна на другую да огненныя стрѣлы молній освѣщали цѣлый хаосъ брызгъ и пѣны. Тогда мной овладѣлъ вдругъ такой необъяснимый, безотчетный страхъ, такой ужасъ, что я вскочилъ и бѣгомъ побѣжалъ въ жилище Муциму, чтобы не видѣть и не слышать ничего... Сегодня же съ разсвѣтомъ озеро выкинуло трупы на берегъ. Вонъ тамъ, въ той сторонѣ, они лежатъ по одиночкѣ или попарно обхвативъ другъ друга, гребцы и воины Солимана,—всѣ до одного мертвые. Только одного Солимана выбросило сюда на этотъ островъ и коршуны, которые ни вѣсть откуда взялись, слетѣлись къ его трупу и тотчасъ же принялись за работу.

Во время дальнѣйшаго пути Лео разсказалъ Симбѣ о паденіи Сансуси, о своихъ страданіяхъ, о многочисленныхъ странствіяхъ своихъ съ Солиманомъ и о жизни своей у этого богатаго араба.

— А о Сулейкѣ ты ничего не слышалъ?—спросилъ его Симба.

— Да, въ Уніоро, тамъ мы встрѣтились съ однимъ куп-

цомъ, который прибылъ изъ Бахръ-Эль-Газаля. Онъ разсказалъ намъ, что въ Мэшера-эль-Регъ, въ странѣ Динка, теперь царствуетъ женщина, которая повелѣваетъ многочисленными стадами воловъ и что всѣ окрестные племена чтутъ ее! Онъ говорилъ, что люди называютъ ее старая Шооль. Но я не вѣрю этому; не можетъ быть, чтобъ это было ея настоящее имя. Женщина, которая можетъ править и повелѣвать въ странѣ Динка, не можетъ быть никто иная, какъ моя Зюлейка.

— Ну, а ея сынъ, котораго я тогда спасъ отъ смерти?— продолжалъ разспрашивать Симба, который прекрасно зналъ по разнымъ путевымъ замѣткамъ и отчетамъ старую Шооль, и потому ни мало не сомнѣвался, что она не могла быть Зюлейкой, но не возражалъ, не желая огорчить Лео.

— Спроси вѣтра, куда онъ разноситъ по осени листья!— мрачно отвѣчалъ негръ.—Съумѣетъ-ли онъ отвѣтить тебѣ? Такъ и насъ развѣеваетъ и разноситъ судьба по обширному міру Божію. Кому только извѣстно, гдѣ мы, блеклые листья, жалкіе рабы, невольники, гибнемъ и пропадаемъ!

Въ этотъ моментъ киль лодки съ легкимъ скрыпомъ врѣзался въ мокрый песокъ прибрежья. Лодка причалила, и Лео вышелъ на берегъ своей новой родины.

XII. Новый годъ.

Безъ сюртука.—Рождественскій подарокъ. —„Отрада охотника“.— Патріархъ.—Странное извѣстіе.—Налотэра колдунья. – Соломоновъ судъ.—„Мечтательная“ за столомъ.—Странный вѣкъ.—На охотѣ.— Новолупіе.—Охотничій жаргонъ въ Африкѣ.

Время быстро идетъ. Мы застаемъ Симбу въ день Новаго года. Новый годъ! Что приводитъ намъ это слово на умъ?—Деревья въ снѣговомъ уборѣ, съ блестящими кристалами ледяныхъ сосулекъ; ясный морозный день, когда всѣмъ почему-то бываетъ особенно весело; яркое январское солнце; громадныя равнины, покрытыя дѣвственно бѣлымъ снѣгомъ,

и ровный санный путь, по которому весело несутся санки съ звенящими бубенчиками; слышится задорное щелканіе бича по воздуху и звонкій молодой смѣхъ! Или же вамъ приходятъ на память неподвижно лежащія подъ ледяной корой озера и рѣки, по которымъ скользятъ, описывая красивые вольты, блестящія стальныя лезвія коньковъ! Или вамъ вспоминаются новогодніи поздравленія и привѣтствія, звонъ колоколовъ въ церквахъ, новогодній пуншъ!

Нѣтъ, господа, выкиньте все это изъ головы! Вѣдь мы съ вами теперь въ Центральной Африкѣ, въ самомъ сердцѣ „Чернаго“ материка.

Въ эту пору на берегахъ Танганайка дождливое время года подходитъ къ концу, и природа смотритъ иначе, чѣмъ у насъ, на сѣверѣ.

Посмотримъ, какъ проводитъ время Симба этотъ день перваго января, день Новаго года!

Онъ сидитъ передъ небольшимъ бревенчатымъ домомъ, который ни мало не походитъ на жалкія хижины негровъ; сидитъ за своимъ утреннимъ кофе и куритъ трубочку. Но не халатъ и не ночной колпакъ украшаютъ его; на ногахъ не красуются также новенькія, съ иголочки вышитыя туфли, какой-нибудь рождественскій подарокъ милой рукодѣльницы,—нѣтъ, Симба сидитъ перваго января въ легкихъ нанковыхъ брюкахъ, безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ, на дворѣ передъ своимъ домомъ и пьетъ свой кофе. И не мудрено; вѣдь, уже около восьми часовъ утра; термометръ, прибитый тамъ, на стѣнѣ бревенчатаго дома, уже теперь показываетъ 20° Цельсія въ тѣни. Симба не читаетъ газеты за утреннимъ кофе, какъ это дѣлаемъ всѣ мы здѣсь, у себя на родинѣ: въ Центральной Африкѣ газеты не печатаются, но переходятъ изъ устъ въ уста подъ названіемъ „Новѣйшихъ Новостей“. Они не появляются, конечно, ежедневно, какъ у насъ, такъ какъ за недостаткомъ матерьяла, т. е. новостей, редактора устраиваютъ забастовки по нѣсколько недѣль. Но Симба не скучаетъ.

И ему рождественскій дѣдъ тоже принесъ подарокъ,—и

теперь мы видимъ, какъ онъ забавляется съ нимъ. Это двѣ хорошенькія кошечки, которыя несмотря на то, что имъ всего нѣсколько недѣль, могутъ похвастать изрядными когтями и зубами. Эти маленькіе звѣрьки какъ-то забавно неуклюжи въ своихъ движеніяхъ и цвѣтъ ихъ сплошь мутно желтый. Замѣчательно, что эти малютки почему-то внушаютъ всякому, кто ихъ видитъ, невольный страхъ и уваженіе. Это не кошечки, господа, а два маленькіе львенка, съ которыми теперь забавляется Симба.

Въ самый день Рождества онъ неожиданно повстрѣчалъ старую львицу съ двумя маленькими дѣтенышами. Онъ совершенно случайно набрелъ на нее, спустившись съ холма, и та, увидѣвъ его, сразу приняла такое грозное, боевое положеніе, что ему ничего болѣе не оставалось, какъ не задумываясь пустить ей пулю въ голову.

Осиротѣвшихъ дѣтенышей изловили, забрали руками и принесли домой. Они скоро къ нему привыкли и теперь играли съ нимъ, какъ со старымъ пріятелемъ. Они какъ будто знали и понимали, что Симба, послѣ гибели Солимана и его флота, звался теперь повсюду „Танганайкскимъ львомъ“.

Этотъ бревенчатый домъ, передъ которымъ онъ сидѣлъ теперь въ тѣни широкаго навѣса, стоялъ не въ тэмбе Мудима; отсюда не было видно водъ прекраснаго Танганайка. Насколько только хваталъ глазъ, повсюду виднѣлись одни дикія горы и даже на самомъ краю горизонта громоздились вершины надъ вершинами, точно волны громаднаго застывшаго моря. Тамъ влѣво, въ глубокомъ ущельѣ, по самому дну его, съ шумомъ несся сильный горный потокъ, вдоль береговъ котораго возвышался настоящій бамбуковый лѣсъ, цѣлый дремучій боръ. По громаднымъ уступамъ, образуя пороги, страшный, дикій горный потокъ съ бѣшеной быстротой и несся въ долину. На возвышенностяхъ повсюду росъ дикій кустарникъ, а въ долинахъ высился темный дѣвственный лѣсъ во всей своей тропической красѣ, и на разстояніи двухъ дней пути нигдѣ не было никакого жилья, ни малѣйшаго признака присутствія человѣка.

Въ этой глуши можно было бродить цѣлыми днями по слѣдамъ носороговъ и буйволовъ, проложившихъ глубокую тропу сквозь чащу бамбуковъ и кустарниковъ, къ водѣ. Здѣсь нельзя было встрѣтить ни одного живаго человѣка, и единственными звуками, нарушавшими тишину и безмолвіе этой дѣвственной природы, были крики лѣсныхъ птицъ съ металлически блестящимъ и переливающимся опереніемъ, да шумъ и звонкое журчанье водъ. А это именно и нравилось нашему охотнику.

Здѣсь, среди этого грандіознаго величія горъ Кунгве, въ полномъ уединеніи вдали отъ всего міра, Симба построилъ свой тэмбе.

На томъ холмѣ, гдѣ теперь стоялъ его домъ, была нѣкогда небольшая негритянская деревенька, но жители давно покинули ее, потому что кабаны нещадно раззоряли и опустошали ихъ поля. Но для охотника это, конечно, не могло служить причиной пренебреженія этой мѣстностью, и вотъ вскорѣ на этомъ самомъ холмѣ выросъ тэмбе Симбы, прозванный имъ „Отрадой Охотника“. Это былъ прочный, надежный и красивый бревенчатый домъ, въ которомъ онъ поселился самъ, а полуразвалившіяся, заброшенныя хижины бывшей деревни, разбросанныя кругомъ него на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ другъ отъ друга, послужили жилищами для его негровъ.

Мало по малу онъ раскрылъ свои ящики и устроилъ себѣ лабораторію и рабочій кабинетъ, потому что теперь онъ странствовалъ въ дебряхъ Африки не для того только, чтобы охотиться и искать приключеній, какъ въ молодые годы на берегахъ Бахръ-Эль-Газаля; теперь онъ посвятилъ себя еще и служенію наукѣ. Онъ заносилъ теперь въ журналъ всѣ свои наблюденія, отыскивалъ и изучалъ рѣдкихъ неизвѣстныхъ еще представителей флоры и фауны дебрей Африки и старался подслушать и уловить жизнь и звуки тропической природы.

Наряду съ двухстволкой, которой онъ мастерски вла-

дѣлъ, онъ привезъ съ собой и другого рода „оружіе“: микроскопы, термометры, барометры и т. п.

Все это, во время его пребыванія въ тэмбе Мудимы, лежало упакованное въ ящикахъ, потому что въ военное время музы молчатъ. Также и во время долговременныхъ странствованій Симба не могъ предаваться научнымъ изслѣдованіямъ. Но теперь, когда у него былъ свой тихій уголокъ, воинственный герой превращался въ скромнаго ученаго и производилъ свои изслѣдованія и наблюденія съ большой любовью и преданностью дѣлу. Здѣсь у него былъ такой рабочій кабинетъ, въ которомъ ему никто не мѣшалъ; и тысячи натуралистовъ и ученыхъ позавидовали-бы ему въ этомъ. Его рабочій кабинетъ были и великъ, и просторенъ,—куда только не хваталъ глазъ, вплоть до дальнихъ вершинъ высокихъ горъ. Горы и долины, потоки и болота,—все это было его рабочимъ кабинетомъ.

Но, кромѣ научныхъ изслѣдованій, у него были еще и другія обязанности. Какъ названный братъ Мудимы, онъ считался наряду съ нимъ соправителемъ страны, и слава о его великой мудрости разошлась такъ далеко, что къ ниму приходили люди даже изъ самыхъ дальнихъ деревень за совѣтомъ, а также въ затруднительныхъ спорныхъ случаяхъ, за рѣшеніемъ спора или за высшимъ приговоромъ.

Вотъ и сегодня, въ первый день новаго года къ „*Отрадѣ Охотника*“ направлялась такого рода депутація.

Лео, занимавшій теперь опять почетный постъ мажордома, доложилъ объ этомъ своему господину, который отдалъ приказаніе допустить къ нему пришедшихъ.

То были нѣсколько человѣкъ изъ числа воиновъ Лугери. Всѣ они были выряжены по праздничному и вооружены копьями и стрѣлами. Они привели къ Симбѣ молоденькую связанную дѣвушку, почти ребенка.

Почтительно приблизившись къ Симбѣ, депутаты положили дары къ его ногамъ: молоденькую козачку и пару куръ. Симба угадалъ уже, въ чемъ собственно заключается дѣло: очевидно, отъ него ожидали приговора, а обвиняемой

являлась это молоденькая негритянка. Ей было не болѣе четырнадцати лѣтъ; черты ея не только не носили отпечатки злобы или коварства, а, напротивъ, скорѣе отличались кротостью и миловидностью; большіе черные глаза ея выражали безпредѣльный страхъ и ужасъ, а крупные рубцы съ кровоподтеками, виднѣвшіеся на ея спинѣ, говорили о томъ, что она еще очень недавно была жестоко бита.

Симба посмотрѣлъ на нее съ глубокимъ сожалѣніемъ, Какое страшное преступленіе должна была совершить эта молоденькая дѣвушка, если негры, для произношенія приговора надъ ней, не полѣнились придти изъ такой дали?

Теперь Симба смотрѣлъ на нее даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Онъ былъ старымъ путешественникомъ по Африкѣ и издавна привыкъ распознавать негритянскія лица и физіономіи и подъ черной личиной узнавать старыхъ знакомыхъ.

Кромѣ Симбы еще одинъ изъ его негровъ также узналъ дѣвушку.

Лео незамѣтно подкрался къ своему господину и шепнулъ ему что-то на ухо.

— Знаю, Лео, знаю — сказалъ Симба своему вѣрному слугѣ, на языкѣ Динка, котораго Вавенди не понимали,—ты ей обязанъ многимъ. Мы посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать для нея. А пока молчи и оставайся спокоенъ, предоставь мнѣ все это дѣло!

— Развяжите ее! приказалъ онъ пришедшимъ Вавенди. Тѣ повиновались безпрекословно, хотя и покачивали недоумѣло головами. Дѣвушка же устремила на Симбу свои большіе испуганные глаза. Симба прочелъ въ нихъ искреннюю благодарность.

— Что привело васъ ко мнѣ, друзья мои?—спросилъ онъ воиновъ Лугери.

— Мы привели къ тебѣ Налотэру—мечтательную, чтобы ты произнесъ надъ нею свой приговоръ!—отвѣчалъ старѣйшій изъ Вавенди.

— Въ чемъ же вы обвиняете эту дѣвушку? - снова спросилъ Симба.

— Она колдунья!—Хоромъ воскликнули всѣ обвинители.

— А есть у васъ доказательства этого?—продолжалъ спрашивать Симба, хмуря брови: онъ прекрасно зналъ, что означаетъ такого рада обвиненіе. Вѣра въ калдуній существуетъ во всей Африкѣ и повсемѣстно за это опредѣляется смертная казнь. Здѣсь судъ надъ колдуньми также распространенъ теперь, какъ былъ нѣкогда въ средніе вѣка и у насъ, въ Европѣ Это суевѣріе является прекраснѣйшимъ средствомъ для вождей избавляться разъ навсегда отъ нежелательныхъ для нихъ личностей и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ тайнымъ врагамъ наилучшее средство отомстить врагу. Симба прекрасно зналъ, что въ основаніи почти каждаго подобнаго процесса всегда скрывались такого рода причины, и потому путемъ самаго подробнаго допроса хотѣлъ выяснить, кто именно оклеветалъ бѣдную Налотэру въ колдовствѣ. Ему съ самаго перваго мамента было ясно, что дѣвушку слѣдуетъ оправдать и выгородить.

— О, да, мы имѣемъ на то доказательства! — воскликнулъ одинъ изъ негровъ, по имени Вамби.

— Дайте мнѣ эти доказательства!—сказалъ Симба.

— На моемъ дворѣ поколѣло множество куръ, изъ моего загона леопардъ унесъ молодую козу, отецъ мой померъ и ребенокъ мой занемогъ!—быстро проговорилъ Вамби.

— И все это случилось разомъ, въ одинъ день? — насмѣшливо спросилъ Симба.

— Въ одинъ день? Нѣтъ!—злобно отвѣтилъ негръ.

— Въ теченіи одной недѣли?—продолжалъ Симба.

— Нѣтъ, и не въ одну недѣлю!—отозвался Вамби, очевидно, весьма разстроенный этимъ подробнымъ допросомъ.

— Ну, такъ въ теченіи мѣсяца?—допрашивалъ Симба.

Вамби молчалъ.

— Отвѣчай-же, Вамби! Значитъ, въ теченіи одного мѣсяца?

— Да, пожалуй, это случилось въ теченіи мѣсяца! — отвѣчалъ не совсѣмъ рѣшительно негръ.

Симба продолжалъ допрашивать свидѣтелей.

— Ну, а какихъ лѣтъ былъ твой отецъ? Вѣроятно, преклонный старецъ, не такъ-ли? Старше Мудимы, если не ошибаюсь? Правду я говорю, мужи Вавенди?

— Да, да, — послышалось хоромъ со всѣхъ сторонъ, — онъ былъ ужъ очень старъ, слабъ и дряхлъ.

— А что ты называешь множествомъ куръ? Сколько ихъ погибло у тебя въ теченіи этого мѣсяца?

— Около дюжины, пожалуй!—поспѣшилъ отвѣтить Вамби.

— Бѣдняжки!—насмѣшливо воскликнулъ Симба,—въ теченіи мѣсяца часто гибнетъ много больше дюжины куръ на птичьемъ дворѣ, и больше одной козы или ягненка выкрадываетъ леопардъ: ихъ плохо оберегаютъ загоны въ любой негритянской деревнѣ. А дѣти, въ особенности маленькія дѣти, вообще часто хвораютъ: это вѣдь, всѣ вы знаете! И Симба пристально уставился въ лицо Вамби, наслаждаясь смущеніемъ этого негодяя, который тотчасъ-же сообразилъ, что передъ этимъ судьей ему не добиться своего.

Затѣмъ Симба обратился къ остальнымъ Вавенди и спросилъ ихъ:

— И вы полагаете, что всѣ эти бѣды случились по винѣ Налотэры? Что она въ самомъ дѣлѣ колдунья?

— Да, мы такъ думаемъ!—воскликнули въ одинъ голосъ Вавенди.

— Но почему-же вы такъ думаете? Почему именно всему виной Налотэра, а не другая какая нибудь женщина?

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ старѣйшій изъ пришедшихъ Вавенди,—въ нашей деревнѣ нѣтъ колдуньи. Это не можетъ быть никто другой, какъ Налотэра.

— Почему-же? — скажите мнѣ! Почему вы обвиняете именно ее?—спросилъ ихъ Симба.

— Она не такая, какъ всѣ другія дѣвушки; поэтому мы и полагаемъ, что она колдунья!—сказалъ старшій Вавенди.

— А, вотъ какъ! — вымолвилъ Симба, — но каковы же другія дѣвушки и какая разница между ними и Налотэрой?

— Видишь-ли, Симба,—сказалъ старѣйшій Вавенди торжественно, серьезнымъ тономъ, — другія молодыя дѣвушки помогаютъ въ хозяйствѣ своимъ матерямъ и не интересуются духами, а Налотэра вся полна ими и вотъ уже болѣе года какъ только и говоритъ о нихъ, разсказывая такія вещи, какія знаютъ у насъ одни только старцы.

— А что это за духи, о которыхъ она говоритъ, и какого рода разсказы знаетъ она?—спросилъ заинтересованный теперь не на шутку Симба.

— Муциму, чортъ и его жена, это тѣ духи, о которыхъ она говоритъ чаще всего!—говорилъ обвинитель.—Она разсказываетъ, какъ Муциму создалъ нашъ Танганайка изъ какого-то ключа или колодца, какъ онъ оказываетъ покровительство всѣмъ преслѣдуемымъ и всѣмъ потерпѣвшимъ крушеніе на водахъ. Она говоритъ, что въ Танганайкѣ есть рыбы, которыхъ не слѣдуетъ ловить, потому что онѣ принадлежатъ Муциму и т. п. Ты самъ видишь теперь, Симба, что все это вещи очень серьезныя, о которыхъ обыкновенно дѣвушки ровно ничего не знаютъ! А Налотэра знаетъ и говоритъ, — и это лучшее доказательство того, что она колдунья. Всѣ эти разсказы совершенно новы даже для насъ, людей старыхъ; мы только смутно помнимъ, что слышали нѣчто подобное отъ отцовъ нашихъ, которые разсказывали намъ это въ дѣтствѣ. Откуда-же можетъ знать объ этомъ такая молоденькая дѣвушка, какъ Налотэра?

Симба взглянулъ на дѣвушку, которая теперь стояла передъ нимъ съ мечтательно задумчивымъ лицомъ. И судьба какъ будто нарочно устроила такъ, что ее можно было въ данный моментъ принять за колдунью: оба маленькіе львенка, на которыхъ Симба пересталъ обращать вниманіе, ласкались теперь къ ней, смиренно улегшись у ногъ, что заставило негровъ трепетать отъ ужаса. Симба молча поглядѣлъ, какъ они испуганно переглядывались между собой.

Для него всѣ эти разсказы молоденькой колдуньи были

давно знакомы, и онъ отлично помнилъ, отъ кого уже раньше слышалъ ихъ. Тамъ, высоко въ горахъ, въ тэмбѣ Мудимы и передъ лицомъ залитаго первыми лучами солнца острова Муциму, слышалъ онъ ихъ изъ устъ Инкази.

Теперь ему вдругъ стала ясна вся эта загадка; онъ вспомнилъ объ Инкази и улыбнулся, взглянувъ на Налотэру.

— Почему же вы, мужи Вавенди, пришли ко мнѣ за приговоромъ надъ ней,—внезапно спросилъ Симба, — а не обратились къ Мудимѣ?

— Мы не могли этого сдѣлать,—сказалъ старѣйшій изъ пришедшихъ,—потому, что всѣ знаемъ, что Мудима любитъ эту дѣвушку. Мы знаемъ еще, что она должна стать женою Инкази, какъ только онъ окончательно оправится отъ своей раны. Поэтому Мудима не могъ быть справедливымъ судьей надъ ней, а взялъ бы эту колдунью подъ свое покровительство. Но такъ какъ Мудима могучъ и вліятеленъ во всей этой странѣ, а мы опасаемся и боимся его мести, то и пришли къ тебѣ, еще болѣе сильному и могущественному, чѣмъ онъ, чтобы ты рѣшилъ наше дѣло. Мы полагаемся на твою мудрость и твою справедливость, Симба!—докончилъ пожилой негръ.

— А, вотъ въ чемъ дѣло!—сказалъ Симба,—вы не ошибетесь во мнѣ: мудро и справедливо постараюсь я рѣшить ваше дѣло, а теперь отступите немного и дайте мнѣ одному поговорить съ Налотэрой.

Негры удалились, проявляя при этомъ знаки величайшаго уваженія и почтительности; они, дѣйствительно, вѣрили и полагались на мудрость и справедливость Симбы. Только Вамби остался недоволенъ всѣмъ ходомъ этого дѣла. Не будь онъ такъ же черенъ лицомъ и всемъ тѣломъ, какъ его душа, на лицѣ его навѣрно выступила бы злобная блѣдность, но теперь онъ только посѣрѣлъ отъ злобы: лицо его приняло какой-то мутный пепельно-сѣрый оттѣнокъ, колѣна дрожали. Онъ боялся исхода этого процесса; совѣсть не давала ему покоя; онъ зналъ, что клеветалъ на Налотэру, а также и то, что въ Африкѣ клеветниковъ жестоко караютъ.

— Налотэра,—обратился къ молодой обвиняемой Симба,— не бойся меня и скажи всю правду. Разсказывала ты людямъ о духахъ?—Голосъ его звучалъ такъ мягко и такъ ласково, что невольно ободрилъ дѣвушку.

— Да, я разсказывала! — отвѣтила она съ глубокимъ вздохомъ.

— А тебѣ кто разсказывалъ все это?—спросилъ опять Симба.

Налотэра молчала.

— Отчего ты молчишь?—продолжалъ Симба,—это—прекрасные разсказы, и я тоже знаю ихъ; тамъ наверху, на вершинахъ горъ Кунгве, я слышалъ ихъ изъ устъ Мудимы. Ужъ не Инкази-ли пересказалъ тебѣ все это?

— Да, онъ!—призналась дѣвушка.

— А ты любишь Инкази и желала бы стать его женой?— улыбаясь спросилъ ее Симба,—и хотя не получилъ отвѣта, но въ сущности и не имѣлъ никакой надобности въ томъ; вѣдь онъ и безъ того зналъ все это.

Теперь онъ снова призвалъ людей изъ тэмбе Лугери и объявилъ, что долженъ испытать Налотэру, чтобы убѣдиться въ ея колдовствѣ. Поэтому они должны оставить ее у него на время; черезъ нѣсколько дней Симба обѣщалъ самъ прибыть въ тэмбе, чтобы объявить приговоръ надъ Налотэрой.

Вавенди удивленно переглянулись, но не смѣли ничего возразить на это рѣшеніе: имъ волей-неволей пришлось однимъ вернуться назадъ, и, отдохнувъ немного послѣ дальняго пути, они немедленно удалились во свояси, тогда какъ мнимую колдунью pro forma пришлось отвести въ тюрьму или карцеръ, замѣнявшій тюрьму.

Однако здѣсь былъ человѣкъ, на котораго вся эта сцена произвела тягостное впечатлѣніе. Лео, бывшій свидѣтелемъ, не могъ не вспомнить при этомъ о другой колдуньѣ, которая теперь была гдѣ-то далеко-далеко, и о судьбѣ которой онъ, вѣроятно, никогда въ жизни не узнаетъ ничего положительнаго. Симба замѣтилъ это. „Бѣдный Лео“,—поду-

малъ онъ,—„это горе тебѣ придется нести одному. Я, къ сожалѣнію, ничѣмъ не могу пособить тебѣ!“

Симбѣ предстояло теперь испытать и проэкзаменовать маленькую колдунью. Гдѣ-же и когда долженъ онъ былъ назначить первое испытаніе?

Теперь, когда Вавенди успѣли уже совершенно удалиться, бѣлый охотникъ не находилъ болѣе нужнымъ относиться къ обвиняемой, какъ къ настоящей подсудимой. Въ его глазахъ она была избранною невѣстой его мужественнаго и мечтательнаго юнаго друга Инкази. По истинѣ эти двое, т. е. Налотэра и Инкази, какъ нельзя болѣе подходили другъ къ другу.

Симба пригласилъ Налотэру къ своему столу, полагая, что за обѣдомъ ему удобнѣе всего будетъ проэкзаменовать ее.

Теперь бѣлый обѣдалъ за массивнымъ простымъ столомъ въ одной изъ комнатъ своего бревенчатаго дома, которая, въ отличіе отъ всѣхъ негритянскихъ домовъ, имѣла еще, кромѣ двери, окно. Мало того, это окно было еще украшено маркизой изъ грубаго холста, защищавшей одновременно и отъ солнца, и отъ дождя; не хватало только зеркальныхъ стеколъ въ рамахъ.

Лео конечно былъ мундшенкомъ Симбы, а Сузи въ качествѣ каммергера ввелъ гостью. Налотэрѣ пришлось сѣсть къ столу. Супу на этотъ разъ не было, и хорошее жареное воловье мясо съ поджареными бананами являлась главнымъ блюдомъ.

— Накушайся этого до сыта, дитя мое!—ласково уговаривалъ Налотэру Симба.

Бѣдняжка, вѣроятно, очень проголодавшаяся во время дальняго пути, не заставила долго упрашивать себя. Не обращая вниманія на ножъ и вилку, она протянула свои маленькія черныя ручки къ лакомому блюду. Въ одинъ мигъ маленькіе пальчики ухватили почтенный кусокъ мяса, а бѣлые зубки грызли и рвали его, какъ будто то была сухая краюха хлѣба.

— Кушай-же, кушай на здоровье, дитя мое! — подбод-

рялъ ее Симба, улыбаясь при видѣ этой простодушной жадности, съ какою она набросилась на мясо.—Вѣдь, путь былъ дальній, а ты, видно, давно ничего не ѣла!—И ему самому кушанье казалось сегодня гораздо вкуснѣе, при взглядѣ на нее; къ тому-же онъ былъ веселъ и доволенъ, такъ какъ хотѣлъ приготовить Инкази и Налотэрѣ пріятный сюрпризъ.

Сначала онъ молчалъ и только тогда, когда „Мечтательная" утолила свой голодъ и залила обѣдъ порядочнымъ количествомъ холодной ключевой воды, обратился къ ней, закуривъ предварительно маленькую походную трубочку.

— Налотэра,—сказалъ онъ,—я обѣщалъ тѣмъ людямъ, что испытаю тебя, чтобы убѣдиться, колдунья ты или нѣтъ. Вѣдь, всѣ колдуньи лгутъ, я это знаю. И вотъ я долженъ прежде всего убѣдиться, правда-ли, что всѣ эти прекрасные разсказы ты слышала отъ Инкази. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы завтра раннимъ утромъ отправимся въ крѣпость Мудима, а пока постарайся хорошенечко отдохнуть.

При этомъ онъ лукаво улыбнулся и вышелъ на дворъ.

„Воображаю,—думалъ Симба, прохаживаясь передъ своимъ домомъ,—какіе глаза сдѣлаетъ нашъ выздоравливающій, когда я приведу къ нему его невѣсту! А Вамби положительно треснетъ отъ злобы и досады, когда я отдамъ Налотэру-мечтательную, подъ покровительство Коко-курочки! Такимъ образомъ эта маленькая бѣдняжка останется у нихъ въ семьѣ.

Не смотря на это важное событіе, охота назначенная на этотъ вечеръ, не была отложена. Въ горныхъ лѣсахъ Вавенди не было недостатка въ разнаго рода дичи, такъ что охотникамъ не приходилось долго бродить прежде, чѣмъ представится случай для перваго выстрѣла.

„Буйволы! буйволы!"—послышались вскорѣ крики негровъ, и Симба очутился передъ громаднымъ стадомъ буйволовъ головъ въ четыреста или пятьсотъ. Они замѣтили его и теперь мчались съ шумомъ и ревомъ, сокрушая все на своемъ пути.

— Наверхъ! Наверхъ! — кричали негры, стоявшіе по дальше на пути бѣгущаго буйволинаго стада, поспѣшно вскарабкиваясь на деревья. Между тѣмъ раздался выстрѣлъ Симбы,—и одинъ изъ крупнѣйшихъ буйволовъ съ грохотомъ ударился о дерево, затѣмъ, точно сраженный молніей, повалился на землю и остался недвижимъ, а остальные всѣ скрылись въ лѣсу. Тогда черные дикари съ ликованіемъ соскачили съ деревьевъ и разомъ набросились на несчастное животное, тщетно старавшееся подняться на ноги, и съ жадностью пили теплую кровь хлынувшую изъ перерѣзаннаго горла убитаго животнаго, зарѣзаннаго согласно обычаю съ словомъ „*Аллахъ Хуакбаръ!*" (т. е. Великъ Аллахъ!).

Затѣмъ охотники углубились въ самую чащу акацій, мимозъ и колючаго терновника, такъ типично прозваннаго охотниками „*погоди немного*".

Все дальше и дальше, все глубже и глубже проникали они въ эту чащу, преслѣдуя носорога или свирѣпую бородавчатую свинью.

Охотникамъ было не мало дѣла, не разъ имъ приходилось мѣнять пули на мелкую дробь, такъ какъ кромѣ звѣря они встрѣчали здѣсь цѣлыя стаи цесарокъ и вообще пернатой дичи. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ было наб‸то дичи столько, что этого запаса должно было хватить на нѣсколько дней.

Съ свѣжей зеленой вѣточкой, воткнутой въ шляпу, вернулся Симба домой. Здѣсь продолжалось дѣло охотниковъ; мясо пластали и раскладывали сушить на длинныхъ шестахъ, чтобы оно не подверглось порчѣ въ слѣдующіи дни. Затѣмъ женщины, жены экспедиціонныхъ негровъ, притащили громадные кувшины пальмоваго вина и плодоваго пива и, когда стемнѣло, лагерные костры освѣтили рядъ живописныхъ группъ.

На небѣ взошла новая луна и солдаты могометане, находившіеся при экспедиціи, привѣтствовали ея появленіе согласно строгому обычаю мусульманъ. Они принялись бить въ литавры и стрѣлять изъ ружій, при чемъ выстрѣлы ихъ

долгимъ, громкимъ раскатомъ проносились надъ дремлющей мѣстностью.

Вокругъ костра собрались и разсѣлись охотники туземцы, стройныя темныя фигуры, не лишенныя своеобразной красоты. Волосы ихъ были забавно убраны въ высокія прически; пучки зебровыхъ хвостовъ украшали локти и щиколтки, а яркія шкуры леопардовъ прикрывали спину и грудь этихъ сыновъ центральной Африки. Свѣжій ветерокъ вѣялъ пріятной прохладой съ сосѣднихъ горъ, а звѣзды разгорались все ярче и ярче въ ночномъ небѣ, и желаніе поболтать и послушать удивительныхъ сказокъ все сильнѣй и сильнѣй стало овладѣвать чернокожими, которые вообще охочи до розсказней.

И вотъ Лео началъ разсказывать о тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ ему пришлось побывать съ Солиманомъ. Одинъ изъ туземцевъ подробно разсказалъ о погребеніи одного вождя, недавно умершаго въ сосѣднемъ Унямвези, подробно повѣствуя о томъ, какъ надъ могилой могучаго вождя были убиты женщина, дѣвушка и юноша, потому что не хорошо, если душа вождя переселиться въ иную жизнь одна. Въ кругу охотниковъ и въ Африкѣ, какъ и у насъ въ Европѣ, въ большомъ ходу разныя небылицы, — и въ этотъ вечеръ Сузи расказалъ весьма забавную исторію.

Однажды онъ подкрался къ громадному буйволу, который только что собрался утолить свою жажду у водъ могучаго потока. Но прежде чѣмъ разсказчикъ успѣлъ сдѣлать выстрѣлъ, изъ чащи сосѣдняго лѣса выскочилъ громадный левъ и вскочилъ буйволу на спину. Злополучный быкъ былъ конечно, обреченъ на погибель. Но въ этотъ самый моментъ, изъ воды вылѣзъ гигантскій крокодилъ и своими громадными челюстями схватилъ сразу и буйвола и льва. Тогда завязалась ужасная борьба: левъ и буйволъ утащили крокодила далеко отъ рѣки и въ двухъ стахъ шагахъ отъ берега всѣ трое полегли и нашли свой конецъ. И много лѣтъ спустя туземцы показывали проѣзжимъ путешественникамъ остовы трехъ страшныхъ животныхъ.

Пока Сузи разсказывалъ эту удивительную исторію, на сосѣднихъ высотахъ дѣйствительно рычали львы, а молодые львята въ „Отрадѣ охотника“ отвѣчали своимъ царственнымъ родственникамъ протяжнымъ мяуканіемъ. Тамъ, въ глубинѣ ущелья, квакали и перекликались лягушки, а на сосѣднемъ лугу, въ высокой травѣ, стрекотали кузнечики, точно звонкіе маленькіе колокольчики, звенѣвшіе вдалекѣ.

Симба съ улыбкой слушалъ разсказы своихъ людей, прислушиваясь въ то же время къ таинственнымъ звукамъ и голосамъ тихой тропической ночи. Около полуночи и онъ, и его слуги почувствовали утомленіе и разошлись по своимъ мѣстамъ. Охотникъ съ наслажденіемъ легъ на свою походную кровать и тотчасъ-же заснулъ крѣпкимъ сномъ. Но навсегда незабвеннымъ для него остался этотъ день новаго года, проведенный имъ въ „Отрадѣ охотника“.

XIII. Испытаніе колдуньи.

Бѣдная Налотэра.—Жрецы и знахари.—На островъ Муциму.—Буря надвигается.—Симба возвѣщаетъ Вавенди волю Муциму.—Жертва Налотэры.—Поѣздка въ бурю.—Чудо.—Счастливая Налотэра.

Бѣдная Налотэра! Съ сіяющимъ радостнымъ лицомъ вступила ты въ тэмбе Мудимы, гдѣ тебя ожидалъ Инкази. Но какъ горько ты разочаровалась, какъ быстро радость смѣнилась мучительнымъ чувствомъ обиды при видѣ того пріема, который ожидалъ здѣсь тебя, а также и друзей твоихъ, Симбу и Лео. Мрачный и суровый стоялъ Мудима упорога своего дома, а Инкази робко взглядывалъ на тебя, блѣдный и не веселый.

Дѣло въ томъ, что Вавенди остались недовольны рѣшеніемъ Симбы; они требовали, чтобы тебя судили по старому обычаю, и жаловались Мудимѣ на его названнаго брата. Не тайно, не при закрытыхъ дверяхъ должно было происходить твое испытаніе, а всенародно, у всѣхъ на виду!

Со всѣхъ ближнихъ и дальнихъ деревень собрались жрецы и знахари, которымъ довѣрялъ народъ, и напомнили своему вождю Мудимѣ о той святой обязанности, которую онъ долженъ былъ исполнить, грозя ему всякаго рода карами разгнѣванныхъ духовъ. Тутъ даже и Инкази овладѣлъ суевѣрный страхъ, и Мудима принужденъ былъ уступить.

Налотэру немедленно по прибытіи ея связали и, несмотря ни на какія возраженія Симбы, хотѣли везти на островъ Муциму, чтобы тамъ, передъ лицомъ старѣйшаго и важнѣйшаго божества Вавенди, совершилось ея испытаніе и судъ.

Одинъ только Симба старался ободрить и утѣшить ее, онъ подробно разспрашивалъ знахарей о предстоящемъ ей испытаніи съ цѣлью изыскать какое либо средство къ спасенію бѣдной дѣвушки. Но установленныя правила испытанія колдуній и суда надъ ними были строго опредѣленные и обойти ихъ было невозможно.

Бѣлый охотникъ взглянулъ тогда на Инкази; тотъ стоялъ молча и неподвижно, не удостоивая Налотэру ни однимъ взглядомъ. Вѣроятно, и онъ вѣрилъ тому, что она колдунья, такъ какъ это соотвѣтствовало его вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, входило, такъ сказать, въ программу его міросозерцанія, населявшаго все духами и чертями и приписывавшаго все ихъ таинственному вліянію.

Двадцать лодокъ отчалило отъ берега залива Лувулунгу, направляясь къ прекрасному острову Муциму; Симба также отправился туда вмѣстѣ съ своимъ названнымъ братомъ, желая быть свидѣтелемъ предстоящей мрачной церемоніи.

Молча сидѣли на веслахъ гребцы. Мрачно и угрюмо смотрѣли всѣ лица; только глаза Вамби горѣли злобнымъ огнемъ самодовольства и злорадства, такъ какъ ему удалось поставить бѣдную Налотэру на край гибели.

Она ѣхала въ первой лодкѣ, подъ стражею двухъ воиновъ въ полномъ вооруженіи. За нею слѣдовала самая большая ладья съ вождями всего племени; здѣсь-же были поставлены большіе кувшины съ оливковымъ масломъ и пальмовымъ виномъ, предназначавшіеся для жертвы Муциму.

А въ темномъ мѣшкѣ находилась кора ядовитаго дерева которую колдунья должна была съѣсть. Если она оставалась послѣ этого невредима, то это было доказательствомъ ея невинности; если же ядъ начиналъ на нее дѣйствовать, то, не дожидаясь конца этого дѣйствія, несчастную убивали самымъ жестокимъ образомъ.

Уже на полъ пути къ острову, Симба, сидѣвшій до сихъ поръ съ опущенными глазами, вдругъ поднялъ ихъ вверхъ. При взглядѣ на небо ему вспомнилось, что сегодня по утру спорили о томъ, будетъ-ли нынче буря; теперь незачѣмъ было уже спорить. Тамъ, въ южной сторонѣ, Муциму вздымалъ свою грозную голову надъ водой, чтобы вновь на крыльяхъ бури пронестись надъ родной стихіей.

„Муциму опять гнѣвается!“ Такъ говорили всегда Мудима и Инкази при приближеніи бури; и на этотъ разъ грозный и мощный духъ озера былъ въ самомъ дѣлѣ въ правѣ гнѣваться, потому что люди собирались совершить на его священномъ островѣ такое страшное дѣло.

Можетъ быть, и Вавенди подумаютъ также и отложатъ испытаніе и судъ надъ несчастной—мысленно говорилъ себѣ Симба, — или же судъ надъ колдуньей долженъ былъ совершаться подъ удары грома и при блескѣ молній?!

Надвигающаяся буря заставила гребцовъ приналечь на весла, такъ что маленькая флотилія пристала къ острову еще до начала грозы.

— У насъ есть еще время! Мы не хотимъ ждать и откладывать! — воскликнули знахари и жрецы, направляясь прямо къ большому дереву, въ которомъ скрывался идолъ Муциму.

Дерево раскрыли, и затѣмъ жрецы вынесли оттуда грубо высѣченную изъ дерева фигуру, величиною въ ростъ человѣка, ярко раскрашенную въ красный цвѣтъ какимъ-то красящимъ веществомъ.

Ее водрузили на большой лужайкѣ у берега, а кругомъ расселись народъ и судьи. Только Вамби и Налотэра оста-

лись на ногахъ въ серединѣ круга, а Симба и Лео сѣли на лужайкѣ внѣ круга.

— Судъ будетъ скорый, какъ видно, если они хотятъ покончить съ этимъ дѣломъ прежде, чѣмъ успѣетъ разразится гроза!—сказалъ Симба, обращаясь къ своему вѣрному Лео,—смотри, какъ озеро потемнѣло и какъ запѣнились волны!

Въ этотъ моментъ раздался глухой голосъ Мудимы.

— Передъ лицомъ могучаго Муциму и всего народа Вавенди повтори свое обвиненіе, Вамби!

Вдругъ на этомъ голосъ его смолкъ: поднялся страшный вихрь. Волны Танганайки, высоко вздымаясь, запѣнились и злобно заревѣли; въ священной рощѣ островка затрещали сломанныя бурей деревья, а на лужайкѣ, гдѣ совершался судъ, идолъ Муциму повалился на землю лицомъ внизъ.

Страхъ и ужасъ охватили бѣдныхъ суевѣрныхъ негровъ, считавшихъ такое явленіе очень дурнымъ признакомъ. Но не успѣли они опомниться отъ удручающаго впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ паденіемъ идола, какъ Симба смѣло и гордо вошелъ въ кругъ и сталъ между Вамби и Налотэрой. Удивленно смотрѣлъ на него народъ, а знахари и жрецы повскакивали со своихъ мѣстъ, возмущенные тѣмъ, что чужой пришелецъ осмѣливался нарушить святое дѣло правосудія. Даже Мудима сердито взглянулъ на своего названнаго брата.

Но Симба не обратилъ вниманія на ропотъ и недовольныя лица собравшихся. Глаза его свѣтились торжествомъ побѣды: въ нѣсколько секундъ въ головѣ его создался смѣлый планъ спасенія Налотэры.

Планъ этотъ былъ плодомъ мгновеннаго наитія, но Симба чувствовалъ, что онъ приведетъ его къ желаннымъ результатамъ, и рѣшилъ не задумываясь привести его въ исполненіе.

— Мужи Вавенди! — воскликнулъ онъ мощнымъ, звучнымъ голосомъ, заглушавшимъ шумъ расходившихся волнъ

и начинавшагося прибоя, — почтенные жрецы и знахари, умѣющіе понимать боговъ этой страны, смѣлые воины, умѣющіе отражать врага! Симба, Танганайкскій Левъ, этотъ Симба, братъ вашъ, обращается къ вамъ! Онъ хочетъ сказать, что узналъ посредствомъ всесильнаго колдовства бѣлыхъ. Послушайте же его! Мужи Вавенди, вы сражавшіеся съ нами противъ Османа и Солимана, взгляните—Муциму являетъ вамъ знакъ своей воли. Онъ вышелъ изъ глубины водъ Танганайки, на днѣ которой покоится всегда, когда ничто не возмущаетъ его и не возбуждаетъ его гнѣва; теперь же онъ вооружился своими бурными крылами и, взявъ въ руку свою грозныя молніи, несется надъ горами и водами. Изображеніе его, которое всѣ вы такъ чтите, поверглось на землю, потому что онъ не хочетъ, чтобы вы судили Нолатэру; онъ хочетъ самъ судить ее!

— Повѣрьте мнѣ, храбрые мужи Вавенди, и не возбуждайте въ еще большей мѣрѣ гнѣва Муциму!

— Взгляните только на озеро! Ужъ и теперь высоко и грозно съ шумомъ вздымаются гребни валовъ! Вода бурлитъ и кипитъ, какъ въ котлѣ, и скоро могучія, страшныя волны начнутъ свирѣпствовать въ дикомъ бѣшенствѣ, какъ въ тотъ памятный день, когда Муциму поглотилъ „*Змѣю*“ Солимана! Неужели вы рѣшитесь въ такую бурю вернуться обратно въ тэмбе Мудимы? Кто изъ васъ рѣшится на это? Кто хочетъ бороться съ этой бурей и грозными волнами, готовыми ежеминутно поглотить все, что имъ попадется на путь! Кто тотъ смѣльчакъ, который сейчасъ вотъ сядетъ въ свой челнокъ? Если есть среди васъ хоть одинъ такой, пусть онъ выйдетъ впередъ!!

— Всѣ вы молчите? Что-же, сами вы видите, что несравненно опаснѣе вступить въ бой съ разъяренными волнами озера, нежели съѣсть кору ядовитаго дерева! Страшно даже взглянуть въ глубь разверзающейся между волнами страшной темной бездны! Страшно метаться изъ стороны въ сторону въ легкомъ утломъ челнокѣ по пѣнящимся волнамъ озера!

— Безумной рѣшимости требуетъ теперь отъ человѣка попытка достигнуть берега!

— Тѣмъ не менѣе такова воля Муциму! Онъ требуетъ, чтобы мы сдѣлали это, онъ далъ разыграться этой страшной бурѣ, чтобы мы воспользовались ею для испытанія Налотэры. Она должна переплыть это взбаломученное, бушующее озеро! — Такова воля Муциму! Если она невинна, то онъ самъ сохранитъ ее невредимой; если же на ней тяготѣютъ грѣхи, то онъ погубитъ ее и навсегда погребетъ въ волнахъ Танганайки. Вотъ то испытаніе, котораго требуетъ Муциму! Согласны вы ему повиноваться?

Кругомъ послышался глухой ропотъ одобренія; затѣмъ Симба продолжалъ:

— Такъ что же, мужи Вавенди? Снаряжайте „Стрѣлу“. Поставимъ въ лодку кувшинъ съ оливковымъ масломъ, чтобы пловцы на тяжеломъ пути своемъ могли приносить жертву Муциму, и посадимъ въ эту лодку Налотэру.

— Да! да!—раздалось со всѣхъ сторонъ,—такъ мы и сдѣлаемъ!

— Но такъ какъ я сообщилъ вамъ эту волю Муциму, то я и долженъ въ качествѣ свидѣтеля, что Налотэра невинна, отправиться вмѣстѣ съ ней. Я долженъ быть ея гребцомъ и готовъ быть имъ!

Въ кругу Вавенди раздался крикъ отчаянія и ужаса; затѣмъ воцарилась мертвая тишина. Инкази выступилъ впередъ и, высоко поднявъ руку, воскликнулъ:

— И я хочу быть свидѣтелемъ за ея невинность!

Но Симба отклонилъ его готовность.

— Нѣтъ, мужи Вавенди!—сказалъ онъ,—Инкази не долженъ этого дѣлать, потому что Муциму любитъ вашу страну и вашъ народъ и не захочетъ погубить одного изъ вашего племени, даже если бы онъ хотѣлъ поразить виновную! Чужихъ же, пришельцевъ, онъ не щадитъ, а потому только чужеземцы могутъ сопровождать Налотэру, т. е. я и Лео.

Слова эти прекрасно подѣйствовали на негровъ. Они видѣли страшныя молніи, ежеминутно грозившія разразиться

надъ ихъ головами, слышали глухіе разскаты грома и содрогались при одной мысли о страшной опасности, которой подвергались тѣ, кто теперь отправится къ берегу бухты Лувулунгу. Никто не хотѣлъ быть на мѣстѣ Симбы и Лео, и потому всѣ безъ возраженія предоставили имъ честь быть гребцами Налотэры.

По его приказу съ дѣвушки были сняты узы, а три громадныхъ кувшина съ оливковымъ масломъ были поставлены въ лодку. Съ невыразимымъ удивленіемъ смотрѣли негры, съ какимъ полнѣйшимъ хладнокровіемъ Лео послѣдовалъ за своимъ господиномъ, какъ будто для него ни буря, ни разъяренныя волны нисколько не были страшны.

Уже первыя капли дождя упали на землю, и вершины деревьевъ низко склонялись подъ напоромъ бурнаго вѣтра, а волны прибоя вздымались все выше и выше и все сердитѣе ударялись о берегъ, когда Симба вошелъ въ лодку и, взявъ Налотэру за руку, сказалъ ей своимъ обычнымъ ласковымъ, ободряющимъ голосомъ:

— Опустись тамъ, на носу судна, на колѣни, возьми самый маленькій кувшинъ съ масломъ и медленно лей его каплю за каплей въ разъяренныя волны. Принеси эту жертву Муциму и будь покойна, онъ защититъ и спасетъ тебя!

Дѣвушка покорно опустилась на колѣни и дрожащими руками стала приносить жертву. Симба схватился за руль и сказалъ, обращаясь къ Лео:

— Приналягъ хорошенько на весла, старый другъ! Когда ты утомишься, я замѣню тебя!

Сильнымъ толчкомъ охотникъ оттолкнулъ лодку отъ берега; волны высоко подняли ее почти въ первый же моментъ, такъ высоко, что собравшіеся на берегу Вавенди невольно вскрикнули:

— Ее опрокинуло! Муциму поглотилъ колдунью!

Но вотъ при свѣтѣ ослѣпительной молніи, между тѣмъ какъ волны, вздымаясь все выше и выше, сшибались между собой и разбивались одна объ другую, маленькій челнокъ сталъ спокойно подвигаться впередъ, точно подъ нимъ было не разъяренное бушующее озеро, а тихія воды неподвижной

бухты. Кругомъ все клокотало; съ бѣшенымъ, оглушительнымъ ревомъ сшибались волны, а около самой лодки, на пространствѣ нѣсколькихъ футъ, вода ложилась спокойно, какъ въ тихую ясную погоду, какъ будто набѣгавшія волны покорно мчались по пути челнока.

Такимъ образомъ „Стрѣла" мало по малу медленно удалялась отъ острова, уходя все дальше и дальше въ бушующее озеро, и каждый разъ, когда молнія освѣщала страшно взбаломученную поверхность водъ, Вавенди могли видѣть колѣнопреклоненную фигуру дѣвушки, смиренно приносившей жертву разгнѣванному Муциму, молчаливаго чернаго гребца и Симбу, державшаго сильною рукой руль.

Волны всплывали все выше и выше, все сердитѣе и сердитѣй сшибались онѣ, но ни одна изъ нихъ не могла приблизиться къ маленькому челноку, который плылъ все дальше и дальше впередъ по спокойному фарватеру.

Онѣмѣвъ отъ ужаса и удивленія, стояли на берегу Вавенди, и несмотря на то, что страшный грозовой дождь точно градомъ сѣкъ ихъ черныя тѣла, ни одинъ изъ нихъ не подумалъ даже укрыться въ сосѣдней рощѣ. Вдругъ всѣ они, точно по чьему-то приказу, пали на колѣни, воскликнувъ.

— Муциму великъ! Муциму творитъ чудеса!

А между тѣмъ могущественный духъ озера благополучно велъ маленькое судно среди волнъ и бури все впередъ и впередъ, пока оно совершенно не скрылось изъ глазъ удивленной толпы.

Инкази лежалъ, распростершись на землѣ, и, закрывъ лицо руками, плакалъ, какъ ребенокъ.

А тамъ, въ волнахъ Танганайки, Симба весело воскликнулъ, подбодряя своихъ спутниковъ:

— Продолжай приносить жертву Нолатэра! Видишь, Муциму помогаетъ намъ; но приноси жертву съ осторожностью, лей ровно каплю за каплей, потому что путь еще дологъ, а масла должно намъ хватить до самаго входа въ заливъ Лувулунгу.

Неужели, однако, Симба былъ въ самомъ дѣлѣ колдунъ?—Неужели это успокоеніе бурной стихіи было дѣйствительнымъ чудомъ?

Нѣтъ, Симба не былъ колдуномъ, но это успокоеніе расходившихся волнъ тѣмъ не менѣе было „чудомъ“, однимъ изъ тѣхъ чудесъ, какихъ мы видимъ такъ много въ природѣ.

Съ незапамятныхъ временъ моряки знали объ удивительномъ вліяніи масла на волнующееся море; достаточно нѣсколькихъ капель какого-нибудь растительнаго масла для того, чтобы успокоить на время вблизи судна самыя непокорныя волны. И въ сотняхъ случаевъ масло явилось спасителемъ судовъ въ моменты грозныхъ бурь на океанѣ.

Самъ Симба узналъ объ этомъ на пути своемъ въ Африку. Негры же ничего объ этомъ не знали и никогда не слыхали о такомъ свойствѣ масла, а потому то, что они видѣли теперь, являлось для нихъ поразительнымъ чудомъ.

Счастливая Налотэра! Какъ сіяетъ теперь твое дѣтское личико счастьемъ и радостью, когда ты теперь, подъ вечеръ, стоишь на берегу бухты Лувулунгу и все еще съ горячей благодарностію пожимаешь руку спасителя твоего Симбы. Смотри, тамъ уже возвращаются лодки съ острова Муциму по улегшемуся уже и едва покрытому легкою зыбью озеру. Вотъ въ той лодкѣ сидятъ грозные судьи знахари и жрецы, но теперь ты уже не боишься ихъ, потому что самъ Муциму оправдалъ тебя! А вотъ и Вамби, подавленный и удрученный;—у него зоркій глазъ: онъ давно уже узналъ тебя и Симбу. Теперь ему придется принести тебѣ въ даръ, на мировую, гораздо большее число куръ, чѣмъ сколько у него погибло въ теченіе того мѣсяца. Ему придется отдать въ уплату гораздо большее число козъ, чѣмъ когда-либо уносилъ у него леопардъ. Онъ будетъ наказанъ за клевету! Счастливая Налотэра! Въ передней лодкѣ сидитъ Инкази; онъ выскочитъ на берегъ и Симба благословитъ вашъ союзъ; ты станешь женою вождя, мужественнаго и умнаго, который впослѣдствіи унаслѣдуетъ этотъ неприступный тэмбе тамъ, на вершинѣ горы, отъ своего отца, стараго Мудимы.

Въ промежутокъ между сегодняшнимъ утромъ и вечеромъ сколько успѣла ты испытать мукъ и радости, сколько видѣла солнца и бури! Симба думаетъ сейчасъ обо всемъ этомъ и радуется въ душѣ, что этотъ день кончается такъ радостно и счастливо!

Только Лео сидитъ печальный, погруженный въ задумчивость, и мысленно говоритъ себѣ:—Мое счастье развѣяно бурей и никакой веселый и ясный закатъ не вернетъ мнѣ его!

XIV. Больной и подавленный.

Роскошь Танганайки.—Скрытое коварное озеро. — Лихорадочный бредъ.—Возвращеніе въ „Отраду охотника".—Все сгорѣло.—Возвращеніе въ Удшидши.

Отсутствіе Симбы изъ „Отрады охотника" продлилось гораздо дольше, чѣмъ онъ сначала предполагалъ.

Дѣло въ томъ, что негры праздновали свадьбу Инкази съ такъ блистательно оправданной отъ всѣхъ подозрѣній Налотэрой. Симба, конечно, былъ почетнымъ гостемъ на свадьбѣ въ тэмбе Лугери и затѣмъ вмѣстѣ съ новобрачной четой отправился въ нагорную крѣпость Мудимы, гдѣ свадебныя торжества продолжались. И опять горѣли тамъ, на вершинѣ горы, веселые праздничные огни, опять свѣтъ ихъ далеко разливался на всю окрестность, и опять жители долины говорили другъ другу:—„Смотрите, какъ силенъ и могучъ сталъ Мудима!" Но на этотъ разъ ни какое тревожное извѣстіе не встревожило гостей и хозяевъ, потому что нигдѣ кругомъ не было уже враговъ; даже и вожди Руга-Руга, Индша изъ Ндэрее и Муриро, не смѣли болѣе приближаться къ землямъ тѣхъ, которые вели дружбу съ Симбой. Страшная участь Османа и Солимана послужила имъ урокомъ, внушивъ суевѣрный страхъ къ личности и сверхестественной власти Симбы,—и потому въ горахъ Кунгве царили теперь миръ и тишина.

Симба часто сидѣлъ по цѣлымъ часамъ раннимъ утромъ

и при закатѣ солнца на большой каменной площадкѣ передъ домомъ Мудимы и все не могъ налюбоваться до сыта красотами разстилающагося передъ нимъ ландшафта при свѣтѣ восходящаго или заходящаго надъ озеромъ Танганайкой солнца. Въ эти часы и земля, и воды тонутъ и сливаются въ такихъ удивительныхъ тонахъ и краскахъ, о какихъ мы не можемъ себѣ составить ни малѣйшаго представленія. Эти тона и краски, присущіе исключительно тропикамъ, намъ, сынамъ сѣвера, кажутся невѣроятными и неправдоподобными. Если по утру воздухъ насыщенъ водяными парами, то озеро представляется нѣжно-золотисто оранжевымъ слабо свѣтящимся зеркаломъ, на которомъ рябь воды выступаетъ яркими пятнами кармина, фіолетоваго или яснаго голубаго цвѣта, какъ и небо, переливающееся въ тѣхъ же тонахъ. Когда же воздухъ чистъ и прозраченъ, то озеро представляется лазурно голубымъ, а восходящее солнце высылаетъ въ качествѣ своихъ предвѣстниковъ огненно-красныя, оранжевыя и блѣдно-желтыя полосы лучей, эффектно выдѣляющіяся на почти совершенно безцвѣтномъ небѣ.

Еще болѣе яркіе контрасты представляютъ собою картины заката.

Иногда озеро и небо до такой степени заволакиваетъ сплошная пелена голубовато-сѣраго тумана, что они какъ будто сливаются въ одно и представляются зрителю въ видѣ громадной завѣсы, на фонѣ которой выдѣляется солнце раскаленнымъ мѣдно-краснымъ дискомъ. Въ другое время, когда вечерній воздухъ чистъ, и туманъ не разстилаетъ надъ озеромъ своего дымчатаго покрова, весь западъ пламенѣетъ громаднымъ заревомъ, тогда какъ все остальное небо сіяетъ необычайно прекрасной лазурью, на свѣтломъ фонѣ которой выдѣляются, точно самоцвѣтные камни, ярко-розовыя облака, отражаясь въ волнахъ озера удивительными золотисто-желтыми пятнами. И все это обрамляютъ лѣсистыя, темныя горы въ своемъ мрачномъ безмолвіи, не нарушаемомъ никакимъ человѣческимъ звукомъ.

Но обманчиво и это безоблачное небо, и это чудное при-

брежье живописнаго озера. Подъ ясной лазурью этихъ небесъ таятся въ болотахъ ужаснѣйшія лихорадки, не щадящія даже и самыхъ сильныхъ и здоровыхъ людей. Съ этимъ коварнымъ демономъ, погубившимъ уже столькихъ путешественниковъ, исполненныхъ надеждъ на будущее, въ полномъ разцвѣтѣ силъ и молодости, борется теперь и нашъ бѣдный другъ Симба. Онъ, покорившій алчныхъ ловцовъ невольниковъ, побѣждавшій не разъ дикихъ звѣрей, былъ безсиленъ противъ этого невидимаго, но сильнаго врага, какъ слабое и беззащитное дитя.

Симба лежитъ теперь по цѣлымъ днямъ на постели въ домѣ Мудимы въ его горномъ тэмбе, и дикій бредъ терзаетъ его бѣдный мозгъ. Полутемное помѣщеніе кажется ему каютой большого корабля, раскачиваемаго изъ стороны въ сторону могучими волнами озера.

Но вотъ пароксизмъ лихорадки миновалъ,—и больной встаетъ со своего ложа въ надеждѣ, что вскорѣ онъ совсѣмъ оправится. Но на слѣдующій день снова появляются симптомы новаго приступа этой страшной болѣзни. Этотъ сильный, могучій богатырь хотѣлъ, во чтобы то ни стало, побороть болѣзнь, не поддаваться ей, оставался на ногахъ, старался ходить, но шаги его становились все неувѣреннѣе и слабѣе; колѣни подгибались; онъ съ трудомъ держался на ногахъ и, наконецъ, падалъ, совершенно обезсиленный. Инкази поднималъ его и снова укладывалъ на постель.

Его мучила не столько страшная головная боль и палящая жажда, сколько смутно пробуждавшееся въ немъ по временамъ сознаніе своей полной безпомощности, ярко выступавшее передъ нимъ. Что дѣлается теперь тамъ, въ „Отрадѣ Охотника“, что дѣлаетъ Сузи?—Эти вопросы съ быстротою молніи проносились въ его мозгу.

Затѣмъ настали дни, когда Симба совершенно терялъ сознаніе и только мало-по-малу сталъ узнавать въ послѣдствіи окружающіе его предметы и обстановку. Онъ протянулъ и пожалъ руку своему вѣрному Лео, ни на минуту не отходившему отъ его постели за все время его тяжкой бо-

лѣзни, и улыбнулся озабоченнымъ и огорченнымъ его болѣзнію друзьямъ, Мудимѣ и Инкази.

И вотъ теперь сидѣлъ выздоравливающій Симба на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сидѣлъ Инкази, когда начиналъ оправляться послѣ своей тяжелой раны. Спустя еще нѣсколько времени онъ покинулъ тэмбе Мудимы слабый, больной и совершенно разбитый страшной мучительной болѣзнью. У него оставалась теперь всего одна надежда, надежда на то, что въ горахъ Вавенди, вдали отъ береговъ прекрасной Танганайки, въ его возлюбленной „Отрадѣ Охотника“ силы его скорѣй вернутся.

Прежде онъ безъ труда совершалъ въ одинъ день путешествіе отъ тэмбе Мудимы къ своему жилищу, но теперь на это потребовалось болѣе двухъ дней. Съ высоты послѣдняго пригорка, съ котораго ему слѣдовало еще спуститься, чтобы достичь полянки, за которой на небольшомъ холмѣ раскинулось его селеніе и домъ, Симба увидѣлъ свое возлюбленное жилище, выглядывавшее такъ заманчиво и привѣтно. Сузи оберегалъ и охранялъ все вплоть до этого дня, заботясь обо всемъ, даже о маленькихъ львахъ, которыхъ онъ предусмотрительно посадилъ на цѣпь. Легкая струйка дыма взвивалась вверхъ къ прозрачному небу, подымаясь отъ его бревенчатаго дома. Очевидно, тамъ ожидали возвращенія господина и готовили ужинъ. Радостнымъ взглядомъ окинулъ Симба всю эту мѣстность. Что это былъ за чудный уголокъ, точно нарочно созданный для санаторіи!

— Посмотри, Лео!—воскликнулъ онъ,—наша „Отрада Отхотника“ еще прекраснѣе, чѣмъ было Сансуси! Теперь ужъ мы не скоро разстанемся съ ней. Я чувствую, что здѣсь оживу опять. Привѣтъ тебѣ, мой милый, милый домъ!

Но что это такое? Что катится и вздымается тамъ, надъ замкомъ „Отрады охотника“? Это облако дыма, въ которомъ выдѣляются тамъ и сямъ длинные огненные языки пламени: загорѣлась сухая сорная трава. Съ ужасомъ смотрѣли на это зрѣлище Симба и Лео: въ нѣсколько минутъ вся живая изгородь изъ колючаго терновника была охвачена яркимъ

пламенемъ. Сбѣжались люди, пытаясь спасти, что можно, но напрасно: вотъ запылало большое сухое дерево, простиравшее свои сухія вѣтви надъ крышей дома. Пламя, пробѣжавъ по нимъ, лизнуло главное зданіе „Отрады охотника“,—и оно вспыхнуло, какъ свѣча, зажженная спичкой. Никто не сталъ спасать его, да и нельзя было этого сдѣлать: всѣ бѣжали отъ пылавшаго уже зданія, бѣжали какъ можно дальше: вѣдь тамъ, въ этомъ домѣ, хранились запасы пороха. Между тѣмъ вѣтеръ, разнося горящіе обломки зданія, забрасывалъ ихъ на крыши сосѣднихъ хижинъ. Огонь быстро переходилъ съ крыши на крышу,—и вскорѣ весь маленькій поселокъ былъ охваченъ пламенемъ.

Спасенья не было! „Отрада охотника“ пѣла свою похоронную пѣснь: подъ трескъ и свистъ тысячъ начиненныхъ патроновъ, подъ звуки лопающихъ и разряжающихся капсюлей и пистоновъ и свистъ разлетающихся снарядовъ, при вспышкахъ и взрывахъ пороха, весь маленькій поселокъ, вмѣстѣ съ красивымъ бревенчатымъ домомъ владѣльца, превратился въ пепелъ.

Спустя нѣсколько часовъ Симба стоялъ надъ грудой обгорѣлыхъ, испепелившихся развалинъ и обломковъ и печально смотрѣлъ, какъ его негры старались спасти кое-что изъ подъ тлѣющихъ еще углей и пепла.

Напрасный трудъ! Ничто не уцѣлѣло. Сгорѣло все; всѣ запасы, оружіе, снаряды, товары; сгорѣли дневники и журналы, гербаріи и замѣтки, даже оба маленькіе львенка. У Симбы не оставалось ничего болѣе, кромѣ того, что было при себѣ. И этому несчастію суждено было случиться какъ разъ теперь, когда онъ былъ и слабый, и больной, и измученный ужасной лихорадкой, изнуренный и обезсиленный. Прощайте, горы Кунгве! прощай, страна Вавенди! Симба долженъ снова стать безпріютнымъ странникомъ.

Судьба сильнѣе нашей воли: въ какой нибудь часъ времени она разрушила всѣ планы Симбы. Того, что у него еще оставалось изъ имущества въ Удшидши, едва могло

хватитъ, чтобы съ трудомъ и нѣкоторыми лишеніями добраться до восточнаго берега Африки.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого грустнаго событія „Стрѣла“ еще разъ направилась въ Удшидши. На ней, какъ и тотъ разъ, находились Симба и Инкази, а на большой громоздкой баркѣ слѣдовали за ними Лео, Сузи и остальные негры экспедиціи. На берегу стояли Мудима и Налотэра, посылая отъѣзжавшему послѣдній прощальный привѣтъ. Симба никогда болѣе не видѣлъ послѣ того своихъ друзей.

Вскорѣ караванъ Симбы медленно потянулся по пустынной, безлюдной дорогѣ, чрезъ лѣса, степи, болота, по берегамъ рѣкъ, направляясь къ восточному берегу Африки, въ Занзибаръ. Не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, бѣдный, больной бѣлый охотникъ привѣтствовалъ, наконецъ, изъ носилокъ, въ которыхъ его несли негры, безпредѣльное синее море, которое должно было еще разъ донести его на своихъ волнахъ до далекой родины.

XV. Царица змѣй.

Огни на озерѣ.—Африканскій Парижъ.—Босоногая гвардія.—Парадъ.—Царица змѣй.—Умный директоръ.—Отдѣльное представленіе.—Дикая охота султана.—Въ домѣ купца.—Нѣмая.—Волшебная флейта и ея чудеса.—Передъ дворцомъ султана.—Возвращеніе на родину.—Раззоренная деревня.

Теперь мы встрѣчаемъ Симбу съ вѣрными спутниками его, Лео и Сузи, въ тихую ясную погоду, когда безбрежный океанъ разстилается ровною пеленой, точно гладкая поверхность зеркальнаго озера. Въ небѣ—тихая лунная ночь, а въ водѣ отражаясь широкой серебристой полосой, дрожатъ свѣтлые лучи мѣсяца. Да и самая барка оставляетъ за собой глубокую свѣтящуюся борозду, а на далекомъ горизонтѣ свѣтятся также огни.

Все яснѣе и яснѣе становятся эти огоньки,—все ярче и ярче, все краснѣй и краснѣй выдѣляется изъ шумной дали

огонь маяка. Барка Симбы подъѣхала къ гавани. Уже теперь смутно вырисовываются вдали берегъ, строенія и стройныя пальмовыя рощи. Это—Африканскій Парижъ, прекрасный Занзибаръ.

По утру, когда разсвѣло, вся панорама города при яркомъ свѣтѣ солнца отчетливо видна даже и невооруженнымъ глазомъ. Цѣлое море домовъ и различныхъ зданій разстилается передъ взглядомъ путешественника,—и не мудрено: сто тысячъ жителей насчитываетъ этотъ городъ. Не по дамбѣ и не съ пристани сошелъ Симба на берегъ. Нѣтъ, здоровенный негръ подставилъ ему спину; онъ осѣдлалъ его и, сидя высоко на его плечахъ, переправился на берегъ.

Тѣмъ же путемъ переносился на сушу и весь его багажъ. Здѣсь кое-что напоминаетъ бѣлому охотнику, что онъ вступилъ въ предѣлы цивилизованной страны: его скудный багажъ, немногіе пожитки, привезенные имъ, здѣсь тщательно осматриваются, и Симба долженъ уплатить за нихъ законный таможенный сборъ.

Послѣ этой необходимой задержки всѣ его ящики и чемоданы связали по нѣсколько штукъ вмѣстѣ цѣлыми кистями и по двѣ парныхъ кисти вмѣстѣ, а затѣмъ перекинули ихъ черезъ большой шестъ и укрѣпили на серединѣ, а концы шеста, два дюжихъ негра подняли себѣ на плечи и потащили въ гору по многолюднымъ улицамъ города.

Лео не можетъ придти въ себя отъ удивленія. Онъ видалъ не мало „городовъ“ тамъ, у себя, въ центральной Африкѣ, но что они въ сравненіи съ Занзибаромъ? Что значитъ гавань Удшидши въ сравненіи съ гаванью Занзибара? Здѣсь стоятъ сотни разныхъ судовъ и всѣ они гораздо внушительнѣе, чѣмъ знаменитый „Лѣнтяй“. Мало того, на рейдѣ стоятъ торговые пароходы и даже одинъ броненосецъ здѣсь на лицо.

Сегодня оказывается день рожденія властелина этой страны, султана Занзибарскаго, которому принадлежитъ и этотъ грозный броненосецъ, празднующій этотъ высокоторжественный день салютами. Грохотъ выстрѣловъ изъ орудій

торжественно разносится надъ моремъ. Лео невольно поднимаетъ глаза къ небу; но тамъ все было ясно, нигдѣ ни малѣйшаго облачка. Тогда онъ обращаетъ свои взоры на море и видитъ грозное военное судно, окутанное бѣлымъ облачкомъ дыма, и тутъ же падаетъ на колѣни, какъ будто передъ нимъ явилось гнѣвное божество.

Симба и Сузи невольно улыбнулись. Сузи уже издавна знакомъ съ Занзибаромъ, и грохотъ пальбы изъ орудій не пугаетъ его. Онъ схватываетъ своего товарища за руку и увлекаетъ въ толпу. Бѣдный сынъ глухихъ дебрей безмолвно повинуется, не переставая, однако, все еще дивиться. Вотъ передъ нимъ дворецъ Султана, окруженный высокими, точно кружевными галлереями, поддерживаемыми рядомъ ажурныхъ чугунныхъ колонъ; а вотъ и плацпарадъ, просторная площадь; торжественный Занзибарскій маршъ оглашаетъ воздухъ, и пѣхота низко склоняетъ свои кроваво-красныя арабскія знамена. Симба присматривается къ этимъ войскамъ и улыбается: вонъ тамъ стоятъ во фронтъ двое парней, забывшіе дома свои сапоги, а вотъ у этихъ не хватаетъ нѣсколькихъ пуговицъ на кундирѣ. Здѣсь относятся къ этому не такъ строго! Но на Лео это воинственное зрѣлище дѣйствуетъ опьяняюще: блескъ мундировъ положительно ослѣпляетъ его. Это не укрылось отъ Симбы, и онъ нарочно пріостановился, потому что сейчасъ долженъ послѣдовать торжественный залпъ.

Но вотъ послышалось нѣчто похожее на сигналъ въ карэ, и триста человѣкъ пѣхоты, стоявшей развернутымъ фронтомъ, собравшись въ жалкое карэ, принялись отжаривать залпъ за залпомъ, какъ можно быстрѣе, одинъ за другимъ, пока каждый не израсходовалъ своей дюжины патроновъ, розданныхъ этимъ сынамъ Марса по случаю сегодняшняго торжества.

Эта безтолковая, безалаберная пальба импонировала не одному только Лео, но и всей толпѣ зрителей, собравшейся на краю плаца. Всѣ они видѣли еще разъ и слышали своими ушами, какъ могучъ и силенъ Занзибарскій Султанъ.

Теперь войска уходятъ съ плацъ-парада и эта частію

босоногая гвардія маршируетъ какъ разъ мимо Лео. Во главѣ шествуютъ музыканты въ бѣлыхъ шлемахъ; они исправно дѣлаютъ свое дѣло; это по истинѣ настоящій хоръ янычаръ со множествомъ духовыхъ инструментовъ, преимущественно мѣдныхъ, и громадной волторны.

Бѣдный Лео въ сильно возбужденномъ состояніи духа! Всѣ эти впечатлѣнія слишкомъ подавляющи и при томъ слѣдуютъ такъ быстро одно за другимъ. Этотъ сынъ пустыни и дикихъ дебрей, слушавшій безъ малѣйшаго трепета ревъ львовъ въ родной пустынѣ, теперь дрожалъ, какъ осиновый листъ. Его смущаетъ весь этотъ шумъ и движеніе большого многолюднаго города,—и онъ покорно предоставляетъ Сузи увлекать себя вдоль шумныхъ улицъ, не видя и не слыша ничего изъ того, что происходитъ вокругъ него.

Наконецъ, наши путешественники останавливаются передъ однимъ изъ домовъ въ узкой кривой улицѣ, входятъ въ него, и за четырьмя надежными стѣнами Лео приходитъ въ себя и съ глубокимъ вздохомъ опускается на полъ въ одномъ изъ угловъ прихожей.

Тѣмъ временемъ хозяинъ дома, соотечественникъ Симбы, проживавшій здѣсь уже много лѣтъ, занимаясь торговлей, радушно привѣтствовалъ пріѣзжаго. Также и Симба вздохнулъ теперь съ видимымъ облегченіемъ, потому что онъ знаетъ, что найдетъ здѣсь многое такое, въ чемъ до сихъ принужденъ былъ терпѣть лишеніе Онъ все еще слабъ и боленъ; поэтому его очень радуетъ мысль; что теперь онъ будетъ пользоваться и врачебною помощью, и надлежащимъ уходомъ.

Такъ разстался нашъ „Африканскій кожаный чулокъ“ съ тропическими дебрями сердца Африки. Судьба, воздвигнувшая на него свое гоненіе, была по отношенію къ нему гораздо милостивѣе, чѣмъ къ сотнямъ другихъ путешественниковъ по Африкѣ.

Въ лѣсахъ Америки, подъ сѣнью елей и дубовъ, путешественникъ встрѣчаетъ благословенный климатъ, живительный, здоровый воздухъ. Тамъ наступаетъ въ свое время суровая зима, закаляющая человѣка, поддерживая его силы и придавая ему бодрость и свѣжесть молодости. Здѣсь же, въ

дѣвственныхъ лѣсахъ Африки, таится томительный зной, таится лихорадочный ядъ, и бѣлому не суждено дожить до старости подъ сѣнью этихъ пальмъ. Волей-не волей онъ долженъ возвращаться время отъ времени на свою сѣверную родину, чтобы тамъ почерпать запасы силъ и здоровья. Иначе, сколько бы у него ни было мужества и силы, онъ не въ состояніи побѣдитъ одного врага на этомъ черномъ материкѣ,—климатъ.

Вотъ почему и Симба сбирался теперь на родину; на сердцѣ у него была одна забота: обезпечить передъ своимъ отъѣздомъ будущность Лео.

Тотъ, конечно, не хотѣлъ даже слышать, чтобы ему остаться здѣсь, въ Зонзибарѣ. Его тянуло обратно на свою родину, къ берегамъ Нила и Газельей рѣки, гдѣ онъ надѣялся отыскать Зюлейку и снова воздвигнуть изъ груды развалинъ дорогой его сердцу Сансуси.

„Напрасныя надежды“!—мысленно говорилъ на это Симба, пожимая плечами каждый разъ, когда ему приходилось выслушивать мечты и желанія своего прежняго слуги.

— Лео,—говорилъ онъ ему,—ты съ удивительной быстротой и легкостью свыкнешься съ новыми условіями твоей жизни. Останься здѣсь, въ Занзибарѣ, я съумѣю найти для тебя хорошаго господина. Если же ты непремѣнно хочешь вернуться на Газелью рѣку, то подожди, пока сюда не явится какой нибудь бѣлый, желающій пересѣчь Африку въ этомъ направленіи. Тогда присоединись къ нему и, можетъ быть, тебѣ такимъ путемъ удастся вернуться на родину.

. . . .

— Ну, слава Богу, теперь вы замѣтно оправились—говорилъ гостепріимный купецъ Бѣлой Бородѣ.—Вамъ необходимо немного развлечься; тогда и состояніе духа у васъ будетъ менѣе угнетенное. На сегодня у меня есть маленькій планъ!.... Что вы скажите, напримѣръ о ночной прогулкѣ по улицамъ Занзибара?

Бѣлая Борода, какъ его называли и бѣлые, и арабы въ Занзибарѣ, выразилъ на это свое согласіе и, когда насталъ вечеръ, оба соотечественника вышли изъ дома на улицы города.

— Пойдемте на плацъ-парадъ, — сказалъ купецъ,—сегодня тамъ опять даровое представленіе, которымъ Его Величество Султанъ желаетъ потѣшить своихъ подданныхъ. Онъ уже опять выписалъ на счетъ государственной казны труппу акробатовъ изъ Египта и вотъ сегодня мы съ вами увидимъ и акробатическіе фокусы, и балетъ; услышимъ цѣлый концертъ,—словомъ, все, что только пожелаемъ.

Въ тотъ моментъ, когда Бѣлая Борода со своимъ спутникомъ пришли на плацъ-парадъ, въ рядѣ представленій былъ какъ разъ перерывъ, но тѣснившаяся вокругъ площади толпа, освѣщенная свѣтомъ многочисленныхъ факеловъ, кидавшихъ фантастическій свѣтъ на ихъ лица, кричала, нетерпѣливо требуя на различныхъ нарѣчіяхъ „Царицу змѣй“.

— Мы поспѣли съ вами сюда какъ разъ во время,—говорилъ купецъ, — и увидимъ теперь именно самую интересную часть программы. Надо отдать ей справедливость, эта царица Змѣй дѣйствительно прекрасно исполняетъ свой нумеръ; главнымъ образомъ, она превосходно наигрываетъ на флейтѣ. Ничего подробнаго я не слыхалъ въ исполненіи дикарки.

При этомъ купецъ, растолкавъ кучку негровъ, пробрался вмѣстѣ съ Бѣлой Бородой въ первый рядъ зрителей.

Въ этотъ моментъ изъ маленькой палатки вышла такъ нетерпѣливо ожидаемая „царица змѣй“ и выступила на середину круга. На ней былъ странный нарядъ, покрывавшій тѣло до колѣнъ и весь состоявшій изъ пестрыхъ бумажныхъ платковъ, связанныхъ между собой. Платки эти были не разрѣзанные и спускались съ плечъ на грудь и спину цѣлыми дюжинами, въ томъ видѣ, въ какомъ они получаются отъ европейскихъ фабрикантовъ.

Обнаженныя руки и ноги этой женщины были увѣшаны множествомъ желѣзныхъ украшеній, производившихъ своеобразное бряцаніе при каждомъ малѣйшемъ движеніи.

При недостаточномъ освѣщеніи колеблемыхъ вѣтромъ то въ ту, то въ другую сторону факеловъ трудно было различить не только ея черты, но даже и опредѣлить ея возрастъ.

Ее сопровождалъ маленькій негритенокъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, съ большимъ кожанымъ мѣшкомъ.

Заклинательница и мальчикъ — подростокъ сѣли другъ противъ друга въ центрѣ площади, и полнѣйшая тишина воцарилась мгновенно среди тысячеголовой толпы.

Даже и на открытой верандѣ султанскаго дворца все затихло. Тамъ горѣли сотни огней. Самъ Султанъ присутствовалъ на этомъ представленіи; весь его многочисленный пестрый дворецъ собрался вокругъ него. Въ видѣ исключенія, присутствовали на этотъ разъ и дамы горема, лица которыхъ были скрыты отъ любопытныхъ глазъ подъ покрывалами, затканными золотомъ, оставляя открытыми одни только глаза.

Между тѣмъ „Царица змѣй" заиграла на своей флейтѣ. Дѣйствительно, то были своеобразныя мелодіи; она умѣла извлекать изъ своего несложнаго инструмента по истинѣ удивительные звуки, которые дѣйствовали особенно сильно на Бѣлую Бороду именно потому еще, что ему казалось, будто онъ уже слышалъ ихъ когда-то.

— Но гдѣ? когда? спрашивалъ онъ себя.

Постепенно въ душѣ его воскресло какое-то смутное воспоминаніе: ему вдругъ вспомнилась страна Динка, какъ тамъ тѣ же звуки волшебной флейты призывали облака и тучи или же отгоняли ихъ.

Но вотъ, когда змѣи изъ развязаннаго мальчикомъ кожаного мѣшка стали выползать на колѣни „Царицы змѣй", ему показалось, что онъ опять видитъ себя въ одной изъ негритянскихъ хижинъ на берегу Газельей рѣки, и Зюлейку, кормящую растительнымъ масломъ принесенныхъ ей Лео змѣй.

— Неправда ли, она прекрасно исполняетъ свой нумеръ?—сказалъ купецъ, но Бѣлая Борода уже не отвѣтилъ: онъ положительно пожиралъ глазами „Царицу змѣй", и въ душѣ его зарождалась слабая, но радостная надежда.

— А вѣдь тотъ мальчуганъ, котораго я тогда спасъ отъ смерти, теперь долженъ быть въ этомъ-же возрастѣ, какъ и этотъ подростокъ, что сидитъ теперь противъ нее!—Думалъ онъ.

Между тѣмъ „Царица змѣй“ поднялась на ноги и показалась толпѣ въ своемъ диковинномъ живомъ уборѣ: вокругъ рукъ и ногъ ея обвились змѣи, а самая громадная изъ нихъ кольцомъ обвила ея шею.

— Это очень опасно,—замѣтилъ одинъ изъ близь стоящихъ арабовъ,—змѣя легко можетъ задушить ее.

— Это, дѣйствительно, настоящія ядовитыя змѣи?—спросилъ кто-то другой.

Теперь „Царица змѣй“ снова заиграла и плавнымъ шагомъ подошла прежде всего къ верандѣ Султана, гдѣ женщины гарема желали поближе посмотрѣть на эту диковинную женщину, затѣмъ медленно обошла все тѣмъ же шагомъ, подъ звуки своей флейты, весь кругъ зрителей.

— Эта труппа выписана султаномъ изъ Египта?—Спросилъ Бѣлая Борода своего спутника.

— Да, да, если не ошибаюсь, изъ Хартума! — отвѣтилъ тотъ.

Сердце Симбы забилось шибче при этомъ извѣстіи; предположеніе его и догадки какъ бы оправдались.

Вскорѣ онъ долженъ былъ вполнѣ удостовѣриться въ этомъ, такъ какъ черезъ минуту „Царица змѣй“ должна была пройти мимо него, и онъ рѣшилъ окликнуть ее такимъ именемъ, звукъ котораго долженъ былъ произвести на нее сильное дѣйствіе. Если только она знала это имя, то всѣ сомнѣнія разомъ исчезали.

Но Бѣлая Борода уже много лѣтъ не присутствовалъ ни на какихъ представленіяхъ и совершенно забылъ, что происходитъ въ подобныхъ случаяхъ, а потому случилось такъ, что онъ пропустилъ удобный моментъ, когда могъ осуществить свой планъ. Почтенная публика, состоявшая изъ арабовъ, индусовъ и всякаго рода негровъ, также желала видѣть „Царицу змѣи“ какъ можно ближе, а такъ какъ она въ данный моментъ проходила мимо того мѣста, гдѣ стоялъ Бѣлая Борода, то произошла внезапная толкотня и сумятица, какъ это всегда бываетъ въ подобные моменты, и Бѣлая Борода не увидалъ ничего, кромѣ цѣлаго моря головъ

и плотной живой стѣны, изъ-за которой до него доносились грустные, задушевные звуки флейты, постепенно удалявшіеся и замиравшіе вдали.

— Не знаете-ли вы, какъ зовутъ эту „Царицу змѣй?“— вдругъ спросилъ Бѣлая Борода своего спутника.

Купецъ отрицательно пожалъ плечами.

— Очень сожалѣю,—отвѣтилъ онъ,—но у насъ, въ Занзибарѣ, не существуетъ афишъ!

— Знаю, но тѣмъ не менѣе мнѣ необходимо узнать ея имя!—рѣшительно произнесъ Бѣлая Борода.

— Эхъ, эхъ!—воскликнулъ купецъ,—очевидно, представленіе это произвело на васъ сильное впечатлѣніе,—ужъ не собираетесь ли вы увезти ее въ Европу и разъѣзжать съ нею по ярмаркамъ?

Охотникъ улыбнулся.

— Нѣтъ, не то,—сказалъ онъ,—но мнѣ кажется, что я узнаю въ ней ту негритянку, которую я давно ищу!

— Ну, представленіе теперь окончилось,—замѣтилъ купецъ,—теперь обойдемъ площадь. Я надѣюсь, что за умѣренное вознагражденіе намъ разрѣшатъ взглянуть за кулисы, т. е. въ эту палатку, и тогда вы сами можете спросить у этой „Царицы змѣи“ объ ея имени.

— Да, да сдѣлаемъ такъ!—радостно воскликнулъ Бѣлая Борода.

Спутникъ его охотно принялъ на себя роль вожатаго въ толпѣ. Поработавъ изрядно локтями и кулаками, пріятели наши добрались, наконецъ, до палатки, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и балаганомъ.

Въ качествѣ бѣлыхъ, которые всегда хорошо платятъ, они были приняты очень любезно самимъ импрессаріо. Но „Царицы змѣи“ уже не было.

Купецъ освѣдомился объ ея имени.—Но директоръ трупы, догадавшись, что эти господа интересуются одной изъ его артистокъ, объявилъ съ многозначительной миной, что это должно оставаться тайною для всѣхъ.

— А гдѣ она живетъ? — освѣдомился Бѣлая Борода, — я бы охотно направился къ ней!

На это директоръ сначала пытливо посмотрѣлъ на говорившаго, потомъ улыбаясь сказалъ:

— Она живетъ очень далеко, въ одномъ изъ пригородовъ, и я не совѣтую господамъ отправляться теперь въ такую даль. А если они непремѣнно желаютъ видѣть „Царицу змѣй", то осмѣлюсь предложить вамъ дать завтра утромъ у васъ на дому особое представленіе.

— Повидимому, намъ ничего болѣе не остается, какъ согласиться на его предложеніе!—сказалъ купецъ,—въ томъ только случаѣ, конечно, если для васъ особенно важно повидать еще разъ „Царицу змѣй" и поговорить съ ней.

Бѣлая Борода выразилъ свое согласіе, послѣ чего тутъ-же уговорились о цѣнѣ, и директоръ обѣщалъ, что на слѣд. день около полудни онъ прибудетъ въ домъ купца вмѣстѣ со своей артисткой.

Тѣмъ временемъ толпа начинала уже расходиться; площадь замѣтно пустѣла, и наши пріятели рѣшили пройтись еще немного, прежде чѣмъ вернуться домой.

— Не будетъ ли нескромностью съ моей стороны, если я спрошу, почему васъ такъ интересуетъ эта „Царица змѣй"?—обратился къ Бѣлой Бородѣ его спутникъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Ни мало, я охотно сообщу вамъ, въ чемъ дѣло. Въ данномъ случаѣ я работаю въ интересахъ моего вѣрнаго слуги Лео и желалъ бы избавить его отъ дальняго путешествія къ берегамъ Нила!

— Ну, теперь мнѣ все ясно!—воскликнулъ купецъ,—это былъ бы по истинѣ удивительный случай!

— Что касается меня, то я готовъ назвать это только проявленіемъ промысла Божія!—серьезно сказалъ Симба.

Въ улицѣ, по которой теперь шли наши пріятели, стало замѣчательно тихо и безлюдно. Это, повидимому, встревожило купца; онъ поспѣшно вынулъ часы и, взглянувъ на нихъ, сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, уже одиннадцать часовъ! Намъ слѣдуетъ скорѣе укрыться въ какой-нибудь темный глухой уголокъ, гдѣ-бы никто не могъ насъ увидѣть, иначе мы съ

вами попадемъ въ такую дикую травлю, о какой вы не имѣете даже понятія. Прошу васъ, слѣдуйте за мной вонъ въ ту темную нишу, но скорѣе, ради Бога скорѣй! Я слышу, что султанъ уже приближается, а онъ не терпитъ, когда кто-нибудь является свидѣтелемъ его ночныхъ экскурсій.

И дѣйствительно, едва только они успѣли притаиться въ темномъ уголку, какъ на улицѣ послышался стукъ копытъ и грохотъ экипажа,—и странная кавалькада мигомъ пронеслась мимо.

Впереди мчались нѣсколько человѣкъ ѣздовыхъ, т. е. форрейторовъ, съ саблями на голо; за ними неслась коляска четверикомъ, въ которой развалился на мягкихъ подушкахъ самъ властелинъ Занзибара; за нимъ слѣдовало еще экипажей тридцать. Полный мѣсяцъ освѣщалъ мягкія шелковыя ткани маски и покрывала затканныя золотомъ: то былъ дворъ султана. Всѣ они совершали ночную поѣздку въ одинъ изъ окрестныхъ увеселительныхъ дворцовъ. Поѣздъ заключали также всадники съ обнаженными саблями,—и все это мчалось бѣшенымъ аллюромъ вдоль тихихъ улицъ уже спящаго города. Бѣлая Борода стоялъ и дивился.

— Да, другъ мой, мы здѣсь на востокѣ, и у насъ можно видѣть такія вещи, которыя живо напоминаютъ сказки изъ „тысячи и одной ночи“. Если вы здѣсь еще пробудете, то вамъ слѣдуетъ непремѣнно посѣтить одинъ изъ этихъ дачныхъ дворцовъ. Когда тамъ не будетъ дамъ, вамъ легко разрѣшатъ доступъ въ эти сказочные замки. Вы увидите, что обстановка этихъ дворцовъ совершенно европейская, за исключеніемъ кроватей и постелей, потому что здѣсь спятъ на коврахъ, которые разстилаются прямо на полу. Въ этомъ „Шамба“,—такъ зовутся эти дачные дворцы,—вамъ безъ церемоніи разрѣшатъ принять холодную или паровую ванну, если вы того пожелаете. Кромѣ того, тамъ вы найдете и карусель, и русскія качели, которыми вамъ также разрѣшатъ позабавиться. Мало того, недавно Занзибарскій султанъ заказалъ для большой карусели въ одномъ изъ своихъ лѣтнихъ дворцовъ локомобиль. Какъ видите, Занзибаръ не отстаетъ отъ Европы, потому что даже и тамъ не многіе го-

рода могутъ похвастать паровой каруселью. Главное, совѣтую вамъ не отклонять приглашенія къ столу, потому что обѣдъ въ Шамба состоитъ зачастую изъ пятидесяти перемѣнъ; если при этомъ вамъ разъ десять подъ различными видами подадутъ баранину, то и это не бѣда, потому что приготовленіе всѣхъ блюдъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Одного только не достаетъ за столомъ, это пѣнящихся кубковъ. Вѣдь, султанъ долженъ хранить законы Пророка, но онъ умѣетъ ихъ толковать по своему; виноградное вино конечно не допускается къ его столу, но яблочное разрѣшено,—и вотъ султанъ напивается превосходнѣйшимъ яблочнымъ сокомъ, изъ Франкфурта на Майнѣ. Однако, я болтаю да болтаю, а время все идетъ да идетъ. Вы обѣщали разсказать мнѣ кое-что о „Царицѣ змѣй", но намъ неудобно долѣе оставаться на улицѣ. Пойдемте въ бесѣдку, что на крышѣ моего дома; тамъ мы можемъ болтать, сколько душѣ угодно, совсѣмъ по восточному. Тамъ, высоко надъ городомъ, никто не помѣшаетъ намъ, и я буду имѣть возможность съ полнымъ вниманіемъ слушать ваши разсказы, при чемъ позабочусь о томъ, чтобы у насъ не пересыхало въ горлѣ. Благодаря Суецкому каналу мы можемъ имѣть здѣсь прекраснѣйшій рейнвейнъ и пиво экспортъ.

Соотечественники направились къ своему дому. Улицы всѣ уже опустѣли, но на крышахъ еще повсюду слышались смѣхъ и говоръ. Горѣли пестрые фонарики и слышались звуки гитары, а луна освѣщала всю эту пеструю, своеобразную картину своимъ таинственнымъ голубоватымъ свѣтомъ.

Такъ проходятъ ночи, тихія, ясныя, теплыя въ этомъ африканскомъ Парижѣ—Занзибарѣ.

Дѣйствительно, этотъ маленькій островокъ, на которомъ расположенъ городъ Занзибаръ, представляетъ собою своеобразное маленькое государство, центръ свообразной культуры, и ему предстоитъ въ исторіи развитія Африки крупная роль. Занзибаръ можетъ быть названъ „восточными вратами Черкаго материка".

На слѣдующій день въ домѣ купца дѣлались таинственныя приготовленія къ представленію. Таинственныя въ томъ

отношеніи, что Лео отослали въ товарный складъ, гдѣ ему приказано было оставаться до того момента, пока господинъ не позоветъ его, а самъ Симба выискалъ себѣ потайное мѣстечко за занавѣсью въ той залѣ, гдѣ должна была выступить „Царица змѣй", чтобы никѣмъ незамѣченнымъ наблюдать за нею.

Къ чему же были такія таинственности?

Купецъ, которому теперь были уже извѣстны всѣ подробности этого дѣла, разузналъ какимъ-то образомъ, что „Царица змѣй"—раба директора, а потому необходимо было на всякій случай принять мѣры предосторожности. Для того, чтобы вернуть Зюлейку,—если это была, дѣйствительно, она,—надо было откупить ее у директора, а послѣдній, если только успѣетъ замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ, кромѣ обыкновенной купли и продажи, замѣшаны еще нѣжныя сердечныя чувства бѣлаго, не приминетъ запросить двойную или тройную цѣну.

Купецъ, человѣкъ опытный въ такого рода дѣлахъ, задумчиво покачивалъ головою, полагая, что было бы гораздо лучше, если бы Симба отказался отъ „Царицы змѣй", которая для здѣшней публики является такой громадною приманкой, что директоръ, ея владѣлецъ, едва-ли согласится продать ее, даже и за очень большую цѣну.

— Прежде всего намъ надо убѣдиться, дѣйствительно-ли это Зюлейка,—говорилъ Бѣлая Борода,—а все остальное само собой уладится!

— Прежде она была моей рабой, и я подарилъ ей свободу, а потому никто не имѣетъ права дѣлать ее рабой, а здѣсь, вѣдь, мы находимся подъ покровительствомъ цивилизованныхъ народовъ!

— Другъ мой,—возражалъ купецъ,—на это покровительство я не совѣтую вамъ особенно разсчитывать. Изъ-за такой пустяковины, какъ счастье двухъ негровъ, здѣсь не станутъ возбуждать непріятныхъ дѣлъ, и вообще никто этимъ не станетъ заниматься. Если бы мы, дѣйствительно, заставляли наши посольства вступаться въ такіе пустяки, то наши консулы не имѣли бы ни одной покойной ночи отъ усилен-

ной работы. Вы сами поймете, что изъ-за вашей „Царицы змѣй“ ни одно правительство не согласилось бы бомбардировать султанскій дворецъ, а потому во всякихъ подобнаго рода мелочахъ намъ, чужестранцамъ, приходится покоряться мѣстнымъ законамъ и мѣстнымъ обычаямъ.

Въ этотъ моментъ доложили о приходѣ артистовъ, и Симба поспѣшно удалился на свое мѣсто за занавѣсью.

Самъ директоръ и „Царица змѣй“ вошли въ залу. Антрепренеръ привѣтствовалъ хозяина дома съ обычной восточной церемонностью и напыщенностью. Хозяинъ дома приказалъ подать прибывшимъ освѣжительные напитки и плоды, а когда они угощались, совершенно естественно и простодушно спросилъ „Царицу змѣй“:—„Какъ твое имя?“,—но не получая на свой вопросъ никаго отвѣта, еще разъ повторилъ свои слова; тогда вмѣсто спрошенной отвѣчалъ самъ директоръ:

— Она нѣмая, милостивой Господинъ!

— Ты—нѣмая? Въ самомъ дѣлѣ нѣмая!—обратился еще разъ купецъ къ негритянкѣ.

Та утвердительно кивнула головой, но отъ наблюдательнаго взгляда купца не укрылась, что она сдѣлала это принужденно. Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что она сдѣлала это потому только, что того требовалъ отъ нея ея господинъ. Между тѣмъ директоръ торопилъ начать представленіе.

Вмѣсто негритенка подростка, державшаго вчера во время представленія мѣшокъ со змѣями, самъ директоръ сѣлъ противъ „Царицы змѣй“, которая теперь начала наигрывать на флейтѣ.

Изъ открытыхъ оконъ залы чарующіе звуки флейты неслись во дворъ и на улицу; ихъ было слышно далеко далеко, потому что въ страшный полуденный зной всѣ улицы Занзибара какъ будто вымираютъ.

На этотъ разъ змѣи оказались не столь послушными, какъ наканунѣ; очевидно, директоръ не такъ умѣло держалъ мѣшокъ, какъ привычный къ этому мальчикъ, и звуки флейты лились то гнѣвные, то молящіе, то буйные и грозно повелительные. Наконецъ, изъ мѣшка стали выползать змѣи

и обвиваться кольцами вокругъ ногъ и рукъ, плечей „Царицы змѣй“, а самая большая изъ нихъ, какъ и вчера, обвила ей шею. Теперь негритянка проворно вскочила на ноги, но не приложила, какъ въ тотъ разъ, флейты къ губамъ, чтобы подъ звуки музыки обойти медленнымъ, ритмическимъ шагомъ всю залу; нѣтъ, она неподвижно осталась на мѣстѣ, потому что въ этотъ моментъ съ шумомъ распахнулась дверь залы, и на порогѣ ея остановился Лео съ широко распростертыми объятіями. Онъ старался произнести какое-то слово, но въ первые моменты старанія его оставались тщетными. Но вотъ онъ наконецъ осилилъ свое волненіе, и изъ груди его какимъ то воплемъ вырвалось слово „Зюлейка!“ Когда царица змѣй услыхала этотъ знакомый голосъ, она упала на одно колѣно и, протянувъ впередъ руки, воскликнула одно только слово „Лео“! но въ этомъ словѣ сказалось все,—все счастье и всѣ муки ея души.

Купецъ невольно вскочилъ съ своего мѣста, а директоръ грозно нахмурилъ брови.

— Что это значитъ? Передъ кѣмъ упала на колѣни „Царица змѣй? Онъ никакъ не могъ объяснить себѣ этой загадки. Но Бѣлая Борода, невидимо присутствовавшій, съ сильно бьющимся сердцемъ, при этомъ радостномъ свиданіи, отлично зналъ, что означаетъ эта сцена и какъ все это могло случиться.

Волшебныя звуки флейты, дѣйствительно, сдѣлали чудо. Лео услыхалъ во дворѣ эти звуки; они просились ему прямо въ душу. Такъ могла играть только одна женщина! Да, вотъ она выражаетъ гнѣвъ, мольбу, а вотъ теперь призываетъ его, зоветъ его,—бурнымъ, мятежнымъ порывомъ вырываются изъ ея груди эти задушевные звуки... И онъ забылъ приказаніе своего господина, забылъ все на свѣтѣ и рванулся туда, откуда льются эти звуки. Онъ добѣжалъ до залы, рванулъ, широко распахнулъ дверь,—и глазамъ его предстала та, которую онъ такъ давно розыскивалъ, къ которой рвался всей душой...

Въ кофейныхъ и парикмахерскихъ Занзибара и въ высшемъ кругу мѣстной знати была теперь новая тэма для

разговоровъ и сплетень. Раскрылась удивительная исторія. Разсказывали, что „Царица змѣи" была когда-то невольницей Бѣлой Бороды; онъ купилъ ее у одного торговца невольниками въ Хартумѣ и даровалъ ей свободу, окрестивъ въ христіанскую вѣру. Затѣмъ она стала женою Лео, любимаго слуги Бѣлой Бороды, негра, христіанина, какъ и сама она. Европейскіе консулы утверждали, что „Царица змѣй"— Египетская подданная, и на этомъ основаніи требовали, чтобы ей была возвращена свобода.

Мальчикъ—подростокъ, какъ говорили, сынъ „Царицы змѣи", и потому иностранные консулы требовали, чтобы и ему также была возвращена свобода.

Къ этимъ слухамъ прибавляли еще очень много другихъ, и вечеромъ, когда на площади опять давалось представленіе, зрителей было еще больше, чѣмъ обыкновенно. Всѣ хотѣли видѣть эту „Царицу змѣй", о которой говорилось такъ много интереснаго. Но выяснилось, что она отказалась повиноваться директору и бѣжала отъ него въ домъ Бѣлой Бороды. Арабы роптали и негодовали; индусы улыбались себѣ подъ носъ, а христіане были, видимо, смущены. Очевидно, это дѣло съ „Царицей змѣй" вызывало своего рода конфликтъ, а потому не мудрено, что самъ Султанъ пожелалъ рѣшить этотъ вопросъ лично, по своему усмотрѣнію.

Сегодня обѣ враждующія партіи были приглашены во дворецъ Султана передъ ясные очи самого властелина. Громадная толпа народа запружала всю площадь, чтобы узнать приговоръ Султана. Проходилъ часъ за часомъ, но никто не выходилъ изъ дворца; очевидно, дѣло было жаркое, если разбирательство длилось такъ долго: обыкновенно у Султана судъ былъ короткій и рѣшительный, и всѣ дѣла вершились въ нѣсколько минутъ. Но вотъ изъ воротъ дворца показался египетскій антрепренеръ; онъ казался весьма обезкураженнымъ и недовольнымъ. Изъ этого публика тотчасъ же вывела заключеніе, что его дѣло проиграно. Тѣ же изъ присутствующихъ, которые все еще сомнѣвались, при видѣ слѣдующей картины должны были окончательно убѣдиться, что первая догадка была вѣрна.

Изъ воротъ дворца, слѣдомъ за директоромъ, шли рука объ руку Лео и Зюлейка, а впереди нихъ негритенокъ—подростокъ, сынъ Зюлейки. За ними весело выступалъ Бѣлая Борода, улыбавшійся, счастливый и довольный. Толпа заликовала, превознося мудрость и справедливость своего государя; по всему городу мигомъ разнеслась радостная вѣсть, что, по всесильному слову Султана, Лео, Зюлейка и ея сынъ признаны свободными неграми, а директоръ пріѣзжей труппы долженъ былъ удовольствоваться откупными деньгами, выданными ему изъ частной казны султана въ видѣ возмѣщенія за убытки, какіе ему придется понести благодаря отсутствію изъ его труппы „Царицы змѣй“, пока онъ не найдетъ замѣстительницы ей.

Вновь освобожденныхъ и соединенныхъ теперь на вѣки супруговъ съ тріумфомъ проводили вплоть до гостепріимнаго дома европейскаго купца, а вечеромъ, когда стемнѣло, вокругъ этого самаго дома столпилось множество людей, жадно прислушиваясь къ дивнымъ звукамъ волшебной флейты, доносившимся до нихъ съ крыши дома и далеко слышныхъ въ ночной тишинѣ...

По волнамъ безбрежнаго Индѣйскаго океана плыветъ большой пароходъ, направляясь на сѣверъ. Съ Занзибарской гавани можно только видѣть темную струю дыма на дальнемъ морскомъ горизонтѣ; но на берегу все еще стоятъ три черныя фигуры негровъ и глазами, полными слезъ, провожаютъ этотъ темный дымокъ.

Лео стоитъ безмолвно и неподвижно, и въ памяти его воскресаютъ всѣ тѣ опасности, какія онъ переживалъ вмѣстѣ съ Бѣлой Бородой. Молодой негритенокъ весьма равнодушно смотритъ въ даль, но не смѣетъ нарушить ни однимъ словомъ трогательное настроеніе своихъ родителей. Зюлейка-же заливается слезами: этотъ скрывающійся изъ вида пароходъ увозитъ отъ нея ея духа хранителя, ея „адьока“!

Бѣлая Борода, стоя на палубѣ парохода, съ радостнымъ чувствомъ довольства вспоминаетъ послѣдніе дни: ему удалось найти тихую и надежную пристань для преслѣдуемыхъ и гонимыхъ, которые полагались на него. Въ Занзи-

барѣ, поцъ защитою консуловъ и военныхъ судовъ, эти люди были въ полной безопасности отъ безчеловѣчныхъ ловцовъ невольниковъ, и такъ какъ и Лео, и Зюлейка были люди работящіе, способные и честные, то они всегда могли найти себѣ здѣсь заработокъ и жить счастливо и въ полномъ довольствѣ.

При мысли о счастіи другихъ Бѣлая Борода былъ вполнѣ счастливъ и самъ...

Не столь счастливо, какъ жизнь Лео и Зюлейки, сложилась жизнь другихъ друзей Бѣлой Бороды, тамъ, на берегахъ озера Танганайка. Тамъ по прежнему процвѣтаетъ работорговля, и одинъ знаменитый путешественникъ, посѣтившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ горы Кунгве, нашелъ на берегу озера негритянскую деревню, которая по описанію очень походитъ на тембэ Лугери.

Это нагорное селеніе, которое Симба оставилъ въ такомъ цвѣтущемъ видѣ, представляло теперь груду развалинъ, съ разбросанными тамъ и сямъ уже полуразложившимися трупами жителей. Очевидно, и здѣсь похозяйничали хищные арабы, и здѣсь повторилась та же вѣчная исторія, какая происходитъ на всемъ обширномъ пространствѣ „Чернаго материка“.

Но теперь и надъ этой несчастной страной восходитъ новая заря, и то, о чемъ много лѣтъ тому назадъ мечталъ Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце, стало теперь дѣйствительностью: неграмъ возвращены общечеловѣческія права, а арабы должны были покориться и навсегда прекратить свою постыдную торговлю рабами.
